

Мартин МАЛИЯ

К
ПОНИМАНИЮ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

МАРТИН МАЛИЯ
К ПОНИМАНИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Martin Malia

**UNDERSTANDING THE RUSSIAN
REVOLUTION**

Translated from French

by *E. S. Ternovsky*

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1985

Мартин Малия

К ПОНИМАНИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с французского

Е. С. Терновского

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1985

Martin Malia: K PONIMANIU RUSSKOI REVOLIUTSII

First Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

First published in French
under the title *Comprendre la Révolution russe*
(Éditions du Seuil, 1980)
Copyright © Éditions du Seuil, 1980
Copyright © Russian edition Overseas Publications
Interchange Ltd, 1985

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 82 2

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

От редакции

Мартин Малиа — один из наиболее известных историков и славистов послевоенного поколения. Ученик крупного русского историка, профессора М. Карповича, Малиа учился в Харвардском университете и в *Ecole des hautes études* (Франция). Первый труд Малиа — «Герцен и рождение русского социализма» — получил высокую оценку в среде историков и славистов и был признан классическим трудом в этой области.

Ныне М. Малиа — профессор Калифорнийского университета (Беркли). Он также читает лекции в *Collège de France* и в *Ecole des hautes études*. Настоящая работа — подготовленный слушателем, о. Франсуа Руло, курс лекций, которые Малиа прочитал в 1974 году в *Ecole des hautes études*. Отсюда — свободный, неакадемический стиль изложения, неизбежные некоторые повторения, возвращения к основным концепциям. Все это, разумеется, не только не умаляет достоинства этой выдающейся книги, но, напротив, придает ей живость и непринужденность изложения.

Введение

*Опыт анализа
революционного процесса
в России*
(1904 — 1934 г.г.)

Какой окончательный итог можно подвести тому потрясению, каким была русская революция? Какими моделями располагаем мы, чтобы вникнуть в смысл событий 1917 года и тех, что последовали за ним? Более чем через шестьдесят лет после этих событий наши анализы остаются весьма бедными, иногда примитивными, зачастую без всякой подлинной связи с реальностью.

Быть может, взгляд, брошенный на историографию французской революции, поможет нам выйти из этого тупика. В самом деле, в течение пятидесяти с лишним лет историки анализировали события 1789 года исключительно на основе воззрений или свидетельств тех, кто были участниками революции: анализ событий, таким образом, принимал направления легитимистское, орлеанское, жирондистское, якобинское, бонапартистское и т. д. Пришлось ждать кризиса 1848 года, чтобы достаточно отдалиться от событий 1789 года и попытаться рассмотреть их в более объективном свете. Вот почему социально-экономическая интерпретация Маркса и либеральная интерпретация Токвиля обновили изучение революции. Со всем не случайно исследование Маркса «Борьба классов во Франции» и труд Токвиля «Взгляд на правление Людовика XVI» датируются одним и тем же годом — 1850.

По всей видимости, так же обстоит дело и с изучением русской революции, в том смысле, что ее история вначале была написана на основе различных концепций её участников или жертв. Но сегодня мы достаточно отделились от объекта изучения, чтобы исследовать явление 1917 года, открыть в нем свойственные лишь ему черты и особенности.

Первые толкования революционных событий были связаны с основной проблематикой времени: явился ли 1917 год началом рождения социализма? Является ли сталинизм продолжением ленинизма? Была ли революция предана, как утверждает Троцкий? Если к этому прибавить роль Первой мировой войны и империализма, то видно, что все эти толкования остаются в рамках общепринятых в то время воззрений на события.

Нужно подчеркнуть, однако, что исследование русской революции ведется гораздо более интенсивно вне границ СССР, чем внутри (в случае французской революции было совсем иначе). Споры разгораются сначала среди эмигрантов: так, для меньшевиков, социализм, осуществленный лишь в одной стране и притом экономически отсталой, не может быть ничем иным, как карикатурой на социализм. И это произошло по вине большевиков. Другие эмигранты, либералы, приходят к довольно схожему мнению, попутно указывая, что слабая либерально-политическая традиция и отсутствие конституционного режима, глубоко вкорененного в жизнь страны, могли привести лишь к радикализации или, скорее, «варваризации» революции. Иностранцы историки охотно подхватят эту точку зрения.

В СССР, особенно после смерти Сталина, появляются некоторые новые попытки понимания революции. Для Медведева ленинская революция была удачным и даже замечательным достижением, но впоследствии искажена Сталиным и сталинизмом. С другой стороны, можно упомянуть Амальрика и Солженицына, для которых сталинизм — естественный плод ленинизма, поскольку сама природа революции для них сомнительна.

Чтобы более или менее систематически изучить вопрос,

необходимо просмотреть наиболее характерные толкования революции, последовательно выраженные. Затем мы рассмотрим три общие модели, к которым можно свести различные интерпретации, и попытаемся определить происхождение этих моделей, с тем, чтобы точнее указать их недостаточность и их пределы.

1. Различные интерпретации

Чтобы понять, как сформировался образ русской революции, самое простое — просмотреть различные толкования событий.

Споры среди эмигрантов.

Совершенно естественно, что вопрос о русской революции прежде всего оказался спором между различными её участниками или различными политическими партиями, которые осуществляли её или были побеждены. Поэтому мы сразу же оказываемся в гуще споров между социал-революционерами и представителями конституционной партии (кадетами), равно как между большевиками и меньшевиками. В сущности, главный вопрос заключался в том, законно ли было осуществление революции в экономически слабо развитой стране. Ответ Троцкого был утвердительным. Эти споры превратились скорее в обмен взаимными упреками, чем в подлинный анализ.

Прежде всего, следует указать на истолкование событий, данное Керенским и Черновым. Но именно труд либерала Милюкова («История русской революции». 1921 г., т.т. 1 — 3) позволил этому спору уточнить свой характер. Эта книга обсуждалась как в Москве, так и в Берлине. Касаясь основных элементов спора, Милюков упрекает меньшевиков и Временное правительство в слишком большой мягкости.

Эта дискуссия будет продолжаться, и основная её цель — выяснить, какая именно группа совершила ту или иную ошибку в данный момент. Но на самом деле этот спор приведет к довольно поверхностному анализу и дискуссия останется открытой между четырьмя направлениями или четырьмя партиями.

Полемика среди западных левых.

На Западе среди левых партий полемика не замедлила развиться.

В Германии, в частности, дебаты были весьма существенны. Роза Люксембург, так же как и Карл Каутский, отказывалась видеть в русской революции подлинную социальную революцию. Большевики в революции не составили большинства, и, исходя из этого факта, провозглашение демократии становилось невозможным: последующее развитие было заранее обречено на анархическое разрушение, возврат к русскому народничеству и его ошибкам. И наиболее глубокая причина поражения русской революции неотделима от отсутствия демократической культуры в России.

Короче говоря, в этом заключалась суть дискуссии, которая отделила русских большевиков от немецких социал-демократов.

Троцкистский раскол.

Следует отдельно рассмотреть троцкистское толкование событий, поскольку оно включает в себе один из основных источников советской истории в том виде, в каком она известна на Западе. По Троцкому, революция 1917 года была вполне законной, поскольку она осуществлялась с целью вызвать мировую и перманентную революцию против капитализма. Революция 1917 года — подлинное творение пролетариата, основная цель которой — всемирная революция.

К несчастью, положение ухудшилось, когда Сталин, опираясь на бюрократическую партию, отказывается от доктрины всемирной революции с тем, чтобы строить «социализм в одной стране». В этом заключается основная ошибка.

В самом деле, Россия, отрезанная от передовых, высокоразвитых стран, не может построить социалистическое общество с высоким жизненным уровнем. Чтобы преодолеть жизненные трудности, приходится смириться с бюрократией, которая является псевдокомпенсацией экономического дефицита и настоящим разложением социализма.

По мнению Троцкого, ответственность за это положение ложится не только на Москву. В самом деле, если бы Германия совершила революцию, не было бы экономических трудностей, было бы продовольственное и товарное изобилие, и, следовательно, не было бы ни Сталина, ни бюрократии.

Эта точка зрения довольно примечательно представлена в работе английского историка Э. Карра «Большевистская революция».

Теория тоталитарных режимов.

Западные либералы сближают марксистский режим с нацистским, подчеркивая при этом, что в обоих случаях речь идет о диктатуре и тоталитарном режиме. Поэтому после 1933 года тоталитаризм обличается повсюду к востоку от Рейна. События 1939 — 41 г.г., как кажется, дают достаточно подтверждений этой теории (все же можно отметить, что оба режима наиболее тесно соприкасаются не в тоталитаризме, но в идеологической природе режима, ибо еще недостаточно политического контроля, осуществляемого верхушкой, чтобы создать одну и ту же политическую модель).

Среди представителей теории тоталитарных режимов можно отметить Х.Арендт и К.Фридриха.

Теория конвергенции.

В противоположность этой радикальной критической интерпретации существует некая оптимистическая теория советской действительности, из которой следует, что под непреодолимым давлением экономической эволюции все политические режимы, сколь разными по своей сути они ни были бы, вынуждены *volens nolens* стремиться к модели экономического возрастания, которая является более или менее одной, если не единственной.

Действительно, во всем мире — будь то в странах с экономикой свободного рынка или с плановой экономикой — прежде всего имеет значение индустриализация и экономическое развитие. Именно экономическое развитие определяет политику — а не наоборот. Поэтому под воздействием экономического давления деспотизм должен исчезнуть, хозяйственники (*managers*) возьмут повсюду власть в свои руки. Эта точка зрения является базой теории конвергенции различных политических режимов. Она была подробно разработана К.Галбрайтом, который полагает, что социальная и политическая конвергенция навязывается всем существующим режимам как необходимость.

В СССР это мнение разделял академик А.Д.Сахаров в первый период своей деятельности. Он считал, что советский режим смягчится и Запад приблизится к СССР. Таким образом, вызов Запада Советскому Союзу лишь удвоится вызовом Советского Союза Западу.

2. Три модели

Это беглое обозрение различных интерпретаций советской революции дано в хронологическом порядке *grosso modo*. Остается сделать следующий шаг: свести разнообразие этих интерпретаций к синтетическим моделям.

Среди них можно различить три модели: либеральную, консервативную и марксистскую.

Либеральная модель.

Эта модель руководствуется прежде всего той идеей, что исторически развитие России было естественным, в том отношении, что Россия следовала по пути высоко-развитых стран и была уже готова нагнать основные высокоразвитые — политически и экономически — державы. Россия переживала переход от архаического и монархического (авторитарного и централизованного) общества к обществу плюралистическому и конституционному. Дело в том, что эта либеральная модель построена на убеждении, что существует определенное развитие истории, которое осуществляется в направлении к либерализму, понимаемому как секуляризация священной монархии и рост индивидуальных свобод, а также парламентаризм для ограничения самодержавной власти.

Эта модель не исключает возможность революционного разрыва — по крайней мере в начале. Но в действительности эту возможность можно было бы избежать, в той мере, когда становится ясным, что этот разрыв не является необходимостью.

Другая характерная черта этой модели, которую необходимо отметить, заключается в том, что двигателем эволюции рассматривается не экономика, а политика. Определяющая борьба развивается в институциональном плане. Определяющий фактор — политический.

В России эта модель была внесена или привита Сергеем Соловьёвым — основателем русской исторической государственной школы. Под влиянием немецких идей эта школа считала, что государство должно организовывать гражданское общество. В такой позиции легко можно найти след гегелевской идеи, по которой государство — насадка общества (а не наоборот, как было разработано англо-французской моделью).

По этой исторической концепции развитие России осу-

ществлялось в положительном направлении: при Петре Великом восторжествовал порядок, — правда, путем закабаления, — но всё же жизненно необходимый порядок был учрежден. После Петра Екатерина II совершает следующий шаг вперед: дворяне получают вольность и тем самым составляют свободный класс. Третий этап проделан Александром II, когда он освобождает крестьян и создает земство. На этом этапе уже есть возможность либерального политического созревания. Авторитарное государство закончило свою образовательную роль. Страна непосредственно должна эволюционировать к либерализму. Разумеется, всё это осуществляется не автоматическим путем, но в естественной политической и социальной эволюции.

В 1905 году Россия проходит дополнительный этап, когда возникает Дума. Теперь можно законно, с полным правом утверждать, что Россия на правильном пути: она движется к созданию режима, который близок к государственному устройству Великобритании и Франции, то есть стран с самой старой либеральной традицией.

Революция сломала это развитие. Почему же процесс, так удачно начавшийся, был прерван? Почему русская либеральная эволюция была остановлена и в конце концов повернута к моделям совсем иного характера? Либеральные историки настаивают на том, что разразилась катастрофа: Первая мировая война. Именно эта катастрофа разметала естественное развитие политической жизни страны.

Действительно, легко понять разрушительное воздействие войны на общество столь хрупкое, каким было русское общество, в котором сохранялось еще множество архаических черт. Потрясение было столь сильным, что повсюду возник хаос. И в этом хаосе группа фанатиков смогла захватить власть. Эта группа создала новую автократию в виде Единственной партии. Таким образом, все несчастья России исходят из потрясений, связанных с войной. Именно война была причиной целой цепи катастроф: хаос породил тоталитаризм, потом террор, затем культ личности, также как и диктатуру во имя развития.

Основные представители этой школы — П.Милюков, Х.Ситон-Ватсон, Леонард Шапиро, М.Флоринский.

Объединить этих историков в одну школу или представить их сторонниками одной модели не означает, что они одинаково объясняют искривление исторического пути России и его поражение. Напротив, каждый автор ставит акцент на различных факторах.

В самом деле, можно попытаться объяснить происхождение советской автократии влиянием старой имперской автократии, подкрепленной марксизмом. Вот почему триада «наука — правильная политика — Партия» дает колоссальную силу новой автократии, триада, которую невозможно сравнивать с прежней формулой «самодержавие — православие — народность».

Другие подчеркивают, что обычно Единственная партия не предполагает культ экономического развития. Но так как марксизм рассматривает экономику как базу любого общества, культ экономического развития с самого начала заключен в логику системы. Эта точка зрения была подробно развита Р.Ловенталем и А.Уламом.

Можно также настаивать на культурной русской отсталости во время революции. Безусловно, в тогдашней России культура была принадлежностью тонкого социального слоя. Кроме того, не существовало традиции гражданских прав. В таком контексте развитие демократии становилось трудным — таково мнение Шапиро.

Личность Сталина также может быть представлена решающим элементом. Ведь речь идет о диктатуре, которая длится тридцать лет и действует в наиболее решительные моменты режима: ликвидация крестьянской оппозиции, индустриализация, война. Подобное освещение роли Сталина также варьируется: от образа Сталина — созидательного самодержца до образа помешанного (Р.Тэккер).

Другие историки, не выдвигая решающей роли одного или нескольких человек, настаивают на определяющем действии факторов экономического характера, которые управляли эволюцией советского государства: существует экономический императив, независимый от природы режима, ибо в XX веке, для того чтобы выжить, государ-

ство должно индустриализоваться. Такова точка зрения Алека Нова и Александра Гершкорна (последний настаивает на том, что Россия до 1917 года развивалась особенно быстрым экономическим темпом).

Даже учитывая все эти различия, либеральную модель можно критиковать. Действительно, в советской реальности роль Единственной партии является доминирующим фактом; либеральная модель, как кажется, не признает за ним этого места. В то же время следует заметить, что в либеральной модели политика и её роль значительно увеличены в ущерб социальному фактору. В самом деле, как объяснить, что никакая другая автократия в мире не сумела вкорениться так, как советская автократия? Наконец, следует объяснить, почему в Советском Союзе Единственная партия имеет гораздо более значительное влияние, чем где бы то либо. Не указывает ли это обстоятельство на существование в СССР некоей реальности, о которой либеральная модель не дает достаточного отчета?

Модель консервативная, или циклическая.

Консервативную модель можно также назвать циклической, в том смысле, что она предполагает, что всякая революция движется подобно маятнику: опасаясь насилия, умеренные уступают место экстремистам, которые своими чрезвычайными мерами вызывают консервативную реакцию. Любая революция начинается радостью Захвата Бастилии, с тем, чтобы превратиться в террор, но чрезмерные действия террора порождают Бонапарта, который, отступая, стабилизирует положение. Одним словом, тот, кто движется слишком быстро, вынужден отступить назад. Эта идея, впрочем, не современна: она была уже превосходно сформулирована Фукидидом, когда он развивал историю революции Коркира.

В современную эпоху это циклическое понимание сохраняет свою подлинность в том смысле, что человеческий материал представляет слишком большое сопротивление, чтобы изменение было длительным. Все эти

формулировки и декларации могут сбивать с толку, но на самом деле изменения часто бывают более кажущимися, чем реальными. Вот почему подлинная формулировка революции сводится к тому, что чем больше положение меняется, тем более остается тем же самым. Разумеется, нельзя отрицать идеологической лихорадки и новых формулировок, но сама революция, вместо того, чтобы содействовать созданию нового мира, возвращает нас к прежнему.

Отметим следующих представителей этой школы: Бринтон «Анатомия революции», Н.Тимашев «Великое отступление» (Сталин приводит к голоду и восстанавливает порядок в стране, он воплощает одновременно и террор и Термидор, иначе говоря, Робеспьера и Бонапарта в одном лице). Даже марксистская книга Исаака Дойчера частично отражает это циклическое представление. Стоит также упомянуть роман А.Кёстлера «Нуль и бесконечность», чтобы проиллюстрировать эту тенденцию.

Но и эту циклическую модель можно основательно подвергнуть критике в её приложении к русской революции. В самом деле, можно говорить о замедлении революционного процесса, но никогда не было полной остановки и еще меньше возврата назад как в революциях английской или французской. Не было возврата и к *status quo ante* в том смысле, что диктатура продолжает существовать; не было и бонапартизма, то есть захвата власти армией, которая останавливает революционный процесс.

Безусловно, революция 1917 года начинается в ликованиях; также верно, что с нэпом начинается стабилизация, но последующие события вызывают террор и великие чистки (1936 — 39). Следовательно, никак нельзя говорить о маятниковом движении. Скорее следует утверждать, что происходит спад революционного энтузиазма, но тем не менее партия остается на месте и диктатура не прекращается.

Вот почему, при некоторой справедливости своих положений, циклическая модель не может дать ключ к пониманию русской революции. Анализировать русскую революцию посредством циклической модели означает

анализировать её посредством опыта английской или французской революции, не отдавая себе отчета в её особенном характере.

Марксистская модель.

Марксистская интерпретация имеет сильное влияние, и марксистская модель играет большую роль в современной историографии. Её основной принцип выставляется как научный: существует логика истории, которую невозможно избежать, и следует «подчиниться этому закону». Речь идет о “*Gesetzmäßigkeit*”, закономерности (по-русски в тексте. *Прим. пер.*). Любая революция является продуктом этой закономерности. Маркс открыл в классовой борьбе законы истории, которая следует от рабовладельческой системы к системе феодальной, затем к буржуазной, и, наконец, к социалистической. Каждый из этих классов, правящих в определенный момент истории, представляет высший экономический уровень, и, следовательно, социалистическая революция представляет наиболее высокий экономический и социальный уровень.

Внутри марксизма со временем возникнут и другие интерпретации; одни из них рассматривают советскую революцию как подлинную революцию или как революцию преданную, в зависимости от позиции автора: коммунистической ортодоксальной или диссидентской.

Для ортодоксальной коммунистической модели революция началась совершенно правильно, но затем произошел «исторический инцидент» — культ личности исказил революционный процесс.

Подобное понимание трудно отстаивать, ибо сталинский инцидент длился тридцать лет и именно во времена Сталина учение марксизма было введено в России и был «построен социализм». Поэтому сразу же возникает вопрос: как возможно было появление такого чудовища? Каким образом это чудовище составляет часть логики истории? Таков *стих* советских историков. Единственная лазейка находится в утверждении целого ряда слепых ошибок, порожденных культом личности.

Для диссидентской марксистской модели (исповедуемой внутри СССР) отправная точка — та же, что и для предыдущей модели: революция была законной и в 1917 году произошла подлинная социалистическая революция. Она развивалась положительно и Сталин действительно построил социализм. Но начиная с 1936 — 38 г.г. происходит отклонение, которое называется сталинизмом. Это явление основывается на всеобщей коррупции. Таким образом, до 1937 года мы констатируем правильное развитие и затем перед нами возникает историческая загадка. Подобного понимания придерживается Рой Медведев.

Троцкистский вариант заслуживает отдельного рассмотрения. История революции была написана Троцким согласно ортодоксальному пониманию и является полным марксистским изложением, самым живым и наиболее умным. Революция 1917 года, говорит он, — подлинная революция, поскольку она подтверждается «законом развития неравенств» внутри «теории империализма».

Но эта революция была предана. Коррупция начинается после 20-х годов и в тридцатые становится весьма основательной. Тот факт, что революция была предана, не означает, что коррупция становится тотальной: СССР — рабочее государство; но оно вырождается. Эта теория соединяет в себе и признание законности революции и осуждение сталинизма.

Если это так, то как можно спасти логику истории, ее подчинённость закону? Ведь Сталин не мог быть случайностью. Сталин существовал. Исходя из этого факта, как можно объяснить этот «инцидент» или эту «ошибку»? Троцкий и троцкисты предлагают целые серии объяснений. Первая: в экономическом отношении страна была слишком отсталой, чтобы революция могла удасться сама по себе. Вторая: новый социальный класс — партийная бюрократия — сумела приобрести чрезмерное значение по причине изоляции СССР и его социально-экономического отставания. Третья: поскольку в Германии революция не произошла, цель мировой революции была потеряна из-за теории построения социализма в одной стране.

Эта модель остается центральной, и кажется более или

менее удовлетворительной для объяснения революции. Для её изучения следует обратиться к различным работам самого Троцкого, но также можно указать и на других историков: Либман (Бельгия), Исаак Дойчер (США), Э.Карр (Англия), М.Ферро (Франция).

Следует также упомянуть и об анархическом варианте, хотя он и не связан с марксистской доктриной. Для анархистов не существует логики истории и закономерности (по-русски в тексте. *Прим. пер.*), ибо только в человеке заключается основополагающий фактор, человек творит историю.

Однако, как и коммунисты, анархисты полагают, что революция развивалась правильно с самого начала, но в 1921 году была приостановлена, в чем и заключается подлинное предательство революции.

Наиболее значительный представитель подобного толкования — Поль Аврич.

Таковыми представляются различные марксистские модели и анархистская модель. Эти различные модели подводят к пониманию, что революция 1917 года объясняется прежде всего экономическими и социальными факторами: архаический уровень русской экономики и усиление бюрократического класса.

Достаточно ли указать на эти причины для объяснения русской революции? Верно, что уровень жизни в России в то время был ниже, чем во многих европейских странах; также безусловно, что это положение вызвало рабочее волнение. Но в других европейских странах существовала довольно схожая ситуация и революция в них не разразилась. Почему, к примеру, ничего похожего не произошло в Центральной Европе, где положение было весьма похожим на русское, почему в России революция приняла новую и окончательную форму?

Напрашивается вывод: марксистское объяснение событий, даже увенчанное такими заголовками, как «теория империализма» или «закон неравномерного развития», кажется недостаточным для объяснения причин революции. То, что составляет особенность револю-

ционных событий в России, — несводимо только к экономике.

Таким образом, мы отбрасываем последовательно три модели, которые обычно используются для объяснения русской революции. Мы отклоняем либеральную модель как слишком односторонне политическую. Мы отклоняем консервативную модель как односторонне абстрактную. Мы отклоняем марксистскую модель как односторонне экономическую. Остается обратиться к поискам происхождения этих различных моделей, чтобы лучше определить их пределы и недостаточность. Так, постепенно, могут создаться условия для возникновения новой модели, более удовлетворительной для понимания того, чем вообще является революция.

3. Недостаточность различных моделей

Чтобы более систематически проанализировать различные модели понимания революции и их недостаточность, бесполезно напомнить происхождение слова «революция». Этого понятия нет в неевропейских цивилизациях, оно составляет типичную принадлежность западного мира. Сам термин своим происхождением обязан астрономии Коперника: революция звезд, которые периодически возвращаются в определенную точку своей орбиты. В политике это слово сначала использовали в смысле реставрации, возвращения к первоначальному положению. Вот почему для Англии XVII века революция практически является синонимом реставрации — возвращения к старой Хартии.

В XVIII веке, после американской и французской революции, само слово приобретает иной смысл: в нем по-прежнему подразумевается возврат к старому идеальному порядку, но оно также начинает обозначать политическое изменение, начало нового пути и создания нового общества.

В XIX веке, под влиянием немецкой философии, преобладающим смыслом понятия «революции» становится вообще новизна. И постепенно это понятие становится также носителем любой исторической метафизики, из которой марксизм станет со временем наиболее знаменитым учением.

Остается отметить различие, существующее между революцией и бунтом. Революция отличается от восстания или убийства какого-нибудь правителя (в результате этих событий правитель будет замещен тем или другим). Революция, понимаемая в европейском смысле этого слова, является прежде всего бунтом против установленного порядка ценностей, но таким бунтом, который порождает **перемещение законной власти**. Такой бунт не порождает реставрацию, но способствует рождению нового политического режима.

Итак, мы видим различный смысл нового понятия революции. Теперь мы можем проанализировать пределы понимания революции в различных моделях — консервативной, либеральной и марксистской.

Недостаточность консервативной модели.

В некотором смысле консерваторов можно определить тем, что они отказываются различать бунт и революцию или одно уподобляют другому. Для них революция — тщетное и поэтому нежелательное событие. Действительно, общество изменяется мало, после излишеств в одном направлении следует реакция в противоположную сторону и, в конечном результате, возвращение к первоначальному состоянию.

Однако существует бунт, который имеет смысл: когда он приводит к более справедливому существованию и в то же время, в общих чертах, сохраняет прежний уклад жизни. Случай английской революции весьма характерен, поскольку революция осуществилась во имя консервативного принципа: возвращение к старинной Хартии. Даже если эта старинная Хартия была более мифом, чем реальностью, принцип законности, вдохновлявший рево-

люцию. был консервативным принципом. Таково понимание вещей у Локка: существует договор между королем и народом, однако король перестает его исполнять; следовательно, возникает бунт, чтобы восстановить этот договор. То же самое относится и к восстанию в Голландии: Филип изменил правовое положение и бунтовщики требуют возвращения к старым обычаям и полученным привилегиям.

В случае английской революции, лишь после всех событий, то есть после умерщвления короля и диктатуры Кромвеля, обнаруживается, что произошло «что-то новое». Но англичане не дошли до понимания революционного процесса как создателя новой реальности. Напротив, после 1648. года прославленной революции, они повели себя так, словно Кромвель никогда не существовал, и понятие революции стирается с народного сознания в пользу устойчивости.

Что касается американской революции, речь также идет о разрыве договора между властью и гражданами. Сама власть подтолкнула их к бунту. Гражданская война, по сути, была между консерваторами (американскими тори) и взбунтовавшимися (американские виги). Лишь в 1790 году американцы поняли, что совершилась революция, ибо в тот момент пришлось выбирать между революционной Францией и антиреволюционной Англией.

Реакции на французскую революцию также были показательны: парижские события сперва были оценены как явления либеральные, успешные и умеренные. Джефферсон отмечает, что англичане потратили 20 лет на гражданскую войну, чтобы добиться либеральной монархии, которую французы получили за несколько месяцев. Для Канта французская революция — «Победа Просвещения», для Гегеля — «Торжество Разума». Нужно отметить лишь одного очевидного противника — Э. Берка в Англии, который считал, что раз законность попрана, то тирания неминуема.

Короче говоря, такова классическая консервативная позиция, истоки которой можно найти у Фукидида и Аристотеля. Но совершенно ясно, что эти идеи не отражают

той новизны, которая существует в революции, понимаемой в современном смысле этого слова. Говоря иначе, консервативная модель не отдает отчета в политических переменах, которые составляют нечто иное, чем просто реставрацию или возврат к старому порядку.

Недостаточность либеральной модели.

Либеральная точка зрения может быть представлена схематично следующим образом: насилие необходимо в самом начале революции, чтобы окончательно порвать с прошлым, но необходимо контролировать это насилие, чтобы обеспечить возврат к порядку. Необходимо взять Бастилию и даже отрубить голову королю, но это огромное общественное сотрясение должно быть контролируемо таким образом, чтобы избежать наступления тирании. За этой концепцией таится мысль, что существует естественное течение истории: благодаря развитию Просвещения и экономическому развитию естественный революционный процесс является целью, для которой Просвещение, в конечном итоге, — победная сила.

Но известно, что на деле либералы политически всегда непрочны, что экстремисты, силу которых какое-то время они вынуждены использовать, всегда им угрожают самым роковым образом. Жирондисты уступают якобинцам, которые, посредством террора порождают, не желая того, Термидор. Таким образом, на практике либеральная модель уточняется в своей совокупности лишь после бо-напартистского опыта.

Ключевой проблемой становится вопрос о том, как «остановиться вовремя». Существует революционная динамика, которая всегда опасна, поскольку она рискует создать анархию, в свою очередь способствующую появлению тирании. Но если контролировать революционный процесс, то он может быть направлен к либеральному разрешению. Таково было великое открытие либералов: революция амбивалентна, в ней содержится как положительная, так и отрицательная стороны, и попросту необ-

ходимо управлять этим процессом в правильном направлении.

Либералы могли прийти к созданию этой модели не после Бонапарта, но лишь после событий 1830 года. Действительно, эти события показали, что участники революции сумели вовремя остановиться. Был произведен опыт либеральной революции: был сделан ряд уступок, с тем, чтобы не уступать все. Ныне понятно, что ряд реформ может привести к демократии. Если остерегаться двух крайностей (Бонапарта и реставрации), умеренная революция может удалась. Иначе говоря, либералы верят в существование модели умеренной революции: достаточно обойтись без излишеств и действовать постепенно и умеренно. В этом заключается лучшая формула революции. Сколь ни увлекательны эти идеи, совершенно ясно, что они не соответствуют анализу революции советского типа, который предполагает систему иных идей, чем те, которые составили содержание французской революции.

Недостаточность марксистской модели.

Марксистская модель создавалась в те же времена, что и модель либеральная. В обоих случаях размышления были обращены к одним и тем же событиям, но в марксистской модели ключевые категории либеральной модели были абсолютизированы и систематизированы таким образом, что это позволило объяснить отставание Германии от Франции и Англии в политическом отношении. Эта марксистская концепция создается в 1840 году, и можно утверждать, что к 1847 году она вполне закончена («Коммунистический манифест»). Затем Марксу и Энгельсу остается лишь разработать применение этого принципа.

Каким было тогда положение Германии? Это была эпоха немецкой «реставрации», «реставрации» без революции. Революция в Германии была приостановлена этой умелой реставрацией. Но к 1830 году реставрация взрывается: буржуазно-конституционная монархия, как

тогда выражались (либеральный блок, конституциональный блок, цензовики, «западники»), стоит под сомнением.

Для консерваторов 1830 год есть год повторения 1789 года — начала катаклизма французской революции и её руин: единственная возможная позиция — укрепление власти. Для либералов 1830 год — положительное повторение французского опыта, даже некая возможность создания демократии и, по мнению многих, даже республики. Для крайне левых 1830 год — это начало социализма, того социализма, каким он тогда понимается теми, кто хочет идти дальше демократии. (Отметим, кстати, что в то время социалисты не были революционерами, за исключением нескольких групп, как, к примеру, группа Луп Огюста Бланки).

Какое отражение находит этот кризис в Германии? На политическом уровне режим оказывает сопротивление и справляется с кризисом. Но среди немецкой интеллигенции рождается надежда: начат процесс, который охватит всю Германию и подгонит её политическое отставание. Концепция Маркса — одна из многочисленных моделей понимания возможной немецкой революции. Эта модель (как и другие) пользуется западными категориями, то есть английскими и особенно французскими.

В самом деле, категории Маркса — те же самые, что возникли в политических диспутах во времена «июльской монархии», «буржуазной монархии», как говорил сам Гизо, использовавший те же общие места, которые мы находим ныне как у Бальзака, так и у Маркса. Что же касается «феодального строя», то это — не более, чем журналистский образ определения аристократии во времена Реставрации, в том смысле, что революция 1789 года якобы заключалась в свержении вышеуказанного «феодального строя». Это выражение — «переход от феодального строя к буржуазному» — мы находим у любого парижского журналиста. И Маркс использует тот же самый язык: когда он употребляет выражение «феодальный строй», он явно подразумевает «старый режим». Что же касается «пролетариата» — это новое определение (еще не говорят — «рабочий класс»), чтобы отличить про-

стой люд: во времена революции 1789 говорили о «санкюлотах», в 1830 году — о «пролетариате». О «классовой борьбе» говорит весь Париж между 1830 и 1840 г.г. для определения столкновений между рабочими и лавочниками. Короче говоря, вся эта терминология прежде всего была общи... местом парижского журнализма.

Маркс использует эти общие места для выражения революционного движения, разворачивавшегося перед ним, но он абсолютизирует эти общие места, вводит их псевдонаучным образом в революционный процесс и создает закон так называемой исторической необходимости (*Gesetzmässigkeit*). Именно так Марксу, принявшему слишком всерьез эти парижские категории, удастся, благодаря превосходству философского гегелевского аппарата, создать революционную систему, которая заполнит социологическое и политическое немецкое отставание.

Для того чтобы понять сущность разбираемого нами вопроса, нужно обратиться именно к Гегелю. В 1790 году Гегель — «левый»: для него французская революция воплощает свободу. Но он скоро обнаруживает, что эта свобода порождает тиранию. Для ограничения тирании власть должна быть передана Бонапарту. Бонапарт является синтезом Старого режима и Революции. Перед нами — классическая гегелевская триада. Затем достаточно перенести наполеоновский синтез в Пруссию, и мы окончательно получим понимание Гегелем этой проблемы.

Государственная теория Гегеля рождается из столкновения между желанием свободы и желанием порядка. Необходимо гарантировать свободу от преступлений революции. Именно Государство дарует гражданскому иерархизированному обществу его конкретную свободу (свободу семьи, этой первоначальной ячейки общества, а не личности; свободу различных экономических и социальных организаций, занятых проблемой труда).

По Гегелю, монархия является единственной властью, способной гарантировать порядок и свободу всего гражданского общества. Иллюзия парламентаризма должна быть преодолена, ибо она вырождается в беспорядок (как

во Франции) или в род эгоизма (как в Англии). Только органическое единство сильного Государства и, следовательно, монархического типа, с иерархизированным гражданским обществом, способно привести к лучшему политическому разрешению проблемы.

В сущности, Гегель критикует либерализм и возвращается к идеалу «просвещенного деспота», к идеалу суверена, руководствующегося Разумом. Совершенно очевидно, что между 1825 и 1830 г.г. просвещенный деспотизм имел преимущества перед французским беспорядком и английским олигархическим эгоизмом. Действительно, прусская монархия воплощает самое просвещенное государство того времени и самое действенное. Как раз в прусском государстве происходит «революция сверху», в нем между 1812 и 1820 г.г. принимается вызов, брошенный французской революцией.

К тому же, остается вопрос «Разума». Государство нуждается в Религии. Известно, что, по Гегелю, не должно существовать конфликта между религией и разумом, поскольку религия — не столько откровение, сколько имплицитная форма абсолютного Разума. Поэтому понятие «государственной религии» является интегральной частью гегелевской теории государства. Следовательно, Государство вбирает в себя также и Церковь.

В заключение можно заметить, что, по Гегелю, искусство, религия, философия могут развиваться лишь под покровительством просвещенного и религиозного государства. Мировой Дух нуждается в этом гражданском обществе, иначе он останется чистой абстракцией. Государство — кульминационная точка реальности: оно позволяет развиваться искусству, религии и философии. И, действительно, до 1830 года, можно сказать, что прусское государство всё это осуществляет.

После 1830 года правительство охватывает страх: Прусское государство навязывает доктрину! свою собственную. Начинается заметное движение в сторону правого гегельянства. Гегелевское понятие государственной религии разлагается; роль этой государственной религии отныне не нормативна, но репрессивна. Одновременно

увеличивается власть государственной религии и бюрократии. Государство становится высшим гарантом порядка (а отнюдь не свободы в существующем порядке, как это было в гегелевской системе).

Становится совершенно понятно, почему представители левого гегельянства переносят свою атаку на религию, когда обращаются к критике консервативного понимания гегелевской системы. Религия является низшей формой разума, следовательно, нужно подчинить религию философии, ибо только таким образом можно высвободить подлинное гегелевское понимание. Сорвать маску с религии, чтобы вернуться к Разуму и, следовательно, к Свободе. Таков смысл атак против гегельянства, которые вели левые гегельянцы, от Штрауса до Бруно Бауэра. Разрушив религиозное основание, можно вернуться к основанию философскому, и точно так же, отбросив основание абсолютной монархии, можно вернуться к основанию конституционному.

Теперь можно лучше определить позицию Маркса. Маркс создает такую концепцию, по которой критика религии является условием любой критики. Его формулировки — точное отражение этого прусского климата: человек создает религию, а не религия человека. Религия же — это «опиум», поскольку она мешает видеть мир таким, каким он является в социальном и политическом отношении.

Теперь же, раз найден подлинный смысл гражданского общества, нужно сорвать маску и с Государства. Гегелевская теория скрывает политическую зависимость социального отношения. Ведь за Государством стоят социальные классы. За социальными классами — экономические взаимоотношения. Гегелевская теория, по Марксу, лишь подчиняет граждан сильному Государству. Подлинная проблема заключена в гражданском обществе.

Остается лишь сорвать маску с экономики. Для того, чтобы гражданское общество обрело конкретную свободу, нужно вскрыть природу экономических взаимоотношений. Необходимо разоблачить законы буржуазной эконо-

мики, то есть процесс эксплуатации. Основная работа Маркса будет как раз заключаться в этой демистификации экономики. Вывод же из этого процесса разоблачения (религиозного, социального, экономического) один: это революция, единственное эффективное средство вернуть свободе её права.

В 1843 году, в работе «К критике Гегелевской философии права», Маркс уточняет своё понимание. Он абсолютизирует понятие класса, который является уничтожением всех классов и который замещает их: этот класс, пролетариат, наиболее страдающий из всех классов, обладает и наиболее обширными правами. Этот класс до такой степени унижен, что он может лишь желать одного: тотальной революции. Полная потеря человеческого достоинства становится, таким образом, условием рождения нового человека.

Так, в конце концов, Маркс приходит к тому же выводу, что и левые парижские круги. Очень сложный внутренний процесс, начатый с намерением вписаться в гегелевскую схему, приводит Маркса к шаблонам левых пражских кругов 40-х годов. Маркс, как и подобало настоящему немцу, для того чтобы понять, чем является вообще революция, должен был пропустить политические французские события через властвующие тогда идеологические схемы, то есть через гегелевский панлогизм. Коротче говоря, он абсолютизировал революционные категории французской политики тридцатых и сороковых годов.

Способно ли подобное понимание прояснить те события, которые случились в России в 1917 году? Или, точнее говоря, способно ли это марксистское понимание — как оно претендует на это — объяснить революционные события с 1904 до 1934 г.г.?

Не отрицая некоторой доли истины, заключающейся в марксистском понимании, равно как в консервативной и либеральной теориях, мне кажется необходимым отказаться от них для построения новой модели, более исторической, которая более отвечает явлениям европейских революций, так же как и специфическим особенностям русской революции.

Революции и русская революция

В нашем сознании сама идея революции, как кажется, представляется примерами двух революций: английской 1660 года и французской 1789 года. Такой тип революции характеризуется двумя особенностями, весьма различными, но постоянными: она является ниспровержением известной политической и социальной структуры, и само революционное движение осуществляется по более или менее стереотипной схеме.

Революция заключается в ниспровержении определенной социальной и политической структуры: разрушение абсолютной монархии более или менее сакрального типа и разрушение классового общества, то есть общества организованного и иерархического, иначе говоря, сословного. (Разумеется, в английском случае, не существует легально разделенных сословий, как во Франции, но имеется налицо стабильная социальная структура, которая практически имеет ту же сущность.)

Именно эта социальная и политическая структура объясняет радикализацию, осуществляемую постепенно, которую мы видим в великих западных революциях. Эта радикализация осуществляется по следующей схеме. Как в случае французской революции, так и в английской революция начинается вызовом монархии, сперва относительно умеренным, но сопровождающимся медленным процессом радикализации. Последовательные этапы этого процесса соответствуют более или менее вхождению в по-

литическую игру низших классов, и вот эта-то социальная иерархия, довольно ясно определяемая, объясняет возможность реставрации: то есть возвращение к обычному положению, возвращение к новому равновесию, в котором старые структуры частично представлены, так что их довольно легко распознать.

Более того. Эта структура монархии и сословного общества, которым грозит ниспровержение, объясняет тот факт, что эти революции совершаются только один раз в истории данной страны. Разумеется, это — утверждение, которое я не могу доказать, ибо не существует достаточно примеров, чтобы установить исторический закон. Впрочем, исторические законы и не существуют. Можно говорить лишь об обобщениях, которые более или менее согласуются с фактами. Но то обстоятельство, что народ бросает вызов и монархии и сословному обществу только один раз, и эта структура, будучи уничтоженной, позволяет перейти от старого режима к тому, что сегодня называют «современным обществом», — этот факт, повторяю, является единственным и необратимым.

Чтобы лучше себе представить особенности великих европейских революций, следует сравнить с ними структуру революций двадцатого века, то есть китайской, югославской, албанской, вьетнамской, кубинской, алжирской. Это — великие левые революции XX века, которые, по большей части, объявляют себя марксистско-ленинскими (не всегда, но чаще всего). Структура этих движений такова:

— эти движения всегда являются вооруженным восстанием армии партизанского типа, составленной вначале из беженцев крупных городов: мелкой интеллигенции, служащих, ремесленников, иногда (но не так уж часто) рабочих, бывших военных какой-нибудь колониальной державы; короче говоря, партизанская армия, которая опирается на крестьянство с целью захвата городов. Этот процесс не имеет ничего общего с классическим развитием революции европейского типа: созыв какой-либо ассамблеи (Парламента или Генеральных Штатов), затем, в рамках этой ассамблеи, — вызов королю; преобразование этой ассамблеи в конституционную, — и далее, радикализация ситуации, вплоть до захвата власти кучкой радика-

лов, которые уничтожают ассамблею и устанавливают временную диктатуру;

— сверх того, в этих революциях XX века национальный элемент является чрезвычайно важным, если не основным. Мы видим одновременно мобилизацию крестьянства против земельной аристократии и мобилизацию всей нации против иностранной державы, иногда в прямом смысле колониальной, иногда — как это было в случае Китая или Кубы — колониальной скорее в переносном смысле. Схема подобных революций XX века, как мне думается, была в основном осуществлена китайцами.

1. Революции или европейская эволюция XIX века

В Европе в любой стране революция могла иметь место, но из этого не следует, что революция повсюду была необходимой или неизбежной. Существует множество примеров, как ряд европейских стран совершил переход от традиционного общества к современному безо всякой революции.

Голландия, например, отчасти из-за своего собственного динамизма, но в значительной степени из-за французской революции, совершила переход, подобный тому, какой совершили Франция или Англия, но без революции в собственном смысле этого слова. То же самое можно сказать о Швеции и вообще о скандинавских странах: они воспроизвели все последствия франко-английской модели, не проходя при этом революционного процесса. В отношении Италии важную роль играла французская оккупация и затем национальное движение, которое не было революционным в том смысле, в каком я понимаю это слово.

Тот факт, что существуют общества в Европе, которые

совершили этот великий переход, не прибегая к революции, объясняется множеством факторов. История каждой из этих стран различна. Один из наиболее существенных факторов — отсутствие централизованной монархии. Поскольку Голландия не имела централизованной монархии, вся организационная энергия не была сконцентрирована в борьбе с этой структурой. В Италии также не было централизованной монархии и там было такое же положение. Наиболее интересные случаи стран, избежавших великой революции, но перешедших к обществу с современной структурой, касаются Германии, точнее говоря, всех государств Германии, Австрии, Пруссии — в особенности Пруссии, случай которой заслуживает специального разбора.

Хорошо известно, что социологические и исторические построения Маркса возникли из его попытки понять, каким образом Германия могла бы совершить обновившую бы её революцию, по английскому или французскому образцу. Известно также, что Маркс, весьма отчетливо в начале своей жизни, затем с некоторыми перерывами, но в течение всей жизни намечал возможность двойной революции в Германии: сперва буржуазной революции, которая затем развивается в пролетарскую социалистическую революцию. И этот немецкий эмигрант, удрученный тем, что его родина неспособна совершить прыжок из средневековья в современный мир, нашел в себе силы для создания самой значительной теории социалистической революции и кризисов буржуазного общества, которые затем происходили во всей Европе. Его яростная жажда увидеть немецкую революцию стояла у истоков создания его крупных теоретических построений.

Таким образом, этот немец создал наиболее значительную теорию современной европейской революции, в то время как другой немец, Бисмарк, не писавший книг по теории революционного процесса, сумел управлять этим процессом самым эффективным образом. Нужно сказать, что в конце концов Маркс, несмотря на всю оригинальность своего творчества, в практическом отношении полностью ошибся. Немецкая революция не случилась, не только революция, столь желанная Марксу и предвиден-

ная им, но вообще никакой немецкой революции. Напротив, именно Бисмарк пришел к гораздо более тонкому пониманию и, в некотором смысле, гораздо более глубокому, этого революционного процесса. И именно Бисмарк дал новый ответ на этот переход от старого традиционного режима к новому обществу.

Что же произошло в Германии?

Кризис старого режима начинается в Германии в течение сороковых годов, с теми событиями, которые называют *Vormärz* (события, предшествующие мартовской революции). Не только Маркс, многие немцы полагали и надеялись, что надвигающаяся революция станет 1789 германским годом. Но когда революция разразилась, два германских государства, Пруссия и Австрия, нашли способ отклонить эту революцию от её собственной цели и «приспособить» её для сохранения старого режима.

Немецкий метод — в особенности прусский — заключался в том, что надо было сделать ряд широких уступок революционному движению, с тем, чтобы спасти самое существенное: органическую и социальную структуру старого режима. Вот поэтому совершается ряд уступок в отношении всеобщего избирательного права — ибо в нем не заключается действительного политического содержания, — но делается это для сохранения главенства монархии, которая остается квазиабсолютной. Совершается ряд уступок в отношении национального единства, но лишь для того, чтобы сохранить первенство Пруссии, и в этой новой нации — главенство правящего аристократического класса. Сверх того, совершается ряд экономических уступок индустриальной буржуазии, но с тем, чтобы подчинить её политическому влиянию монархии и социальных классов старого режима, и так далее: осуществляется целая серия псевдодемократических и псевдонациональных реформ с тем, чтобы сохранить самое существенное, то есть королевскую власть и превосходство прусской аристократии в новой системе.

Почему немецкая революция потерпела неудачу?

Эта неудача была переломным моментом в истории Европы — не только Германии. И кроме гениальности Бисмарка (которую не следует преуменьшать), нужно указать и на ряд других, довольно многочисленных причин.

Прежде всего, имел большое значение **пример французской революции**: эта революция, осуществленная в конце XVIII века в полной невинности (говоря иначе, безо всякого представления, как всё это должно развиваться), научила многому немцев, не только левых немцев, как Маркс, но и правых, консерваторов.

Эти события научили многому и монархию. В 1848 году главной заботой австрийского и прусского монархов было сохранение независимой военной силы, поскольку они отлично знали (и это можно легко доказать документально), что милый кузен Людовик XVI совершил серьезнейшую ошибку 14 июля 1789 года, когда не воспользовался военной силой. Людовик XVI без борьбы уступал всякий раз. Король Пруссии и австрийский император извлекли для себе следующий урок: необходимо делать различные уступки Сейму, национальной Ассамблее, можно клясться в том, что новая конституция будет полностью соблюдена, но при этом следует иметь армию в Потсдаме. Действительно, до тех пор, пока существует военная сила, в конечном счёте, власть остается владыкой положения. Ибо как только в революционном лагере начинают показываться признаки разделения (в частности, между средними классами и городской толпой), как только средние классы начинают опасаться городской толпы, как раз в этот момент монархия может играть роль Термидора или Бонапарта: именно такую роль исполнил Фредерик-Вильгельм IV, который, прождав год, положил конец хаосу (то есть хаосу с его точки зрения), который царил в столице. Таким же образом разворачивались события и в Австрии.

Пример французской революции явился уроком не только монархии, он научил кое-чему и средние классы. (Я умышленно колеблюсь употреблять термин «буржуазия», который легко вводит в заблуждение.) Средние французские классы, образованные из буржуазии и неко-

торой части аристократии, в 1789 году обратились с призывом к таким молодцам, как Лафайет и Мирабо, которые, в свою очередь, воодушевили парижскую толпу, сделав это в полной невинности и не понимая, куда это поведет. Но средние немецкие классы уже поняли многое: им пришлось обращаться к городской толпе с гораздо большей сдержанностью и осторожностью, чем это делали французы в 1789 году. Более того, даже во время окончательного штурма монархии немецкие средние классы опасались толпы. Маркс и Энгельс уже в 1848 году обнаружили, что, к сожалению, немецкая буржуазия слишком многому научилась у французской революции и поэтому недостаточно опиралась на народ. Вот почему пример французской революции научил многим полезным вещам немецких монархов и средние немецкие классы, и в обоих случаях урок действовал против революционного подъема.

Кроме французского примера существуют и другие причины поражения немецкой революции. Так, в Германии не было **концентрации национального движения**, как это было в Париже в 1789 году. Когда в Париже оставшим удалось запугать Ассамблею, это означало победу для всей Франции (кроме нескольких взбунтовавшихся городов, как Нант, Лион, Тулон; но в целом победа Парижа означала победу для всей страны). Но в Германии, по ряду очевидных исторических причин, не было необходимой концентрации революционных сил, которые бы сосредоточились против существовавшего старого режима. Рассеяние этих сил улучшило положение старого режима в ущерб революции.

Сверх того, следует напомнить, даже если это и банально, что немецким средним классам пришлось делать выбор: **они предпочли национальное единство** социальной либерализации и внутренним переменам. Действительно, без национального единства всё остальное не имело большого смысла. Следовательно, у средних немецких классов начиная с 1849–50 г.г. была гораздо более сильная тенденция уступать монархии, чего не было у средних французских классов в 1789 году, поскольку французское национальное единство уже существовало. В этом

заклучалась одна из причин, по которой средние классы нападали на монархию с меньшей яростью, чем во Франции, потому что полагали, что когда-нибудь прусский король и его армия обеспечат национальное единство.

Наконец, существует еще один фактор, который также будет иметь большое значение и в России: в ту эпоху, когда немецкая революция разразилась, **социализм** уже существовал. Широко распространилась эта новая утопия о возможности второго 1789 года — и на этот раз уже всенародного. Все это привело к тому, что с 1848 года, но в особенности в 60-70 годы и в конце века, средние немецкие классы боялись слишком устремляться влево, чтобы не очутиться в объятиях красных социалистов. Тот факт, что социалистическая утопия была уже достаточно хорошо разработана в тот момент, когда средние немецкие классы пытались разрушить старый режим, в какой-то степени значительно ослабляло их.

Каким образом немецкая революция потерпела неудачу?

Все эти факторы объясняют, почему немецкая революция остановилась на полпути. Остается рассмотреть, как протекал этот процесс. Необходимо отметить два этапа и обозначить существенные их различия.

Сначала был период самого простого сопротивления (1848-50) когда главная задача монархий (в особенности прусской) заключалась в собственной защите. Эти монархии достигли успеха благодаря тем особенностям, на которые я уже указывал (национальное разделение, страх городской толпы в средних социальных слоях, армия, оставшаяся верной монархии), но в 1848-50 в основном они стремились к тому, чтобы избежать худшего, что и произошло, поскольку старый режим не был разрушен.

Но определяющий период наступает в 1862 году, во времена Бисмарка. В течение шестидесятих годов либеральное движение, жаждавшее разрушения старого режима и установления конституционной монархии, вновь усиливается и на этот раз в условиях, которые в начале ка-

жуются более благоприятными, чем в 1848 году. Действительно, средние немецкие слои стали более многочисленными и социально более влиятельными; монархия же, не воспользовавшаяся периодом своей победы (от 1850 до 1862 г.г.) для осуществления реформ, оказалась ослабленной.

Вот в этом заключался политический гений Бисмарка, победившего революцию в результате процесса, который следует уточнить. Этот процесс, в сущности, заключался в осуществлении реформ сверху, реформ демократических или псевдодемократических, произведенных для того, чтобы выбить почву из-под ног революционеров и таким образом спасти старый режим.

В действиях Бисмарка можно легко распознать повторение политики Наполеона III, который первым произвел сознательный контрреволюционный эксперимент, осуществленный демотическим или демагогическим авторитаризмом. Он первым соединил сильную власть с политической демократических уступок, для того чтобы эту сильную власть сохранить. Эта стратегия угадывается уже в 1851 году с самого начала государственного переворота. Когда он распускает Национальную Ассамблею, в то же время он восстанавливает всеобщее избирательное право. Он предпринимает контрреволюционную реформу, облекая её в революционно-демократические лозунги. Вся социальная и экономическая политика Наполеона III весьма отличается от политики Наполеона I. (Наполеон I отнюдь не контрреволюционер, он лишь укрепляет то, что произошло в революционные годы, но он не предпринимает систематической борьбы с революционерами.) Наполеон III первым осуществил сознательную политику отклонения всяких последующих революций тем, что присваивал некоторую часть революционной программы.

В 1848 году Бисмарк, безусловно, был охвачен страхом. Всё разваливалось на глазах. Пример умелой политики Наполеона III не приходит впустую. В 1862 году Бисмарк приходит к власти, он освобождается от этого страха и разрабатывает программу обновления «сверху», именно для того, чтобы быть непреклонным по отношению к са-

тому важному вопросу, то есть конституционному, от которого зависело положение монархии и прусской аристократии. Описание этих событий можно отыскать в любом учебнике по истории, поэтому я лишь кратко напомним, что случилось: все началось с обсуждения военного бюджета. Сейм, созданный революцией 1848 года, в котором заправляли либералы, отказался за этот военный бюджет голосовать. Бисмарк, как и подобало подлинному реакционеру, попросту провел старый бюджет, но очень скоро понял, что такая политика недостаточна, она была только авторитарной и без оттенков. И Бисмарку было необходимо очень быстро заручиться тем успехом, который победил бы оппозицию.

Прежде всего, Бисмарк осуществляет политику национального единства. Для того чтобы оправдать возобновление военного бюджета, проведенное авторитарным образом, он объявляет войну Австрии. Надо было изгнать австрийцев из пределов Германии, а именно этого желали представители всех левых сил. Начиная с этого момента левые круги очутились в весьма неудобном положении для того, чтобы открыто критиковать Бисмарка, который осуществлял левую политику, хоть и иными средствами. Затем он побеждает Францию в 1870 — событие исключительной важности — и создает Империю. Таким образом, ему удалось осуществить то, что либералы и все левые силы не смогли сделать в 1848 — 50 г.г. Теперь либералы и левые, волей-неволей, были вынуждены поддерживать его политику.

В то же время Бисмарк вводит всеобщее избирательное право: в 1866 — для Конфедерации Северной Германии и в 1870 году — для всей Империи (это право не было им введено в Пруссии). И если он провел это всеобщее избирательное право через немецкий Рейхстаг, то вовсе не с демократической целью, не для разделения власти, но для того, чтобы создать иллюзию демократии в стране и внести разделение между средними классами и низшими, между либералами и социалистами. Опыт 1848 года привел Бисмарка к пониманию, что всеобщее избирательное право не всегда благоприятно для левых кругов, и позволив оппозиции открыто высказаться (буржуазии про-

тив пролетариата), он создал разделение между ними, которое было на пользу старого режима.

Бисмарку удалось сохранить старый немецкий режим — монархию, армию, прусскую аристократию и, главным образом, старую Конституцию (которая просуществовала до 1918 г.), — именно потому, что он осуществил национальное единство и допустил демократизацию или псевдодемократизацию, которая разделила оппозицию, но и позволила частичное выражение народной воли. В этом политическом достижении чувствуется гений. В первый раз старый режим нанес поражение великой революции, и до 1918 года немецкий гений заключался в том, чтобы совершать реформы сверху для обеспечения существования системы.

Австрийцы поступили аналогичным образом, но гораздо менее умело. Прежде всего вопрос упирался в *Ausgleich* 1867 года, который поддерживал единство империи, но признавал сосуществование австрийской и венгерской конституций. Этот компромисс удовлетворял венгерский национализм, не удовлетворяя при этом националистические чувства всех остальных. На деле опасность распада империи оставалась реальной. К этой национальной политике прибавлялась доля демократизации, по крайней мере в австрийской части империи, с единственной целью не допустить худшее. Общий итог можно назвать успехом, но он был не столь значителен, как немецкий: это объясняется тем, что австрийское положение было куда более сложным, чем немецкое.

Возвращаясь к Бисмарку, безусловно, можно оспаривать результаты его деятельности. Все же следует признать, что его политика была блестящей и она спасла старый немецкий режим. Но также можно сказать, что его деятельность была несчастьем, что гораздо лучше для развития Германии — и для всей Европы — было бы, если бы старый режим был побежден; можно также предполагать, что с течением времени Бисмарк и те силы, которые он представлял в прусском обществе, не могли надеяться на вечную победу, и что рано или поздно этот старый режим должен был исчезнуть. Следовательно, лучше было бы покончить с ним в самом начале нацио-

нального развития. Таким образом, Бисмарк, быть может, лишь замедлил политическое обновление Германии, и этот факт частично объясняет поражение Веймарской республики, восхождение Гитлера и т. д. Все предположения могут быть вполне справедливыми, тем не менее, в контексте европейской истории до 1917 года, можно сказать, что впервые удалось избежать крупной революции, и старый режим творчески ответил на вызов этой революции. Успех этого ответа остается бесспорным и для Германии, и для других стран.

2. Приложение к России немецкой модели

Все модели исторического анализа, которыми мы пользуемся, являются обобщениями европейской истории начала XIX века, к которому добавляется процесс великих европейских революций (английской и французской). Мы уже видели, как французский опыт значительно сказался на развитии обновления Германии. В большой степени, именно размышление над французским опытом позволили появление, с одной стороны, этой крупнейшей революционной немецкой «теории», какой является работа Маркса, и с другой — великой «практики» консервативного характера, то есть политики Бисмарка.

Приступая к рассмотрению русской революции, мы должны сразу же отметить, что русское развитие было еще более деформированным, чем немецкое, деформировано различными историческими европейскими течениями как влево, так и вправо. Действительно, если немцы унаследовали только французский опыт, то русские унаследовали как немецкий, так и французский, как левые идеи, так и практику консервативного характера, как Маркса, так и Бисмарка.

Каким образом эта схема прикладывается к русскому опыту?

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о том, что представляло из себя русское общество в XIX веке, то есть в то время, когда вопрос о революции возникает в России. Говоря общо, по сути русское общество после Петра Великого было «старым режимом». Петр Первый ввел в Россию основные структуры старого режима в западном смысле этого слова, структуры бюрократической и военной монархии, сословного общества и т. д. Старый режим был навязан обществу отсталому и довольно простому, то есть стране, без подлинного гражданского общества западного типа. У этого режима в России не было своей привычной социальной базы, как в западных странах. Постепенно, и лишь в XIX веке, а не в XVIII, зачаточное гражданское общество начинает оформляться внутри государственной оболочки старого режима, созданного Петром Великим.

Крестьянский бунт.

В какую форму могла облечься революция в подобном обществе, то есть при старом отсталом режиме? Основная революция западного типа, как мне кажется, была полностью исключена вплоть до конца XIX века. В существовавшей русской монархии еще не было различных социальных слоев, которые бы поэтапно могли включиться в процесс радикализации революции, что составляет характерность великой революции. Следовательно, единственной возможной формой революции в России был крестьянский бунт, слепое и разрушительное крестьянское восстание. Но крестьянский бунт отнюдь не схож с большой революцией западного типа, поскольку он является полностью отрицательным и разрушительным. Бунт направлен против государства и дворянства, но сам он создать ничего не может, и менее всего — новое общество.

Я позволю себе сделать в этом месте широкое обобщение

ние: в принципе крестьянские общества неспособны (разве что на уровне швейцарского кантона) к созданию и управлению государством. Крестьянство является производящим классом, но, по причине своего рассеяния, низкого культурного уровня, говоря исторически, оно всегда было неспособно (за исключением некоторых горных швейцарских долин) организовать государство, способное функционировать на большой территории. Для этого достаточно взглянуть на республику казаков (по большей части эта республика была иллюзией). Единственный тип общества, который русские крестьяне смогли создать, была казацкая республика на Украине, в области Дона, другая — на Кубани, и т. д., но эти общественные явления представляли из себя примитивные военные общества, общества мародёров степного типа. Эти республики были весьма иерархичными и далеко не народными (народными они были лишь вначале). К тому же эти общества не были ни стабильными, ни хорошо организованными. Тем не менее, они были единственными, вышедшими из бунта, которые русским крестьянам удалось создать. Но в остальном русский бунт, начиная со Смутного времени до Пугачева, остается разрушительным, исключительно отрицательным, отвергающим государство и любую социальную структуру. Следовательно, в той мере, в какой бунт добивается успеха, он сеет повсюду беспорядок и анархию. И в такой ситуации возникают лишь два возможных выхода: либо создание окраинной казацкой республики в приграничных областях, либо авторитарная военная реставрация, сильная власть внутри страны. Наиболее убедительное доказательство этого положения можно извлечь из периода Смутного времени в XVII веке: единственный раз Россия пережила революцию, которая, как кажется, развивалась до конца, вплоть до полного разрушения существующих государственных структур. Двигательной силой Смутного времени был крестьянский бунт, начавшийся в пограничных областях и быстро достигший центра. Всё, что породил крестьянский бунт, сводилось к разрушению, дезорганизации, и в конце концов кризис был разрешен самым обычным восстановлением прежних форм правле-

ния, то есть автократией и привилегированным положением служилого дворянства. Смутное время было своего рода отрицательной революцией, в том смысле, что оно ничего не изменило в структуре русского общества, оно лишь позволило создать несколько казацких республик на границах государства, но единственным возможным исходом этой революции оказалось полное восстановление автократии и крепостного общества. Поэтому можно сказать, что прежний режим — до царствования Петра Великого или после него — имел лишь одну возможную форму революционного действия — крестьянский бунт. Эта форма отнюдь не была позитивной. Настоящие революции, в конечном счете, обходятся дорого, они создают беспорядок довольно длительное время, немалое количество голов летит долой, однако эти восстания также и созидательны, они дают рождение новому типу общества. Русский же бунт, как мы видим, создать ничего не способен¹.

Реформы в русском обществе XIX века.

В течение всего XIX века, в особенности начиная с эпохи Александра I, в государственных целях была осуществлена целая серия реформ «сверху», немного по прусскому образцу: эти реформы были направлены на обновление русского государства, которому необходимо было поддерживать свою конкурентоспособность по отно-

¹ Процесс разрушения государства во время бунта приобретает всегда этактические формы: возникает псевдо-дворянство, псевдо-царь и т. д. Но всё это не имеет ничего общего ни с великими западными революциями, ни с военными партизанскими движениями XX века. Разумеется, наряду с бунтами бывали и дворцовые перевороты. Они добивались весьма ограниченного конституционализма. По поводу дворцовых революций возникает вопрос: почему эти перевороты всегда кончались поражением? Да потому, что основная масса дворянства не желала их, ибо она пользовалась обществом, организованным царем, значительно лучше, чем государством, управляемым крупной знатью. Кроме того, попытки дворцового переворота всегда оканчивались неудачей по причине страха бунта, вроде пугачевского. Наконец, в России всегда было какое-то внутреннее ощущение, что любое разделение власти сверху развяжет пугачевщину, то есть беспорядок, не поддающийся контролю. Мы имеем в данном случае в виду паралич декабристского движения. Декабристы были побеждены, потому что они были в постоянной нерешительности, может быть, бессознательно опасались чудовищных последствий, которые они могли бы вызвать при захвате власти. Ими владык тот же страх крестьянского бунта, разрушительного и нигилистического. (Прим. автора).

шению к Западу. Тем не менее есть и разница русского государства и Пруссии.

Начиная с реформ Штейна, осуществленных после поражения при Иене, вплоть до восхождения Бисмарка, пруссаки полагали, что если они во время не осуществят обновительные реформы, их государство может погибнуть. Оно и так чуть было не погибло в наполеоновскую эпоху, затем во второй раз в 1848 году. Иначе говоря, пруссаками владело такое ощущение, что если они не будут действовать быстро и разумно, они рискуют всё потерять.

В России правительство отнюдь не тревожилось подобными размышлениями. Царское правительство не опасалось исчезновения русского государства. Обновление государства было попросту предпринято для того, чтобы более или менее оставаться в соответствии с западными странами, находившимися в состоянии интенсивного развития, а в XIX веке это развитие приобрело постоянный, отчетливый и стремительный характер: начиная с эпохи Александра II была осуществлена целая серия реформ «сверху».

Прежде всего русское государство модернизировалось, создав прочную систему национального образования, поскольку это был наиболее быстрый и наименее дорогой способ образовать нечто вроде гражданского общества. Таким образом, в России девятнадцатого века создается класс представителей свободных профессий, прежде чем возникает достаточно развитое гражданское общество. Нечто подобное происходило в Германии в конце XVIII века и начале XIX: создание довольно распространенного класса представителей свободных профессий до возникновения действительно зрелого гражданского общества. В России контраст был гораздо ярче, появление класса свободных профессий значительно предшествовало созданию гражданского общества в полном смысле этого слова. Затем, начиная с эпохи Николая I, постоянно происходят столкновения между представителями свободных профессий и государством, следствием чего является радикализация некоторой части этих представителей (которую мы и называем радикальной

интеллигенцией), которые подхватывают новейшие западные идеи: сначала идею либерализма, затем идею социализма. Нужно отметить, что русская интеллигенция созревала как раз во время подготовки революции 1848 года и сразу же после её поражения. Эта интеллигенция последовательно усваивает самое глубокое заблуждение эпохи 1848 года, которое заключается в том, что существует возможность второго 1789 года и что в этот раз он будет полностью всенародным (на Западе сказали бы: пролетарским, социалистическим). Но второй 1789 год, полностью всенародный, каким он представлялся, — глубокое заблуждение, и события доказали это. Но русская интеллигенция созревает в момент наивысшего распространения этой иллюзии. Интеллигенция подхватывает эту утопию, приспособляя ее к положению в России в то время. В России в те времена народ ничуть не являлся городской толпой (заблуждение Маркса), народ состоял полностью из крестьянства. Социализм становится самой глубокой иллюзией русской интеллигенции. Но в основе её лежит европейская иллюзия 1848 года, лишь перенесенная в Россию и приспособленная к русской ситуации.

В XIX веке в России возникает революционное движение в современном смысле слова, движение, предшествующее возникновению революционной ситуации. В противоположность тому, что говорил Ленин, в России в XIX веке не было революционной ситуации, но лишь возможность **бунта**; но бунт, как мы уже отметили, не является революционной ситуацией, способной породить что-либо, и уж совсем не способен содействовать возникновению современной революции. С другой стороны, в России XIX века уже налицо интеллигентская идеология: необходим новый 1789 год, но на этот раз всенародный. Эта интеллигентская иллюзия называлась крестьянским социализмом, народничеством, но на самом деле в ней таилась, идеализировался и призывался традиционный русский бунт, который не имеет ничего общего с тем процессом европейской революции в том виде, в каком выше мы его обозначили.

Русское правительство понимало эти явления точно так же, но, так сказать, с обратной стороны. В течение всего

XIX века русское правительство охвачено страхом бунта, и, следовательно, оно робко обращается к реформам по прусскому образцу. Учебники истории постоянно твердят, что после поражения России в Крымской войне 1854 — 56, Александр II хотел **освободить крестьян**, с тем, чтобы обновить страну, ибо крепостное право было нерентабельно и Россия экономически не могла развиваться в таких условиях. На самом же деле, когда мы внимательно изучаем сегодня споры, которые велись внутри самого правительства, мы видим, что не вопрос о экономическом развитии стоял в центре опасений правительства, но страх бунта: надо было во что бы то ни стало не допустить новую *Пугачевщину*. И когда в 1861 году освобождение крестьян было провозглашено, Александр II приказал сосредоточить большое количество войск вокруг столицы, поскольку он опасался, что эта мера, которая была задумана прежде всего чтобы предотвратить бунт, может вызвать его.

Точно так же для успокоения дворянства, которое начинало диктовать свои условия, правительство создает **Земства**, в которых дворянство играет ведущую роль.

И, наконец, для «культурного класса» правительство осуществляет **Судебную реформу**, которая должна удовлетворить либералов.

Все эти реформы осуществляются в то время, когда в России происходит коренное социальное изменение, имеющее совсем иное происхождение: индустриализация достигает России. По ряду очевидных причин эта индустриализация вызывает появление новых средних социальных слоев, гораздо более обширных, чем те, которые когда-либо существовали в России. Индустриальная промышленность вызывает создание пролетариата, городской толпы и в целом создает многочисленные и разнообразные социальные структуры. Это появление разнообразных социальных кругов свидетельствует о том, что в России появляется подлинное гражданское общество западного типа.

Теперь, то есть начиная с девяностых годов XIX века, Россия способна не только на бунт пугачевского или бо-

лотниковского типа, но и к тому, что я называю «великой революцией», — то есть к тому процессу, в котором существует постепенная радикализация, захватывающая различные классы гражданского общества, ставшего действительно многоклассовым. Элементы этого нового гражданского общества достаточно очевидны: прежде всего, надо отметить появление довольно обширного среднего класса после 1900 года. И, более того, возникают промежуточные организации, которые занимают известное место в конституции страны (Земства и трибуналы), способные служить основой для появления представительных институций в более широком смысле слова². Эти промежуточные организации, относительно развитые и вкорененные в жизнь страны, как раз и послужат базой самой крупной партии того времени, то есть кадетам.

Сверх того — в начале XX века появляется то, что не существовало в эпоху Николая I или Александра II. Появляется интеллигенция, действующая не в пустоте, как во времена Чернышевского или Добролюбова, но составляющая часть гражданского общества, интеллигенция, которая трудится в университетах, в прессе, в литературной области, выражающая стремления, тревоги, размышления как средних социальных классов, так и промежуточных институций. К этому можно добавить, что впервые появляется и городская толпа, которую именуют пролетариатом; как мы видели, эта толпа является существенным элементом революции.

Таким образом, начиная с 1900 года, впервые появление «великой революции» западного типа против старого режима становится возможным. Но в то же время в этой новой ситуации сохраняется и то, что унаследовано от прошлого:

- крестьянство, всегда склонное к бунту,
- рядом с интеллигенцией, вкорененной в жизнь страны, — старая максималистская интеллигенция, поте-

2. Если бы не существовало средневекового парламента в Англии, в тот момент, когда монархии был брошен вызов, тому движению, которое я называю «великой революцией», не доставало бы базы для начального развития. Если бы не существовало во Франции общего наследия парламентам и Генеральным Штатам, не было бы базы для того, чтобы привести в действие конституционное движение. Стало быть, для создания ситуации великой революции требуются эти промежуточные институции.

рившая почву, по-прежнему верящая в утопию 1848 года, в эту иллюзию всенародной, тотальной и окончательной революции (которая осуществится в двух фазах, как учат марксисты, или в одной, как учат народники).

Таким образом, условия для осуществления революции в России — налицо. Теперь остается проследить, как революция развивалась, какие её периоды являются наиболее характерными.

Два периода революции.

Следует отчетливо различать два периода революционного процесса в России. В первый период, от 1904 до 1917 г.г. мы видим революционный процесс, который развивается по европейскому образцу: по схеме полуфранцузской (со стороны левых сил) и полупрусской (со стороны правительства). Со стороны левых сил мы видим либералов, которые стоят во главе движения (а отнюдь не социалисты), либералов, которые пытаются в Думе покончить с самодержавием (совершенно как во Франции в 1789 г. или в Англии в 1660 г.) для установления Учредительного собрания. Перед нами классический сценарий: либералы действуют, опираясь на городскую толпу, однако противозаконные, яростные выступления ограничены и контролируются. Левее этих либералов, которые долго находятся во главе движения, вплоть до 1917 г. — небольшие группки, пытающиеся организовать городскую толпу или крестьянские массы для целей, которые далеко превосходят классическую революцию западного типа. Но до 1917 года очень немногие утверждают, что нужно немедленно строить социализм. В правых кругах до 1917 года мы видим Витте и Столыпина, этих двух маленьких Бисмарков, у которых не оказалось своего Вильгельма II, то есть правителя, способного понять их и поддержать. Русский революционный процесс может быть проанализирован целиком и полностью в западноевропейских, то есть франко-немецких понятиях. Такой анализ привел бы к созданию модели, которая, безусловно, отличалась бы от французской и немецкой, ибо ничто не повторяе-

тся; но категории такого анализа, унаследованные еще от XIX века, вполне прикладываются к России того времени.

В 1917 — 1918 г.г. происходит нечто странное: русский революционный процесс совершенно искривляется, весьма таинственно он приводит к результату, полностью противоположному тому, какой мы видим у других европейских революций, — идеократическое, тоталитарное, бюрократическое государство, будь то государство ленинское или сталинское. Рождение этого государства представляет абсолютно новое явление в мировой истории и не имеет ничего аналогичного на Западе.

Остается теперь проанализировать причины, по которым великая революция западноевропейского типа, оформлявшаяся с 1903 года, обрывается в 1917 и каким образом возникает новый и странный результат: советская действительность.

Кризис 1905 года: происхождение и действующие силы

Анализируя первый период русской революции, то есть 1904 — 1914 г.г., историки обычно ссылаются на две, весьма отличающиеся друг от друга, точки зрения — интерпретация «либералов» и интерпретация «социалистов-марксистов». Я бы хотел представить сперва принципиальные особенности этих двух концепций прежде чем предложить третью интерпретацию, лишенную идеологических допущений и анализирующую события более удовлетворительным образом.

Точка зрения либералов.

Эта концепция поддерживалась бывшими кадетами, оказавшимися впоследствии в эмиграции, и прежде всего, Милюковым. Её поддерживали также бывшие меньшевики и некоторые из эсеров. По их мнению, революция 1905 года и последующие события были для России периодом обучения конституционной демократии. И это обучение было даже успешным в нескольких областях.

Прежде всего, в отношении парламентской системы: законодательная ассамблея, пусть скромная, но с реальной властью, работала в течение десятилетия. Она позволила ввести в обиход с 1914 по 1917 г., представительные

учреждения в России. Либералы полагают, что если бы не было войны и революции, то рано или поздно удалось бы преобразить Думу в независимый парламент либо превратить авторитарную монархию в конституционную. Или даже заменить монархию республикой.

Во-вторых, либералы придавали большое значение развитию народного образования. Благодаря многочисленным усилиям Думы, в 1911 году был принят закон, по которому к 1922 году должно было быть целиком введено повсеместное школьное обучение. Дело в том, что либералы полагали, что успех парламентских институций зависит от образовательного уровня народа; следовательно, общее и обязательное обучение народа обусловит это преобразование Думы в «независимый парламент».

И, в-третьих, положительной особенностью тогдашней ситуации, которой либералы придавали особенное значение, были реформы Столыпина. С 1908 года реформы Столыпина велись к тому, чтобы уничтожить экономическую и социальную базу бунта русского крестьянства. Чтобы успокоить крестьян, одновременно враждебных и крупной аристократии, и режиму, который ее поддерживает, Столыпин пытается создать другой слой крестьян — мелких собственников, подобных французскому крестьянству, — консервативных по своей сути, которые бы были заинтересованы в защите уже существующих учреждений России.

Сказать по правде, и меньшевики и эсеры, позже, в эмиграции, часто защищавшие реформы Столыпина, в свое время (1907 — 1910) противились им. Действительно, тогда они видели в этих реформах измену демократической России, но с течением времени большинство из них поняло, что в конечном счете эти меры были весьма благоразумными и вполне способными стабилизировать положение России.

В целом, точка зрения либералов была весьма оптимистичной. Остается лишь напомнить о том, что в течение десятилетия с лишним, с развитием народного образования, увеличением числа мелких собственников и законодательной деятельностью Думы, по их мнению, Россия,

миновав серьезные столкновения, превратилась бы из полувластительной, полуконституциональной страны, какой она была в 1905 году, — в подлинную конституционную монархию, даже, может статься, в демократическую республику! Разумеется, либералы предвидели различные трудности, которые будут связаны с преобразованием монархии, но ведь приемник Николая II мог оказаться гораздо более стоворчивым? И тогда общее положение в мире, по крайней мере, в Европе, было бы иным, в том отношении, что повсюду бы осуществлялось развитие демократических свобод и Россия не смогла бы удержать авторитарный режим, будучи частью той Европы, которая становилась бы всё более демократической. В перспективе этого либерального понимания, само собой разумеется, что именно война и тяжелые последствия этой мировой войны исказили весь сценарий; но те годы, которые предшествовали революции и первой мировой войне, по мнению либералов, были годами успеха в той области, которую они называли «конституционным опытом».

Точка зрения социалистов-марксистов.

Другая классическая концепция, касающаяся этого периода, принадлежит историкам социалистам-марксистам они утверждают, что революция 1905 года была неудавшейся буржуазной революцией. Эта революция не дошла до своего логического завершения именно потому, что Дума не сумела стать Учредительным собранием, оставаясь своего рода полупарламентом, который участвовал в разделении власти, не обладая ею в действительности. Короче говоря, революция 1905 года — неудачная буржуазная революция.

Кроме того, социалисты настаивают, с другой стороны, что революция 1905 года в основном была осуществлена рабочими. В этом отношении и советские марксисты, и некоторые меньшевики, впоследствии оказавшиеся в эмиграции, погружаются в сложные объяснения, которые можно резюмировать следующим образом: поскольку в России буржуазия была слаба, она нуждалась в энергич-

ной поддержке пролетариата для осуществления своих целей; вот поэтому, даже если считать, что 1905 год в сущности представлял буржуазную революцию, рабочий класс играл в ней решающую роль.

Рядом с подобным социалистическим и марксистским толкованием существует и другое, принадлежащее историкам, которые не являются ни заядлыми социалистами, ни марксистами: они склонны рассматривать революцию 1905 года как революцию, которая была в общем рабочей, но преследовавшей буржуазные цели. И, наконец, есть тенденция рассматривать 1905 год, в контексте истории рабочих движений, как генеральную репетицию, мало успешную, впрочем, октябрьских дней 1917 года, но репетицию, осуществленную рабочим классом.

Чтобы привести пример подобной точки зрения, можно процитировать книгу Вильдмана «Происхождение рабочей революции. Русская социал-демократия 1891 — 1903 г.г.» Вильдман, как и многочисленные исследователи, считает, что суть 1905 года заключалась в развитии рабочего класса в течение тех пятнадцати лет, которые предшествовали революции. Таким образом, мы видим, что даже немалое число западных историков сосредотачивают свое внимание исключительно на рабочем классе и пренебрегают ролью земств, свободных профессий, средних классов, то есть всеми теми элементами, которые составляют освободительное движение.

Вполне вероятно, что такое понимание обязано марксистской схеме, оказывающей на всех столь большое влияние (историю всегда пишут победители!) Но в этом понимании уделяется большое значение и тому факту, что в октябре 1917 года в основном пролетариат занимал авансцену в разыгравшихся событиях; то есть эти историки переносят в события 1905 года то, что имело лишь в 1917 году, и этот перенос представляется по меньшей мере спорным.

Новая точка зрения.

Я хотел бы развить здесь другое понимание событий

1905 года и последующих лет. Это понимание вписывается в рамку того, что я называю моделью «великой революции» европейского типа. Эта терминология обладает довольно точным смыслом, и я прошу помнить о нём в течение нашего исследования.

Прежде всего следует отметить, что революционное движение в России, с начала XIX века до 1914 года, развивается по классическому образцу «великой революции» европейского типа, то есть французской и английской, а также немецкой революции 1848 года. Безусловно, необходимо помнить о некоторых видоизменениях, связанных с особенностями русской жизни, но *grosso modo* русская революция следует по той же самой схеме, что и европейские.

Поэтому русский революционный процесс до 1914 — 1917 г.г. можно проанализировать, используя либо категории либеральной концепции, либо привычные понятия европейского марксизма, те категории, которые были развиты на основе англо-французского опыта в конце XVIII — начале XIX в.в. Совершенно естественно использовать такие понятия, как «буржуазия», «пролетариат» и т. д., ибо Россия проходит совершенно европейский процесс, в котором решительно нет ничего азиатского, ничего глубоко чуждого европейской жизни тогдашнего времени. В этой исторической перспективе 1905 год можно рассматривать как начало революции европейского типа, которая кончилась неудачей, как настаивают либералы и социалисты того времени. Эта революция не развилась до конца, поскольку власть монархии не была сломлена, и возникнувшая ассамблея не смогла стать независимой, как это обычно бывает в классическом случае европейской революции.

Значит, эта революция совершилась не с такой широтой, как английская или французская, но, тем не менее, она пошла дальше, чем прусская революция в середине XIX в. Затем, как только революция была подавлена, в 1907 г. наметилась попытка преобразования старого режима, с тем, чтобы сделать его более просвещенным, более современным, если угодно, несколько по прусскому образцу. Но эта попытка также не могла осуществиться

полностью, поскольку Столыпин был смещен и для реализации его реформ оставалось слишком мало времени.

Таковой была интерпретация *grosso modo* многочисленных либералов и социалистов в России как раз в то время, когда разразились эти события. Некоторые либералы, к примеру, толковали Октябрьский манифест и действия Думы как прусский *Scheinkonstitutionalismus*, но и в то же время как первое звено к подлинному конституционализму. Восприняв это определение у немецких либералов, они ошиблись относительно его применения к России: в действительности, в России был лишь «ложный конституционализм», гораздо менее зрелый и менее вкорененный, чем в Германии, ибо государство по-прежнему играло слишком всеобъемлющую роль. Значит, необходим был второй революционный толчок для окончательного свержения власти авторитарной монархии и установления настоящей конституционной демократии, подобной английской или французской.

Для подтверждения этой интерпретации изучаемого периода, по которой 1905 г. был годом неудавшейся великой революции европейского типа, при которой ситуация настоятельно требовала возвращения насильственных революционных мер, можно отметить, что положение России в 1905 году весьма походило на положение Франции в 1789 г., каким его описывает Жорж Лефевр в своей книге, озаглавленной «89 год» (Ж. Лефевр, «89 год». Париж, 1976 г.). В этой небольшой книге, гораздо более замечательной, чем она может показаться с первого взгляда, Лефевр, претендующий быть марксистом, дает картину 1789 г., в которой нет ничего специфически марксистского, но открывающую возможность интересным анализом. По мнению Лефевра, 89 год был движением всех классов французского общества. Это движение началось с выступления дворян, затем буржуазии; потом начинаются выступления представителей низших социальных классов, которые перехватывают инициативу; и, наконец, крестьянские восстания. Короче говоря, почти одновременно возникает движение всех классов против абсолютизма монархии и именно это обеспечивает успех.

Вот какой вывод можно извлечь из книги Лефевра: французская монархия была сокрушена между маем и октябрём 1789 г. только потому, что почти одновременно возникло движение всех классов против старого режима. Следовательно, революция является **многоклассовым явлением**; если нет совпадения целого ряда выступлений против существующих структур, революция обречена на неудачу. Если выступает лишь один класс, буржуазия или пролетариат, это движение превращается в бунт, а не в революцию, подобно тому, как во Франции в 1848 году, в июне, лишь один класс, городской пролетариат, своими действиями устрашал представителей других классов, и революция потерпела поражение. **Великая революция возможна лишь в том случае, когда возникает одновременное движение всех классов или, по крайней мере, последовательное, быстрое выступление различных социальных групп против существующих социальных структур.**

В общих чертах этот вывод подтверждается тогдашним положением в России. Во Франции в 1789 году революция не была буржуазной, в том смысле, что она не была осуществлена только буржуазией, не была руководима ею. В Англии в 1640 году мы констатируем то же самое совпадение действий различных социальных групп, которые являются противниками монархии и структур старого режима — поэтому-то налицо удавшаяся великая революция европейского типа. Точно так же можно сказать, что 1905 год является бóльшим, чем просто буржуазная революция, именно поэтому она почти удалась, или, скажем, потерпела неудачу в самый последний момент. Для подтверждения этого толкования нам остается лишь просмотреть еще раз положение различных социальных классов в России в первые годы XX века.

1. Действующие силы

Мы знаем, что в течение XVIII и XIX в.в. великая европейская революция была невозможна в России, как раз

потому, что отсутствовали те социальные элементы, которые были бы способны вызвать революционное движение. Всё, на что Россия была способна в XIX веке, — это традиционный крестьянский бунт, необузданный мятеж. С другой стороны, всем известно, что в девяностые годы индустриализация способствует появлению новых разнообразных элементов в русском обществе. К 1900 г. мы видим в России общество, которое в высшей степени сходно с другими европейскими обществами.

Прежде всего, **дворянство**. Оно находится в упадке, но тем не менее по-прежнему играет важную роль в социальной и даже экономической жизни страны.

Достаточно развились различные **средние слои**: капиталистический (индустриальный) слой остается относительно слабым. (Но в трех удавшихся великих революциях индустриальный, капиталистический класс не играл главной роли.) И, к тому же, этот капиталистический слой связан с государством, ибо государство поддерживает его в экономическом плане, и для этого социального слоя нет серьезных причин для того, чтобы стремиться изменить это государство.

Затем следует **рабочий класс**, который, практически, только-только рождается, класс, еще не имеющий глубоких традиций и еще слишком связанный со своим крестьянским прошлым.

Основную массу народонаселения составляет **крестьянство**, в точности как и в Древней Руси: крестьянство насчитывает три четверти всего населения.

И, наконец, **интеллигенция**, представители свободных профессий, которые в большинстве своём вкоренились в новые социальные структуры страны.

Этот перечень социальных групп находится, в основном, в полном соответствии с тем, что мы видим на Западе, с некоторыми различиями, разумеется: так, можно отметить относительную слабость крупной буржуазии индустриального типа, радикальный характер политических действий интеллигенции XIX в., потерявшей связь с почвой, и, конечно, необычное для Европы того времени число недовольного крестьянства. Но, отмечая эти разли-

чия, можно утверждать, что общее сходство со странами Западной Европы остается весьма значительным. Начиная с 1900 года к России можно приложить ту схему политического развития, которая во многом напоминает схему западноевропейских стран.

Теперь необходимо дать подробную характеристику различным социальным действующим силам, как основным, так и побочным.

Либералы.

Можно сказать, что наиболее зримой политической силой, наиболее доминирующей в России до 1907 года, были либералы. С течением времени исторические исследования были слишком нацелены на рабочий класс и развитие социалистических партий, в особенности на развитие марксистских партий. Поскольку в октябре 1917 года победил Ленин, историки, несколько роковым образом, уделяют ему преобладающее место, совершенно непропорциональное влиянию его мысли, начиная с 1905 года: нам без конца приводят цитаты из книги «Две тактики социал-демократии» или основные положения из «Перманентной революции» Троцкого и т. д. В действительности же социалистические партии, и в особенности две марксистские партии, играли весьма скромную роль в драматических событиях 1905 года.

Всем известно, что Ленин в то время находился за границей, также как и большинство меньшевиков, и что единственным социал-демократом, способным к руководству, был Троцкий. Но при тщательном изучении рабочего движения 1905 г. совершенно невозможно обнаружить доминирующую роль, которую приписывают социал-демократическим организациям. На самом деле лишь эсеры в деревнях и отчасти в городах, независимо действующие марксисты и Троцкий играют роль в кризисе 1905 года, во всяком случае, гораздо более реальную роль, чем та, которая приписывается марксистским организациям (понимая этот кризис в широком смысле слова, то есть с

предварительных выступлений вплоть до поражения 1907 г.)

Сделав эти необходимые уточнения, вернемся к той доминирующей политической группе, которой, безусловно, были либералы. У них были две социальные опоры, которые мы последовательно проанализируем: старое дворянство и интеллигентские круги, вкоренившиеся в русское общество благодаря свободным профессиям с шестидесятых годов XIX столетия. Они и дали начало созданию посреднических организаций.

Дворянство действовало через земские организации. Разумеется, земство состояло не только из дворян, но они составляли в нем наиболее видную часть, во всяком случае, в самом начале, поскольку впоследствии его роль будет уменьшаться.

Вторым фундаментальным элементом либеральных кругов является **интеллигенция, вкорененная в жизнь страны**. По мере приближения 1905 года роль этой части интеллигенции становится всё важнее и важнее. Она объединяет учителей, профессоров, врачей и т. д. В 1905 году они объединяются в организацию «Союз Союзов»¹. Эта интеллигенция уже сильно отличается от шестидесятников, общее число которых не превышало нескольких тысяч человек. Отныне число интеллигенции восходит к 200,000 — 300,000 человек. И сверх того, у этой части народонаселения имеется отчетливое политическое сознание — чего нельзя сказать о всем народонаселении страны, — и поэтому легко понять, почему они сыграют определенную роль в политических событиях.

Как убедительно показал Джордж Фишер в своей книге «Русские либералы», в либеральной группе осуществляется нечто вроде эстафеты: в земствах инициатива переходит от дворян к интеллигенции, по мере приближения кризиса 1905 года. В частности, именно эта часть вкорененной в жизнь страны интеллигенции служит своего рода базой для пополнения рядов кадетской партии.

Таким образом, совершенно бесспорно, что с девятью

1. Эта группа, по всей вероятности, гораздо более многочисленна, чем государственная бюрократия, которая в этот период также значительно увеличивается.

ностей годов вплоть до 1907 г. осуществление политических действий лежит на либералах. В учебниках по истории часто говорится о стачках; приводят весьма внушительные цифры — полтора миллиона стачечников в 1905 г. Говорится также и о крестьянских волнениях в Тамбове и Пензе, равно как и о студентах, совершающих покушения на министров. Но, как кажется, все это происходило лишь на авансцене политических событий, поскольку в то время в общественной жизни страны именно либералы задавали тон. И такое положение началось с новым царствованием — с 1894 года.

Три обстоятельства находятся у истоков нового политического действия, которое приводит к революции 1905 года: прежде всего, тяжелые последствия голода 1891 года, встряхнувшие русское общество, которое уже постепенно оформлялось по западному образцу, — общество, в котором были и социалисты, и либералы. Во-вторых, наступило новое царствование; всегда с приходом нового самодержца в России возникала надежда, что порядок вещей изменится. И в третьих, ко всему этому нужно прибавить сопротивление экономической политике Витте: в течение всех девяностых годов земские либералы действовали заодно с консервативными славянофильствующими кругами, сопротивляясь экономической политике Витте, поскольку эта политика слишком дорого обходилась крестьянам.

Таким образом, мы видим, что голод, воцарение Николая II и политика Витте мобилизовали действия земских либералов и как раз либералы являются вдохновителями наиболее важных политических выступлений эпохи.

Каковы же эти выступления? Прежде всего — это знаменитое обращение московского земства к царю, в момент его восшествия на престол, с просьбой о даровании конституции. Отказ Николая II был категоричен, поскольку он назвал эту просьбу «бессмысленными мечтаниями», но именно этот отказ мобилизовал земства. Затем состоялся первый национальный Конгресс русского земства в 1896 году. Это событие имеет гораздо более важное значение для понимания 1905 года, чем петер-

бургские стачки того же года, на которых исследователи слишком много сосредоточивают свое внимание. Потом организуются многочисленные съезды, на которых встречаются представители разных профессий, составляя таким образом уже третий элемент земской структуры. Все это происходит в течение 90-х годов.

Эти события рассматривались и представителями земства и правительством как подготовка к созданию Национальной Ассамблеи. В этом заключался смысл знаменитого документа Витте «Самодержавие или Земство» (1898), в котором он указывал на невозможность их взаимного существования, потому что, в конечном счёте, это земское движение подразумевало парламент, конституцию и в конечном счёте действительно было несовместимо с самодержавием. Не совсем ясно, какой вывод делал Витте — следовало ли уничтожить земство? Или самодержавие? Но как бы там ни было, совершенно ясно другое, и правительство, и земские либералы считали, что земство несовместимо с самодержавием. Критерий Витте заключался в сильном государстве. Он был готов принять позицию земства, но при условии, что государство останется сплоченным и действенным.

До конца девяностых годов не было крупных стачек. До 1900 г. в обществе преобладает влияние земцев. Затем, в первое пятилетие двадцатого века, либералам удастся создать «массовую» политическую партию, массовую в той мере, в какой это было возможно в те времена, — то есть, охватив лишь часть городского населения, часть просвещенного, грамотного крестьянства, дворянство.

Основываясь на научных изысканиях стэнфордского профессора Терри Эммонса, которые довольно мало известны, можно прийти к выводу, что в России в 90-е годы XIX в. и в первое пятилетие XX в. возникает целая политическая цепь либерального движения. Только либералам удастся создать политическую партию в западном смысле этого слова. Ни эсеры, ни эсдеки, ни меньшевики, ни большевики не являлись политическими партиями в естественном смысле этого слова, то есть организованными политическими соединениями, действующими в соответствии с политикой всеобщих выборов. Эти партии в

основном занимались заговорщицкой деятельностью, цель которой заключалась в усилении общего социального кризиса для свержения существующего режима. Но все это находится далеко от партии в нормальном смысле слова; впрочем, для осуществления такого рода революционных акций совсем не требуется существование массовой политической партии; достаточно иметь немногочисленную организацию, сплоченную и эффективную. Либералы были единственными, кто создал более или менее массовую политическую сеть, опираясь на институты — земства и профессиональные организации — и на представителей класса свободных профессий, значение которых становилось все более и более осязаемым.

Припомним ключевые даты: прежде всего, создание журнала «Освобождение» в 1902 г. (которым руководил Струве) и создание подлинной политической партии, Союза освобождения (предка партии кадетов), в 1903 г. С 1904 года эта партия организует свои съезды в России. Её численность весьма значительна для России. сверх того, Союз освобождения создан для повседневной политической деятельности. В текущий момент, то есть находясь в положении, когда приходится прибегать к незаконным действиям, Союз освобождения намечает соглашение с другими революционными партиями, с тем чтобы свергнуть авторитарный режим, но в то же время он, по своей организации, предназначен для нормальной политической деятельности, то есть для всеобщих выборов, для массовой пропаганды, для того политического давления, которое не переходит в область незаконных действий. Для России 1903 — 1904 г.г. такая организация является довольно впечатляющей.

К 1905 году программа Союза освобождения уже достигает требования создания Учредительного собрания. В девятые годы обычно выдвигалось лишь требование конституции, которая была бы пожалована царем; в этом сказывалось влияние общепринятых тогда понятий, связанных в основном с немецкой политикой. Но уже в начале XX века программа Союза включает следующие пункты:

- 1 Созыв Учредительного собрания;

2 Союз с революционными партиями в первый период революции, для того чтобы свергнуть автократический режим; либералы надеялись, что когда Учредительное собрание будет созвано, отпадет всякая необходимость в незаконных действиях для развития социального прогресса в России, и, следовательно, эти революционные партии станут в действительности реформаторскими;

3 В 1904 — 1905 г.г. предполагается осуществление широких социальных реформ: прежде всего, социальное обеспечение, несколько по бисмарковскому образцу, для рабочих, и затем — аграрная реформа, денежная компенсация дворянству для разрешения крестьянского вопроса. Перед нами — социальная программа, гораздо более радикальная, чем все либеральные программы того времени.

Значит, мы можем отметить совершенно очевидную радикализацию в программе либералов, между восшествием на престол Николая II и кануном революции 1905 года. В этой радикализации отражены две особенности: либералы отдавали себе отчет в своей многочисленности и относительной влиятельности на русской политической сцене. В течение всего XIX века русский либерализм колебался между двумя полюсами: радикальным, «декабристским» и «умеренным», как, например, к моменту освобождения крестьян; в XX веке партия кадетов снова испытала тяготение к радикальному полюсу, когда требовала всё сразу (Учредительное собрание, подлинный демократический парламент). Эта либеральная традиция дала себя почувствовать в момент кризиса, когда либералы полагали, что самодержавие уже стало достаточно слабым и должно уступить. Нужно вспомнить, что сначала развивалась политика «малых действий»: школьное обучение в деревнях, постепенное развитие земства, то есть, прежде всего либералы старались не особенно пугать власть требованием Учредительного собрания. Сначала нужно было обсудить возможность национальной ассамблеи, и для этого обсуждения выбрать подходящий момент, когда Россия более разовьется и т. д. Вот таковой была основная позиция между 1870 и 1900 г.г. Но накануне 1905 года либералы почувствовали себя достаточно

сильными, чтобы требовать самое главное, то есть созыв Учредительного собрания.

Всё увеличивавшееся влияние либералов — одна из причин этой радикализации. Но существует и другой фактор. Он заключался в том, что либералы ясно понимали, что русская империя охвачена общим кризисом. Когда с 1902 г. начались крестьянские волнения и массовые стачки рабочих — с 1903 г., либералы поняли, что кризис был достаточно общим и глубоким и можно было сразу же потребовать создания Учредительного собрания, и что эта мера даже была необходимой для дальнейшей стабилизации России, ибо, без созыва Учредительного собрания, кризис бы мог развиваться революционным путем, чего отнюдь не желали либералы.

Короче говоря, либералы создают доминирующую политическую силу, широко внедряясь на территории городской части страны, а также на значительной части деревенской России; влияние либералов безусловно сказывается на подлинных институтах, способствуя созданию национального политического двигателя. Таким образом, либералы — единственная сплоченная политическая группа.

Рабочие.

Среди других действующих сил в 1905 году рабочие составляли около 1,700,000 человек. В основном это были рабочие, трудившиеся на заводах и зависимые от государственной инспекции: эти рабочие, как мы знаем, еще совсем недавно принадлежали к крестьянам и ими остались наполовину, особенно в своем поведении и в своих социальных привычках. Существует постоянная циркуляция масс между городом и деревней, в зависимости от сезонных работ, экономического положения и т. д. Тем не менее, возникает и небольшое еще ядро потомственных рабочих, которые, в течение двух или трех поколений, полностью сжились с городской обстановкой; профессиональный уровень этих рабочих сравнительно

высок для того времени. Но и это небольшое ядро потомственных рабочих постоянно испытывает влияние деревни из-за вечного прилива крестьян в город. Поэтому рабочее население не является стабильным, поскольку крестьяне продолжают сохранять в городе своеобычное мироотношение, которое плохо приспособляется к реальности индустриальной жизни. И в городе крестьяне продолжают сохранять связь с деревней.

В 1898 году уже существует довольно мощное забастовочное движение; нужно отметить, что оно ни в какой степени не является социалистическим. После 1903 года это забастовочное движение возобновляется и отчетливо усиливается к 1905 году, достигая размеров, внушительных не только для России, но и для любой страны. Но все эти стачки не имели прямого политического характера, во всяком случае в самом начале. Забастовочное движение прежде всего выдвигало требования профсоюзного характера: улучшение условий труда, увеличение заработной платы и т. д. Разумеется, в обстановке российской действительности тогдашнего времени даже эти требования, чисто экономические, считались противозаконными. Профсоюзы не были разрешены законом, стачки запрещались, профсоюзные объединения не допускались. Таким образом, приходилось, *volens nolens* переходить от чисто экономических требований к требованиям политического характера: бороться за установление свободного профсоюзного движения, добиваться права на забастовку и т. д. Но отправной точкой послужили требования экономические, и лишь постепенно, сами рабочие, безо всякой помощи интеллигенции, обратились к политическому движению — либералов, а **отнюдь не социалистов.**

Не составляет никакого труда показать, что влияние социал-демократов, меньшевиков или большевиков, в период, предшествующий 1905 году, и в течение всего революционного года, было относительно слабым. Впоследствии возникла огромная литература, посвященная контактам Ленина и Мартова с рабочими в продолжении девяностых годов — но возникла она лишь потому, что Ленин в конце концов победил в 1917 г. В 1905 году влия-

ние социал-демократов на рабочих было ничтожным.

Для доказательства можно привести два широко известных факта. Прежде всего — значение так называемого зубатовского профсоюзного движения, которое часто именовали «полицейским». Это профсоюзное движение (если позволительно так называть его) было единственным в России, и оно было возможным отчасти по причине большой составной части крестьянства в среде рабочих; это крестьянство сочувственно воспринимало имперскую национальную мифологию. Это движение быстро перехлестнуло и программу Зубатова, и министра внутренних дел, именно потому, что рабочие перешли от требований экономического характера к политическим, о которых говорилось выше. Это и стало причиной прекращения деятельности этого движения. Но не следует считать, однако, что для руководства рабочим движением социал-демократы перехватили инициативу у Зубатова.

Второй известный факт: петербургское движение во главе со священником Гапоном. Эти рабочие сходки начинаются сперва как дружеские встречи, как организация обществ взаимопомощи, и лишь затем переходят к стачке с требованиями экономического характера. В самом деле, рабочие, в общей сложности вполне лояльные к государственной власти, мало затронутые социал-демократической пропагандой, начинают понимать, что практически совершенно невозможно выставлять требования экономического характера, не обладая при этом политической свободой (правом на образование рабочих объединений, свободой слова), иначе говоря — либеральной конституцией. В экономическом отношении это движение было успешным, и тогдашние социал-демократы были в весьма затруднительном положении оттого, что самое крупное профсоюзное движение империи, представлявшее довольно развитый рабочий класс столицы, возглавлялось священником. И социал-демократы вынуждены были последовать за ним.

До 1905 г. нет никакого смысла говорить о близости рабочего движения к социал-демократам. Это рабочее движение почти наугад переходит от экономических требований к политическим, основываясь на собственном опыте

столкновений с императорским режимом. В начале 1905 года это движение вплотную приближается к политике либералов; практические выводы, которые извлекают рабочие после «Кровавого воскресенья» соседствуют не с программой социал-демократов, но с программой Союза освобождения (традиционные гражданские свободы, Учредительное собрание с общим и открытым избирательным правом). Далее мы увидим, что в 1905 году требования рабочих не превосходили эту программу либералов.

Крестьяне.

Мы уже убедились, что русское крестьянство в XIX веке было способно лишь к традиционному бунту; скажем более — вопреки тому, что считало правительство и думали народники, в XIX веке крестьяне уже даже не были способны и к традиционному бунту. Нет более безмятежного периода в истории русского крестьянства, чем тот, который начинается после Пугачева и продолжается вплоть до 1905 года. За это время не происходит ни одного крупного бунта.

Как можно объяснить это крестьянское спокойствие, продолжавшееся более ста лет? В основном, двумя факторами:

1/. Бунт всегда связан с границей; в случаях крестьянских восстаний Болотникова, Пугачева, Разина бунт всегда начинался в приграничной области, которую пыталось захватить центральное правительство. Поскольку правительство стремилось проникнуть в приграничные южные степные области, с тем чтобы подчинить их себе, то сначала возникало сопротивление, затем действия мятежников направлялись внутрь страны. Военная сила, которой располагало правительство, всегда была достаточно мощной для подавления таких мятежей.

После того, как при Екатерине II произошло заселение районов, граничивших с Черным морем, у России не оказалось сколько-нибудь существенных границ с Европой. В азиатской части России границы по-прежнему остава-

лись, но в Сибири не было крепостного права.

2/. Подходя к XX веку, мы отмечаем, что в военной и полицейской организации империи совершился большой прогресс. Начиная с эпохи Александра II Россия обладает постоянной армией, насчитывающей более миллиона человек. Вследствии пугачевской истории правительственная власть достаточно децентрализуется в провинции — власть не в политическом, а в административном отношении — и присутствие достаточно сильной армии исключает возможность развернутого, общенационального бунта. Знаменитые крестьянские волнения в конце эпохи Николая I — начале царствования Александра II, которые советские историки охотно отмечают, чтобы показать, на какие уступки шла императорская власть под натиском революционного движения, послужили им базисом для создания различных концепций. На самом же деле в то время полицейская структура стала значительно плотнее, чем в предыдущем веке, и поэтому даже незначительные крестьянские беспорядки вызывают гораздо больше внимания, чем раньше, во времена Екатерины II. Крестьянское движение, на деле, не имело того значения, которое ему приписывается. XIX век был веком наибольшего спокойствия для русского крестьянства.

Но с 1903 года — и, заметим, впервые со времен Екатерины II — начинается новая полоса крестьянских волнений, на сей раз значительных, намного превосходящих по своему размаху те беспорядки, которые били во времена Крымской войны. Эти серьезные крестьянские волнения снова внушают надежду народникам. Но дело в том, что эти волнения сильно отличаются от тех, что были в XVII и XVIII в.в. Они не облакаются в форму анархического и разрушительного бунта. Это движение отличается тем, что крестьяне пытаются частично конфисковать и дворян: они разоряют усадьбы, рубят деревья в помещичьих лесах, грабят помещичьи стада, на непродолжительный срок оттягивают помещичьи земли, а затем прячутся в лесах. Это крестьянское движение не ставит себе целью немедленно изгнать помещиков — государство для этого еще достаточно сильно, — но лишь оказать давление на дворянство, свергнуть его в состояние паники, заставить

дворянство продать свои земли и покинуть деревни. Коротче говоря, суть этого движения в том, чтобы общими средствами оказать давление на всю политическую систему и добиться аграрной реформы.

Можно доказать подобное утверждение. Конечно, осталось довольно мало документированных источников — крестьянские движения оставляют вообще довольно мало письменных материалов, — но нужно отметить, что сегодня мы знаем о них лишь благодаря полицейским источникам либо эсерам, которые были заинтересованы по своему интерпретировать полученные данные. Тем не менее вполне ясно, что начиная с 1902 года крестьянское движение становится более сложным, чем раньше. Это движение не ограничивается лишь безрассудным разрушением: у него есть политическая цель, даже если эта цель не вполне осознанная. Когда крестьяне к 1902 году повсюду «начинают шевелиться», можно отметить, что три обстоятельства их к этому принудили.

— **Первое:** конечная неудача реформы 1861 года, поскольку выкуп земель был непосильным для крестьян, и они это прекрасно понимали.

К тому же в течение последних десятилетий крестьяне были вовлечены в систему денежной экономики, которая была для них относительно новой.

— Они были вынуждены работать частично в качестве наемных работников на земле местных владельцев;

— они были вынуждены продавать сельскохозяйственные продукты иначе, чем раньше, — эта продажа носила более сложный и более широкий характер;

— бесчисленные истории с выкупом земель лишь подчеркивали всю тяжесть рыночной экономики, денежной экономики в жизни крестьянства. Вся эта система, включающая новые условия продажи, привела к тому, что уровень понимания современной жизни у крестьян резко повысился. Им становится всё более и более ясно, что такая система выкупа не может продолжаться. Именно этот фактор привел крестьянский мир в волнение.

Второе: Относительное снижение уровня жизни крестьян по причине все возрастающего перенаселения дере-

вень, из-за того, что государственная экономическая политика, под руководством Витте, была слишком тяжела для деревни. Беспорядки, начавшиеся с 1902 года, являются реакцией на ухудшение положения.

Третье: крестьяне были гораздо более восприимчивей к политической агитации своего барина или хозяина, чем к агитации эсеров. Внедрение эсеров в деревню в 1902 — 1903 г.г. было еще довольно слабым, но та агитация, которая велась посредством земств либералами, всё время усиливалась. А либералы постоянно обращались к тем вопросам, о которых мы только что говорили: ликвидация последствий реформы, тяжесть экономической политики Витте. Сверх того, именно земства помогали осуществлять всеобщее начальное образование в деревнях. Уже было не так мало крестьян, вполне способных свободно читать и распространять те политические идеи, достаточно сложные, которые оформлялись в городской среде или среди земств. К этому можно еще прибавить значение обязательной для всех молодых людей, за исключением старшего сына в семье, военной службы, которая длилась шесть лет, в среде, гораздо более благоустроенной, чем была в то время деревня. Следовательно, можно сказать, что крестьянство стало не таким уж архаическим, прочно отрезанным от города, как в XIX веке, но вполне открытым по отношению к различным социальным переменам.

Благодаря этим трём обстоятельствам стала возможна полумирная, полунасильственная политика давления на режим. Это давление не складывалось под влиянием эсеровской пропаганды. Разумеется, в 1905 году эсеры воспользовались событиями и старались осуществить руководство крестьянским движением, но основные требования возникли из внутреннего слияния, единства крестьянства и его социально-экономического положения, а также внутренней связи с земством.

Поэтому можно рассматривать это движение, с его полунасильственными мерами, как движение, которое лишь хочет оказать давление на помещиков и изгнать их, либо прийти к такому положению вещей, когда Учредительное собрание утвердит за крестьянами землю. Нужно подчер-

кнуть, что в течение всего этого периода, с 1902 года, когда начинаются крестьянские волнения, и до 1906 — 1907 г., когда эти волнения прекращаются, — даже в 1905 году — крестьянство вело себя с поразительным здравомыслием, даже тогда, когда власть, казалось, в первый раз не в состоянии справиться с положением.

В 1905 году крестьяне не обратились к классическому бунту, к полной экспроприации дворянского имущества. Полумирными, полунасильственными мерами они хотели прогнать помещиков и добиться, чтобы ассамблея проголосовала за возвращение земель крестьянам. В 1905 году они знали уже, что такое Учредительное собрание, и в течение всего кризиса они оставались верными этой политике, не прибегая к крайним мерам.

К тому же относительная сдержанность этого давления была не столь уж далека от программы Союза освобождения, то есть решения аграрного вопроса в Учредительном собрании, при выплате денежной компенсации помещикам. Но Союз освобождения и тем более кадеты предусматривали гораздо более радикальную земельную реформу, которая доходила до насильственного отнятия земель у дворянства. Следовательно, еще раз мы видим, что крестьянская политика согласовывалась больше с политикой кадетов, чем с различными социалистическими программами, будь то муниципализация земель по меньшевистской программе или аграрный социализм эсеров.

Легко убедиться, что русское крестьянство никогда не было заинтересовано ни в социализме — понятие, которое ему осталось чуждым, — ни в программе социалистов, к которой оно не испытывало никакого восторга. Крестьяне попросту хотели земли. И к тому же, до лета 1905 года, третий элемент земства (находившийся между либерализмом и социализмом), а не эсеры, сохранявшие конспирационные методы, в политическом смысле руководил деревней.

Остается последний вопрос, касающийся крестьян, — произошедшее в девяностых годах знаменитое разделение на три группы: **кулаки** («крестьянская буржуазия»),

середняки (средний слой крестьянства, или «мелкая буржуазия») и **бедняки** (крестьянская беднота, «сельский пролетариат»). Это разделение не имеет большого политического или социального значения, и к тому же, кажется, не имело под собой реальной подопрёки. Разумеется, среди крестьян существовало неравенство, но всё это разделение — не что иное, как перенос марксистских, и в особенности ленинских категорий на крестьянство, чтобы создать более обширную «буржуазную» и «мелкобуржуазную» базу для грядущей революции. С подобным разделением можно было попытаться достичь революционного союза городского пролетариата и «пролетариата сельского», оставить в стороне самый основной крестьянский вопрос и заявлять, что если революция совершена с поддержкой среднего слоя крестьянства, то такая революция будет «буржуазной», но если в России совершится «буржуазная революция», то следует идти дальше, к началу создания «социализма», таков аргумент Ленина в его работе «Две тактики социал-демократии».

Действительно, это знаменитое разделение крестьянства на три подкласса только и заключается в перенесении марксистских категорий на крестьянство, чтобы продемонстрировать, что традиционная марксистская схема классов вполне прикладывается и к России. Но возможно ли представить себе, чтобы крестьянство обладало тремя различными самосознаниями разных социальных классов! Центр политических интересов крестьян заключался не во внутренней классовой борьбе; в этом центре стояло общее недовольство всего крестьянства против помещиков и вообще горожан, неприязнь крестьянского класса ко всему, что далеко от него².

Разумеется, крестьяне отдавали себе отчёт в существовании кулаков; верно и то, что кулаки были богаче прочих крестьян и те не особенно их любили. Но настаивать на том, что у среднего крестьянского слоя и у бедняков

2. Как мы убедились, крестьянство не находит своего места в классовой иерархии марксистов. Поэтому необходимо было преобразовать крестьянство: найти «буржуазию» (кулаки), мелкую буржуазию (середняки) и пролетариат. Затем можно было превратить это крестьянство в другие социальные классы и все объяснить этими марксистскими различиями, почерпнутыми из аналитических категорий индустриального мира.

существовало классовое отношение к «буржуазному кулачеству», было бы и преувеличением, и заблуждением. Основными врагами крестьянства были помещики и горожане. Поэтому для дальнейшего анализа 1905 — 1917 г.г. не стоит обращать внимания на разделение крестьянства на три подкласса. Настоящая борьба развертывалась в иной области — борьба крестьянства с городом.

Студенчество.

Остается указать на последнюю очень важную социальную группу, которая вместе с либералами занимала политические подмости: студенты. Под этим словом мы понимаем собственно студентов и некоторую часть гимназистов. Они являются самыми естественными наследниками той, лишенной почвы, интеллигенции XIX века. По большей части, получив диплом, представители этого студенчества присоединялись к общественной деловой интеллигенции, поскольку существовали функциональные отношения между обществом и студенчеством. Но до тех пор, пока они проходили курс наук в университете, который, напомним, до 1905 года был лишен всякой автономии, эти студенты считали, что они находятся в угнетенном положении.

Число этих студентов было велико. Они жили в состоянии постоянно возбуждаемой вражды к правительству. Среди них всегда находилось маленькое меньшинство, готовое возобновить героическую и максималистскую традицию «Народной воли» или записаться в «боевые отряды» партии эсеров. Эти боевые отряды в основном и составлялись из студентов.

Многочисленность студенчества легко объясняется: в то же самое время, когда русское общество, вследствие индустриализации и обновления, порождает различные социальные классы, имперская бюрократия значительно увеличивается в своем составе. Она фактически удваивается между 1888 и 1905 годами. Следовательно, системе государственного образования приходилось также возра-

стать, и гражданское общество, гораздо более развитое, чем раньше, по прежнему испытывало потребность в большом количестве квалифицированных лиц. Отсюда и следует значительное увеличение числа студентов к концу 90-х годов, которое в свою очередь было связано с либеральным движением земства. И студенчество оказывает предпочтение этому движению либералов.

К концу девяностых годов студенты выступают против жесткой дисциплины, водворенной в университет министром Димитрием Толстым. Они требуют независимости университета. Государство отказывается ее предоставить. На петербургских улицах происходят столкновения. Впервые после 1861 года военные силы и полицеские отряды используются против студенчества! Разражается скандал в национальном масштабе. Всё это радикализует позицию студенчества.

Как раз с этого момента в студенческой среде замышляется и осуществляется целая серия политических убийств, значение которых будет играть большую роль. Первым таким убийством было убийство министра образования Боголепова, совершенное студентом Карповичем (1901). Оно многими принято с воодушевлением. Вскоре оживает максималистская традиция 70-х годов. Это убийство внушает панический ужас правительству, у которого и так много хлопот с земствами. Среди этих политических убийств отметим наиболее известные: убийство министра внутренних дел Сипягина в 1902 г., преемника Сипягина Плеве в 1904 г., и, наконец, Великого князя Сергея Александровича весной 1905 года.

Вот каковым представляется тогдашнее положение: ряд убийств на фоне крестьянских волнений, забастовок, участники которых переходят от требований экономического характера к требованиям политическим. В этом кризисном положении убийства играют своего рода роль катализатора. Конечно, политическое убийство являлось архаическим элементом; любой революционер того времени прекрасно знал, что даже самое образцовое политическое убийство не приведет ни к чему, кроме как к ожесточению существующего режима. Но роль этого архаического средства была существенной; эта серия по-

литических убийств, вместе с постоянным давлением либералов, оказалась определяющей.

Политические убийства в гораздо большей степени, чем стачки или крестьянские волнения, послужили причиной репрессий, предпринятых Плеве после убийства Сипягина. Плеве, влиятельный политик, был призван укротить это террористическое движение, находившееся тогда в самом разгаре. Попытка осуществления репрессивных мер была предпринята в трудной ситуации, когда происходили волнения в либеральной среде земства, когда беспорядки среди рабочих принимали политическую форму и усиливались крестьянские волнения.

Эта попытка не могла быть успешной, потому что в её основе была программа сохранения самодержавия в том виде, в каком оно было; сверх того, у Плеве не было гения Бисмарка, который очень хорошо понимал, что с осуществлением политических репрессий необходимо совмещать политику реформ в социальном, или экономическом, или в каком-либо другом плане. Политика же Плеве была всего лишь репрессивной, и поэтому она не могла привести ни к чему иному, как к всеобщему осложнению положения.

2. Прелюд к революции

Последнее обстоятельство, которое нужно выделить — даже если о нём говорится во всех учебниках по истории. — это война с Японией. Она начинается в январе 1904 года и на её фоне зарождается революционный кризис. Плеве отнюдь не домогался этой войны, как часто утверждают исторические учебники; он никогда не произносил приписываемой ему фразы: «Небольшая война, победная и недолгая, освободит нас от всех этих революционных действий». Война была объявлена японцами и явилась следствием целого ряда не столь уж серьезных ошибок в русской политике на Дальнем Востоке. Не су-

ществоует никакой органической связи между событиями, происходившими тогда на Дальнем Востоке и в европейской части России.

Эта война не вызвала то действие, которое обычно вызывают войны, — национальное единство. Действительно, этот военный конфликт не был пережит русским обществом как необходимый для русского государства или для национальной безопасности. Напротив, большинство рассматривало этот конфликт как бесполезный, побочный, явившийся следствием некомпетентности русского правительства. Поэтому конфликт с Японией только ухудшил внутреннее положение в стране.

В 1904 году страна была охвачена кризисом. Все социальные группы, имевшие значение, приступали к действиям: либералы, которые были не столько представителями буржуазии, сколько дворянства и свободных профессий; рабочий класс, обладавший политической программой, в основном не превосходившей требования гуманного характера; крестьянство, которое жаждало земли; и, наконец, эта анархическая, специфически русская группа вечно бунтующих студентов! Уже в 1904 году наблюдается эта сплоченность в совместном выступлении, которое может развиваться с чрезвычайной быстротой: все социальные классы враждебно настроены к самодержавию. В то время возникает действительно большое единство среди различных социальных классов, и совершенно излишне обольщаться мельчайшими различиями между революцией буржуазной и пролетарской, которые были введены в литературу марксистами.

К чему готовилась Россия в 1904 году? Она собиралась осуществить «революцию», то есть противозаконное движение против самодержавия, которое должно было привести к созданию Учредительного собрания, и эта конституционная ассамблея должна была разрешить все трудности и сделать выбор среди различных политических программ разных партий.

И либералы были готовы пуститься во все тяжкие для достижения конституционной ассамблеи; они полагали, что как только законная государственность будет уста-

новлена в России, у них не будет оснований бояться социалистических партий; они не опасались также, что вся эта огромная масса рабочих и крестьян, с безусловным большинством в Учредительном собрании сможет, путем декретов, осуществить социалистическую утопию. И действительно, они совершенно справедливо понимали положение того времени: либералы ясно сознавали, что революционные партии лишены корней, они не смогли вкорениться ни в крестьянство, ни в рабочую среду, и поэтому, когда вся страна окажется перед реальными проблемами, перед жизненными интересами, касающимися учредительной ассамблеи, о социалистической революции попросту забудут.

Таким образом, представители всех социальных классов, и даже революционеры, находили общий язык: сперва необходимо было совершить так называемую буржуазную революцию, затем заменить старый строй Учредительным собранием. Во второй же период необходимо было быстро перейти к энергичному принятию решений относительно реальных нужд страны. Большинство политически мыслящих людей не слишком опасались создания социалистической и революционной конституционной ассамблеи. Одним словом, можно утверждать, что были налицо представители всех социальных групп, действия которых были направлены против самодержавия, во имя той же самой программы, какая была у великих европейских революций: замена абсолютной монархии национальной ассамблеей. Так всегда было, начиная с 1604 г., и в 1905 году именно так представляли себе положение.

В этой ситуации общего кризиса два факта имеют большое значение:

1. Принятие исключительно репрессивных мер министром Плеве, которые привели к ухудшению положения;

2. Злополучная война с Японией, которую самодержавный режим не сумел использовать для достижения национального подъема и, тем самым, собственного укрепления; эта война не сыграла ту роль, которую сыграла война Бисмарка против Австрии. Напротив, война с Япо-

нией, после краткого национального воодушевления, вооружила общественное мнение против режима, поскольку известные поражения показывают некомпетентность и неспособность — эти определения были у всех на устах — правительства. В конечном счёте и политика Плеве, и война действуют в пользу революции.

Затем события снова развиваются по классическому сценарию. В самом разгаре кризиса Плеве был убит (в июле 1904), и только с этого момента правительство готово идти на уступки. Но уже слишком поздно. Министерство кн. Святополк-Мирского возвещает о возможности конституционной ассамблеи, форма которой не уточняется. Совершенно ясно, что она будет лишь консультативным органом: такая уступка была бы с радостью принята в 1900 году, когда кризис был недостаточно глубок, но в 1904 году она слишком запоздала, чтобы успокоить умы; напротив, эта уступка лишь увеличивает аппетит.

Результатом этого кризиса становится «Кровавое воскресенье» (22 января 1905 г.). В первый раз на политическую сцену выходит городская толпа — как и в предыдущих революциях на Западе сперва с совершенно мирными намерениями, то есть просить правительство дать стране конституцию. В этом была основная цель демонстрации. Возникший инцидент вызывает взрыв негодования во всей стране. И то, что мы видим в течение 1905 года, почти то же самое, что произошло во Франции в 1789 году: все наиболее значительные социальные классы общества быстро объединились в борьбе с режимом, за предоставление национальной ассамблеи. В России этот кризис был более долгим, чем во Франции, он длится до октября и в итоге — лишь обещание создания ассамблеи. Этот кризис развивается также в иных формах, в том смысле, что в XX веке существовавшие условия позволяли мобилизовать городскую толпу в современном масштабе (чему способствовали железные дороги, телеграф, телефон, более современные средства коммуникации), и в конечном счёте мобилизовать толпу в общенациональном масштабе, а не лишь в размерах одной столицы. Есть и другие отклонения от классического западноевропейского сценария проведения великой рево-

люции, но в основном происходит то же самое.

То есть — речь идет о **многоклассовом движении**, политическое руководство которым принадлежит либералам, а не представителям экономической буржуазии (либералы, в целом, могли и не принадлежать к ней), движении, поддерживаемом крестьянами и рабочими, выставляющими требования либерального характера (которые до октября такими и останутся).

События, развивающиеся по этому классическому сценарию, почти приводят самодержавие к поражению в октябре, но окончательно победить его не удастся. Остается возможность в ближайшем будущем решить эту задачу по прусскому образцу.

Значит, можно говорить о поражении в обоих случаях: во-первых, поражения либерального разрешения проблемы, потому что событиям 1905 года не удастся окончательно сломать самодержавие; во-вторых, поражения возможной реформы по прусскому образцу, к которой правительство оказывается неспособным по ряду причин, на которые мы укажем дальше. Еще раз важно подчеркнуть, что элементы этого кризиса совершенно европейские. Эта многоклассовая революция составляет первую фазу всех великих европейских революций, в том числе и русской.

3

Предреволюционный кризис 1905 — 1914 г.г.

Чтобы понять, какие действующие силы составляли содержание революции 1905 года, нужно отметить два существеннейших факта:

1. Тот кризис, который длится с 1904 г. по 1907 г., является многоклассовой революцией европейского типа, он подобный революционной модели Англии, Франции и неудавшейся немецкой революции;

2. Результат этой революции в России — перед 1917 г. и даже до 1914 г. — примечателен, ибо разрешение, к которому он приводит, ничуть не похоже на разрешение английской, французской, ни даже прусской (в XIX в.) революционных ситуаций.

Эти два обстоятельства следует проанализировать и развить.

Слагающие силы кризиса.

При анализе событий можно легко представить себе кризис 1905 года как преимущественно рабочую революцию. Развитие событий начинается с рабочей демонстрации «Кровавого воскресенья» к всеобщей забастовке в октябре, затем создание советов, затем вооруженное восстание в Москве и т. д. Рабочие находятся в центре событий и являются движущей силой во время кризиса.

Это представление опрощает реальность и даже искажает её, ибо те события были гораздо более сложными.

Рабочие волнения начались отнюдь не с «Кровавого воскресенья». Они были почти постоянными с 1900 г. Сперва эти волнения были связаны с земскими либералами, а начиная с 1902 — 1903 г.г. и с представителями свободных профессий (то есть с интеллигенцией) Союза освобождения.

В этом кризисе второй слагающей силой была — задолго до начала действия рабочих — та часть бунтующего студенчества, которая под эгидой эсеров склонялась к терроризму; это студенчество набирает силу после убийства Боголспова в 1901 году.

В 1902 г. на сцене событий появляются крестьяне (до сих пор остававшиеся довольно мирными), но крестьянские волнения не доходят до восстаний. Цель этих волнений — напугать помещиков-землевладельцев с тем, чтобы они уступили по доступной цене свою землю. Эти **крестьянские волнения**, более или менее постоянные с 1902 г., вызваны, с одной стороны, давлением экономической и налоговой политики Витте, которая тяжко отзывалась на крестьянах, и, с другой стороны, медленной полигизацией крестьянской среды. Осуществление этой политизации сперва лежало на земствах и лишь потом стало делом социалистов-революционеров, которые воспользовались этой политизацией, осуществленной отнюдь не ими.

Рабочие стачки начинаются сравнительно поздно, то есть в 1903 году, с оживлением экономического положения. Поначалу рабочие выдвигают лишь экономические требования, затем стачки всё более и более политизируются. Мы отчетливо это видим в развитии рабочего движения под руководством Гапона, когда рабочие начинают понимать, что в условиях существования самодержавия требования только экономического характера попросту невозможны. Надо было добиться политических гарантий: права на забастовку, права на создание профсоюзных организаций, свободы слова и т. д. — и получив эти права, можно было законно выставлять требования

экономического характера. Таким образом, рабочие мало-помалу политизировались. Задолго до «Кровавого воскресенья» различные социальные элементы кристаллизуются в среде рабочих.

Общий кризис 1903-1904 г.г.

Общий кризис достигает своей кульминационной точки в течение 1903 — 1904 г.г. В конце 1903 г. министр внутренних дел Сипягин убит членом партии эсеров и правительство до 1904 г. применяет политику самых суровых репрессивных мер. Сказать по правде, правительство терялось и не знало, что делать. В это время Плеве, вплоть до своей смерти, предпринимал самые суровые меры, чтобы удушить волнения.

Тем временем в январе 1904 г. начинается война с Японией. По времени совпадают политика репрессий Плеве и поражение русской армии в войне с Японией. Это поражение вызывает окончательный кризис. Уже летом 1904 г. ясно, что русская армия движется к поражению в Манчжурии. Между тем Плеве убит, и теперь политика репрессий в глазах правительства также представляется ошибочной.

Правительство стремится изменить курс еще раз. Вновь назначенный Святополк-Мирский пытается применить примиренческую политику. Чувствуя себя неуверенным, пока длится война на Дальнем Востоке, со всеми затруднениями, вызванными ею, правительство не в состоянии продолжать политику репрессий и, как всегда бывает в подобных случаях, соглашается на ряд уступок.

У оппозиции начинает разыгрываться аппетит, и в конце 1904 года перед нами проходит первая часть этого глубокого кризиса 1905 года; собирается Земский съезд, на котором первый раз в истории России национальная организация требует создания национальной ассамблеи, не обязательно конституционной, но тем не менее — национальной ассамблеи.

Правительство не решается действовать, показывая тем самым большую слабость. Сразу же после Земского съезда, совершенно следуя тому, что произошло во Франции в 1848 году, финансисты (банкиры) из Союза освобождения настаивают на созыве конституционной ассамблеи. Такое требование впервые выдвигается в стране.

Положение поляризуется тем обстоятельством, что оппозиция выдвигает требование, на которое правительство никак не может согласиться, не изменив при этом природу самого режима. Начиная с ноября 1904 года эти требования оказывают глубокое влияние на рабочих. Все свидетельства сходятся на том, что до начала 1905 года рабочее движение не было эсеровским, оно даже не требовало введения конституции. Это было время (до конца 1904 года) сильнейшего влияния священника Гапона на рабочее движение, и лишь под влиянием либералов из дворянской среды, средних классов и представителей свободных профессий воздействие Гапона стухает. С этого момента и выдвигаются конституционные требования. Тот факт, что конституционная пропаганда захватывает рабочих, порождает «Кровавое воскресенье». Жестокая реакция властей обеспечивает оппозиции известное число мучеников, и это тоже классическое явление в подобной ситуации, подносящее огонь к пороховой бочке. В результате «Кровавое воскресенье» мобилизует городскую толпу.

Борьба за ассамблею в 1905 году.

С этого момента все народонаселение ведет согласованную кампанию против самодержавного строя и борется за созыв национальной конституционной ассамблеи. Начинается период крупнейших событий: в течение восьми месяцев, от января до октября, рабочие непрерывно бастуют, в вооруженных силах возникают мятежи (крейсер «Потемкин», Кронштадт, Севастополь). В основном, при изучении событий 1905 года, именно стачки и мятежи производят наибольшее впечатление.

Однако политическая организация средних классов и представителей свободных профессий также крайне важна. Она ставит себе целью заставить монархию пойти на создание конституционной ассамблеи, в которой она готовится занять руководящее место. «Союз союзов» оформляется в мае 1905 года и приводит к созданию конституции кадетской партии в октябре этого же года. В продолжение всего года все лозунги забастовок и мятежей, будь то в армии или во флоте, исходят от либералов. В этот период социалисты следуют за общим ходом, но не руководят им. Социалистические лозунги не подхвачены ни рабочими, ни участниками мятежей.

Мы видим в этой ситуации привычный союз, характерный для первой фазы революции европейского типа: группа либералов, опирающаяся на средние классы, и городскую толпу, пришедшую в действие, пытается оказать давление на монархию. Это — буржуазное движение, цели которого не совпадают с целями рабочих. В то же время осуществляется политическая мобилизация крестьян весной 1905 года, и эта мобилизация была гораздо очевидней, чем в предыдущих волнениях. Крестьянский съезд, собравшийся наконец в июне 1905 года, представлял движение относительно умеренное, которое также испытывало прежде всего политическое влияние либералов из средних классов (Союз союзов и кадеты).

От мая до октября развивается совместное действие всех этих групп, чтобы оказать давление на монархию и добиться национальной ассамблеи. — и все надеются, что эта ассамблея будет конституционной. Давление, оказываемое на монархию, вполне мирное — по многим причинам. Прежде всего потому, что уже в феврале правительство пообещало созвать ассамблею, сущность которой еще не вполне определена. И оппозиция не хотела ускорять события, в надежде, что созданная ассамблея будет учредительной. Во-вторых, оппозиционное движение опасается императорской армии, которая хоть и несколько обессилена войной с Японией, но в целом мало затронута мятежами и остается реальной силой. Вот поэтому оппозиция избегала восстаний и добивалась созыва ассамблеи мирным путем.

Второй кризис 1905 года.

После «Кровавого воскресенья» можно говорить о втором периоде кризиса. Он охватывает лето и осень 1905 года (август-октябрь) и, как кажется, вызван двумя главными причинами:

1. Окончательное поражение России в русско-японской войне, которое глубоко дискредитирует русское правительство;

2. В августе появляется манифест Булыгина, который ожидали в течение нескольких месяцев, предлагающий создание всего лишь скромной консультативной ассамблеи.

Всё это приводит к следующим результатам:

— Поражение России и достаточно унижительный мир, подписанный с Японией, усиливает недовольство армии; у оппозиции складывается впечатление, что правительство серьезно ослабло и поэтому давление на него следует усилить;

— Консультативная ассамблея, обещанная манифестом Булыгина, до такой степени разочаровывает оппозицию, что она приходит к выводу: нечего ждать от такого правительства, которое никогда охотно не предоставит полноправную национальную ассамблею, еще менее — Учредительное собрание.

Это разочарование, также как поражение в войне с Японией и слабость правительства, являются катализаторами, которые ускоряют развитие революционного движения 1905 года.

Это движение отмечено двумя основными элементами: общая стачка в октябре 1905 года и петербургский совет. Безусловно, в них заключался весь итог кризиса 1905 года, но не следует забывать, что формирование партии кадетов, которое происходило в то же время, имело также большое значение. Впервые конституционное движение создает организованный аппарат, который должен сплотить ту национальную конституционную ассамблею, которая будет либо завоевана, либо предоставлена монархией.

Значит, октябрьский кризис вызван двумя причинами: прежде всего, это давление кадетов, решившихся идти до конца и соглашаться только на конституционную ассамблею, затем — всеобщая стачка, которая развивалась параллельно выступлению городской толпы для оказания давления на монархию и получения этой ассамблеи. Октябрьский манифест — результат этого кризиса, его кульминационная точка. В те времена октябрьский манифест был огромной победой, но нужно признать, что в сущности в нем содержалось лишь обещание, то есть не было речи о том, чтобы ассамблея была созвана *hic et nunc*.

С другой стороны, если кадеты (или, вернее, те, кто позднее стали ими) соглашались с обещанием ассамблеи, это согласие было весьма условным. Говоря иначе, политика кадетов заключалась в том, чтобы принять Думу, обещанную октябрьским манифестом, с тем, чтобы преобразовать её в конституционную ассамблею типа той, какую мы видели во Франции в 1789 году.

Таким образом, после октябрьского манифеста общее положение остается в высшей степени двусмысленным. Октябрьский манифест ничего не решил, в том отношении, что со стороны правительства ничего не было сделано, кроме обещания, и со стороны кадетов, то есть оппозиции, этот период представлялся уже пройденным этапом.

Итак, в России с конца 1904 года по октябрь 1905 г. мы наблюдаем тот же кризис, связанный с первым периодом революции, как и во времена революций французской и английской. Развивается борьба между старой монархией и общественными силами, которые намерены заменить её или ввести независимую ассамблею. Но в России этот кризис развивается гораздо медленнее, чем в Англии, в 1640 году, и еще медленнее, чем во Франции в 1789 году, протекая при этом в менее решительной форме.

Прежде всего, нужно отметить, что оппозиция в России в борьбе с монархией никогда не прибегает к силе, в то время как во Франции оппозиция трижды обращается к

насильственным мерам: в Версале, когда оппозиция открыто заявляет о своем гражданском неповиновении, с тем, чтобы превратить Генеральные Штаты в конституционную ассамблею; затем при взятии Бастилии, когда оппозиция опасалась, что король обратит против неё вооруженные силы; и, наконец, в октябрьские дни, когда фактически вся монархия становится пленницей оппозиции. В Англии происходило нечто подобное в начале Длительного Парламента. Но в России оппозиция никогда не осмеливалась в борьбе с монархией прибегнуть к вооруженной силе.

Чем это объясняется? На мой взгляд, тем, что оппозиция прекрасно знала, что монархия, не колеблясь, прибегнет к помощи армии, если оппозиция развяжет вооруженную борьбу. Несмотря на изрядное число мятежей («Потемкин» и т. д.), даже в худшие моменты кризиса (то есть после подписания Портсмутского мира и декабрьского восстания в Москве) армия никогда фактически не выходила из строя и императорский режим никогда окончательно не терял контроля над ней. Безо всякого сомнения, именно страх перед вооруженной силой, которой располагала монархия, объясняет в значительной мере мирную и легальную сторону действий оппозиции в течение всего пятого года. С другой стороны, нужно отметить, что монархия уступала только тогда, когда имелись признаки возможного мятежа.

Октябрьский манифест появился не потому, что император и Витте были убеждены в необходимости предоставления русскому обществу конституции в прусском духе, но оттого, что в тот момент правительство сознавало, что армия была недостаточна надежна для подавления всеобщей стачки.

С этим положением связан известный эпизод, о котором рассказывает Витте в своих «Мемуарах»: в самый разгар стачки Николай II обращается к нему с вопросом: что делать? Витте предвидит лишь две возможности: либо подавить восстание вооруженным путём, либо даровать конституцию. Но, по его мнению, военной силы было недостаточно для успешного подавления восстания. Оставалось предоставить конституцию — с тем, чтобы ото-

брать её назад как только царь будет в состоянии снова контролировать военные силы. Как раз в это время Николай II уговаривает великого князя Николая Александровича принять на себя диктаторские полномочия для подавления восстания. Но великий князь, отдающий себе отчет в том, что он бессилён что-либо изменить в создавшемся положении, категорически отказывается и угрожает покончить жизнь самоубийством в случае принуждения.

Тогда царь снова обращается к Витте и решает обнародовать конституцию. Но при этом царю кажется, что он по совести совершает измену присяге, данной при коронации, принижая роль самодержавия дарованием этой конституции. Монархия пошла на уступку только потому что сомневалась в надёжности военных сил; но царь этой уступки внутренне не принял и как только смог рассчитывать на армию, снова попытался свести конституцию до минимума.

Можно сказать, что этот кризис протекал в России медленнее, чем во Франции или Англии, и не столь решительно, как в этих странах, по причине роли армии. Всё вышесказанное можно свести к следующему: оппозиция не чувствовала себя достаточно уверенно для борьбы с монархией вооружённым путём; монархия же, в свою очередь, опасалась выступить против оппозиции, поскольку сомневалась в надёжности армии. Таким образом, **Октябрьский манифест является началом двух лет, которые отмечены двусмысленностью положения: либералы не победили, монархия не потерпела поражения.** Эти две силы остаются основными действующими силами и их взаимоотношения полны двусмысленности.

Контратака Витте в 1905-1906 г.г.

В течение этих двух лет необходимо отметить различные события, и первое из них — учреждение министерства Витте с октября 1905 года по апрель 1906 г. Деятельность этого министерства представляет первую попытку монархии приостановить развитие революции, и, восста-

новив заново некоторые элементы, усилить старый режим. Эта контратака имела исключительно политическое значение. В политическом и государственном плане Витте пытается спасти то, что еще можно было спасти.

Фазы этого контрастования широко известны.

1. После обнаружения Октябрьского манифеста, Витте (будучи прагматиком и не обладая никакими далеко идущими проектами) решает уступать настолько, насколько можно спасти самое существенное. То есть он решает уступать, но как можно менее, самый минимум того, что требуют соответствующие обстоятельства.

После предоставления Октябрьского манифеста Витте замечает, что оппозиция несколько разделена. Сперва октябристы отделяются от кадетов, затем происходит некоторое разделение между умеренными и радикальными либералами. С другой стороны, забастовочный комитет петербургского совета руководит городской толпой для поддержки либералов; комитет хочет продолжать борьбу только в социальном плане (восьмичасовой рабочий день и т. д.), но в этом отношении ни либералы средних классов, ни кадеты его не поддерживают.

Витте убеждается в изоляции советов. В то же самое время ему удается восстановить порядок на Транссибирской магистрали. Русская армия возвращается с Дальнего Востока, самые ненадежные элементы её удалены, и начиная с ноября правительство вновь может рассчитывать на неё. Витте решает покончить с петербургскими советами. Отныне либералы лишаются поддержки городской толпы, без которой все действия их будут весьма ограничены.

2. Ободренный рядом успешных действий в 1906 году, Витте решается несколько видоизменить одно из положений Октябрьского манифеста, выпуская указ, в котором говорится, что Государственный совет (частично назначенный, частично избранный) явится высшей палатой этого парламента. То есть, практически, государство получает право вето внутри самого парламента. Такой маневр весьма напоминает прусский вариант и фактически возвращает государству всё, что оно предоставило оппозиции в 1905 году.

3. В начале 1906 г. Витте издает указ, по которому военный бюджет будет находиться вне компетенции Государственной думы. Самодержавие, таким образом, осуществляет полный контроль в военной области и в международных отношениях. Такое положение также сходно с прусским вариантом, когда монархия оставалась владыкой создавшейся ситуации.

4. Монархия, то есть Витте, устанавливает ряд законов, согласно которым основная претензия Государственной Думы стать конституционной ассамблеей полностью лишается оснований. В понимании Николая II и Витте, конституция уже дана и Государственная дума должна действовать в соответствии с этой конституцией.

5. Знаменитый французский заём освобождает самодержавие в финансовом отношении от всех затруднений. Это происходит как раз накануне созыва Государственной думы.

6. Существует и шестой пункт, однако он не принес победы. Витте обнародовал закон об общем избирательном праве, который значительно содействовал выдвижению крестьянского представительства, в несколько наивной и совершенно ошибочной надежде, что крестьяне, как полагается изрядным националистам и консерваторам, будут голосовать за правых. Но из-за вопроса относительно раздела помещичьих земель, крестьяне голосовали за левых.

Как мы видим, Витте действовал по бисмарковской тактике: он обращался, поверх средних классов, либералов и радикальных элементов, к наиболее консервативной части народа. Если к этому прибавить все составные элементы его программы (подавление советов военным образом, создание Государственного совета, военный бюджет, дарованная конституция, финансовая независимость монархии), то мы в итоге приходим к положению, которое близко к тому, в каком Бисмарк оставил Пруссию.

Витте не воспроизводил действия Бисмарка сознательным образом, кроме как вопроса об избирательном праве. В таком положении существует лишь несколько возможных решений. Решение, которое я называю

«прусским», — это динамическое решение старого строя в революционной ситуации. В политическом плане Витте проявил огромную ловкость — всего за несколько месяцев он заставил революцию заметно отступить.

В свете сказанного вооруженное восстание в Москве — которое так подчеркивают советские историки — вряд ли имело большое значение. Подавление этого восстания — лишь логическое завершение того обстоятельства, что государство вновь овладело контролем над армией, осуществив прежде всего ликвидацию петербургских советов.

В эпоху Витте отчетливо вырисовывался прусский вариант, приложенный к российскому кризису. Но следует отметить, что со стороны царя понимание этой политики полностью отсутствовало. Николай II упрекает Витте в том, что он заставил его нарушить присягу до самой смерти защищать самодержавие. Поэтому как только Николай II, благодаря реформам Витте, чувствует себя в безопасности, он увольняет Витте, и Витте, естественно, не может далее развивать эту политику.

Как мы убеждаемся, существовала существенная разница между Россией и Пруссией. С самого начала было ясно, что русский монарх не понимает необходимости подобной политики. Его намерение — отобрать обратно все, что было им даровано Конституцией 1905 года, — разумеется, когда он будет в состоянии это сделать.

Поражение кадетов в Думе.

Второй эпизод этого кризиса — поражение кадетов в Первой государственной думе, то есть поражение их политики, по которой дарованная ассамблея должна была превратиться в конституционную. По всей вероятности, это поражение было неизбежным после контратаки Витте, поскольку, после ликвидации советов, в России не оставалось городской толпы, способной к мобилизации. А без участия городской толпы, которая могла бы оказать давление на монархию, либералы не могли совершить

скачок и прийти к созданию независимой конституционной ассамблеи.

Можно сказать, что в апреле-июне-июле 1906 г. кадеты разыгрывали игру Мирабо; в образовавшейся пустоте, не имея никакой реальной власти, они пытались заставить монархию уступить, в области аграрной реформы, основного вопроса, дебатировавшегося в Первой государственной думе. Образ действия, с которым кадеты обсуждали этот вопрос, обращаясь ко всей стране, а не к министрам или царю, совершенно недвусмысленно указывал на их намерение превращения Думы в конституционную ассамблею.

Монархические круги, которые разгадали эту тактику, в конце концов распустили Первую государственную думу. В этот момент кадеты обратились к пропаганде, совершенно неэффективной, «Выборгского манифеста», призывая народ к гражданскому неподчинению (к отказу платить налоги, исполнять воинскую повинность). Надо было во что бы то ни стало заставить монархию уступить, то есть признать Думу конституционной ассамблеей. Но именно потому, что кадеты не располагали больше организованной городской толпой для своей поддержки, «Выборгский манифест» не оказал никакого воздействия и монархия сохранила приоритет в данной ситуации.

*Второе наступление:
министерство Столыпина 1906-1911 г.г.*

В политическом и конституциональном плане Вторая дума, в которой положение кадетов стало гораздо слабее, не является событием первостепенной важности. Фактически, кадеты проиграли после «Выборгского манифеста» и вся деятельность их заметно снизилась.

Если монархия разрешила созыв Второй государственной думы, то это было лишь потому, что Столыпин, ставший тем временем премьер министром, чувствовал, что страна еще находится далеко не в безопасном положении, и было рискованно запретить выборы во Вторую думу. Действительно, по всей стране происходили крестьянские

волнения, которые не успевали смирять; не прекращались террористические акты эсеров; короче, страну лихорадило, и Столыпин счёл за лучшее разрешить выборы в Думу, которая, в отличие от первой, не имела никакой возможности стать конституционной ассамблеей.

В 1907 году лихорадочное состояние, в каком пребывала страна, основательно снизилось, репрессии, организованные Столыпиным, были достаточно эффективными. Премьер-министр считает свое положение настолько прочным, что решается перейти ко второму политическому наступлению. Это наступление опять совершается по прусскому образцу. Было ли это сознательное воспроизведение прусской политики? Вряд ли; мы видим, что обращение к реформам консервативного характера применяется в любой модели революции европейского типа.

Еще раньше, чем избавиться от этой Думы, у которой конституционные претензии, Столыпин обращается к политике борьбы с беспорядком, поскольку невозможно управлять страной, находящейся в состоянии хронического беспорядка. Но в то же время он пытается творчески подойти к ситуации (в этом прусский аспект его политики): он выступает с предложением **аграрной реформы**, которая делает ставку на наиболее сильную часть крестьянства (он заявляет, что нужно поощрять не лодырей и пьяниц, но наиболее крепких и предприимчивых).

Инициатива этой реформы исходит исключительно от правительства: в правительственном указе (статья 87) определяется основная линия реформы, которую оно затем проводит в жизнь, но уже не Второй думой, которая становится к тому времени неуправляемой, а третьей. Эта реформа, осуществляемая только правительством, — Дума к ней не имела никакого отношения — была совершенно правильной по своему принципу, нужно признать это, но у правительства не было достаточно времени для преобразования русской деревни, по-прежнему охваченной волнениями.

Результаты этой реформы трудно определить, ибо из-за войны 1914-18 г.г. невозможно сейчас проверить правильность статистических данных. Около 40 процентов

крестьян — в лучшем определении — получили земельные наделы в частную собственность, но большинство из них всё ещё оставались в общинной системе. Лишь от 10 до 15 процентов крестьян получили хутора — это выделение в хутора и представляло решающий этап реформы, поскольку оно превращало крестьянина в подлинного мелкого собственника. Таким образом, эту консервативную и совершенно правильную реформу Столыпин осуществляет один, Дума лишь выражает свое согласие с ней, и то довольно поздно.

Вторая важная особенностью деятельности Столыпина касается его знаменитой атаки в июне 1907 года против Думы с её претензиями. Столыпин попросту распускает Думу и видоизменяет закон общего избирательного права с целью усиления благоприятного положения консервативных элементов.

В подобной ситуации, думаю, такая политика была единственно возможной, с консервативной точки зрения. Консервативное правительство, предпринимавшее разумные реформы, не могло работать с Думой, в которой верховодили кадеты, тем более, что в этой же Думе имелись и революционные элементы, соглашавшиеся только на конституционную ассамблею.

Таким образом, после 1907 года в России существует парламент или ассамблея прусского образца, управляемая консервативными элементами и способная работать совместно с самодержавием, которое остается относительно открытым.

Ошибки Столыпина.

Столыпин также совершил целый ряд ошибок. Можно сказать, что они заключались частично в плохом проведении или не осуществлении реформ. Именно незавершенность его действий подточила его разумную консервативную политику.

1. Если Столыпин хорошо понимал крестьянский во-

прос и подлинное желание крестьян (стать землевладельцами, а не социалистами), он, напротив, совсем не понял ни рабочих, ни рабочее движение и практически ничего не сделал, чтобы обезвредить рабочую бомбу. (По правде говоря, когда наступила война, оказалось, что крестьянская бомба также не обезврежена, и реформа не успела еще преобразить деревню). Столыпин ничего не сделал для рабочих, тогда как **разумная консервативная политика, как это было ясно на примере Пруссии, совмещает одновременно политику репрессий против революционных партий с осуществлением социальных реформ в пользу рабочих.** Правительство допустило существование рабочих профсоюзов, но ни в национальном масштабе, ни в обще-профессиональном плане: были разрешены лишь местные профсоюзы, деятельность которых была ограничена. И даже министерство внутренних дел нарушало законодательство: несмотря на то, что профсоюзы имели совершенно законное существование, они то и дело подвергались преследованию.

Нужно заметить, что социальное законодательство было тогда еще слабо развитым. Столыпин пытается улучшить его, но предпринятые им действия были недостаточны по отношению к тем проблемам, которые вставали перед правительством. Законы фактически не применяются, рабочие не испытывают к ним никакого доверия, считая, что монархия безо всякого колебания может применить против рабочих вооруженную силу.

Следует также подчеркнуть другой важный факт: при Столыпине, в 1906 — 1907 г.г. совершается второй период интенсивного индустриального развития. Число рабочих фактически удваивается. Правительство растеряно и не может справиться ни с рабочими, ни с профсоюзами. В это же время совершается настоящий исход более или менее революционно настроенных крестьян из деревни в город. Все показатели свидетельствуют о том, что **с 1912 года рабочий класс радикализуется:** он больше не следует за кадетами, как это было в 1905 году, но всё чаще и чаще оборачивается к меньшевикам, большевикам и эсерам. Это было совершенно очевидное явление и тем не менее Столыпин и, главным образом, его преемники (Ко-

ковцев и другие) оставались почти равнодушны к тем размерам, которые приобретал этот вопрос.

2. Можно серьезным образом подвергнуть критике политику Столыпина. Ему не удалось стать настоящим и успешным министром-консерватором. Для осуществления здоровой консервативной политики в послереволюционной ситуации, какая была в то время в России, следовало бы, по крайней мере, с уважением относиться к этому небольшому дарованному парламенту. А этого-то Столыпин и не сделал. Мы уже видели, что аграрная реформа была делом рук Столыпина и монархии, а Дума лишь впоследствии одобрила её. Этот факт отмечался такими людьми, как Гучков (председатель Думы), которые, в сущности, хотели сотрудничать с монархией. Эта возможность не была использована.

Еще более серьезным было осложнение в 1911 году, когда Столыпин решает ввести земство в западные провинции, с очевидным антипольским намерением. Соответствующий закон был принят Думой, но более консервативный Государственный совет не утвердил его. Именно в этот момент Столыпин совершает две ошибки: он требует, чтобы император на несколько дней приостановил работу Думы и Государственного совета для утверждения этого закона о земствах. С другой стороны, он требует, чтобы царь в письменном виде предоставил обещание не изменять этого решения. Таким образом, работа Думы была приостановлена, закон о земствах введен в действие (статья 87). Но в результате этого даже такие либеральные консерваторы, как Гучков, первоначально благосклонные к проекту закона, были оскорблены очевидным нарушением конституции. Царь же, как кажется, был оскорблен тем, что его премьер-министр осмелился обратиться с подобным требованием.

Это осложнение привело к отставке Гучкова, к потере доверия со стороны консервативных либералов к самодержавию и к премьер-министру одновременно, а также и к тому, что царь потерял доверие к Столыпину.

Все эти факты показывают, до какой степени режим оказывался неспособным к упорному осуществлению

умеренной консервативной политики. Даже «мини-Бисмарк», Столыпин, был неспособен последовательно играть собственную роль. Монархия имела все основания думать, что даже умеренная консервативная политика — неприемлима. Впрочем, начиная с 1905 года, Николай II считал, что даже ограниченная, на прусский лад, конституция, не может быть приемлимой, и его решимость рано или поздно отделаться от Столыпина только усилилась.

Все это позволяет нам глубже понять, что именно происходит в этот конституционный период русской империи. Для того, чтобы прусский вариант мог осуществиться, необходим премьер-министр умеренно-консервативный, способный сыграть свою роль до конца. Необходимо также, чтобы монарх был согласен с этой политикой. Но Николай II никогда не примирился с учреждениями, последовавшими в результате Октябрьского манифеста. Он уволил Витте, который, в целом, был более способным премьер-министром, чем Столыпин. После серьезных осложнений в 1911 году Николай II решился обойтись без влиятельного премьер-министра. Столыпин был вскоре убит, и мы до сих пор не знаем, стал ли он жертвой революционных элементов или реакционеров министерства внутренних дел. Однако без влиятельного премьер-министра предреволюционная ситуация не может быть решена по прусскому образцу.

Министерство Коковцева.

После Столыпина Николай II назначает на пост премьер-министра Коковцева, который оказывается в своей деятельности настоящим министром-консерватором, по крайней мере, столь же приемлемым, как и Столыпин. Однако у него нет ни силы предыдущего, и в особенности, никакой программы. Как только второй французский заём был заключен, государь, будучи на пять лет избавлен от финансовых трудностей, отделяется и от Коковцева, который был последним премьер-министром, действительно способным к управлению. Затем на этот пост назначается Горемыкин, за ним — ряд других деятелей.

Общий итог накануне 1914 года.

Какой же можно подвести итог ситуации, предшествующей 1914 году? Отметим прежде всего два факта:

1. Период 1905-1914 г.г. оказывается периодом поражения либерального разрешения кризиса. Борьба за созыв ассамблеи, которая является первой стадией любой крупной европейской революции, была выиграна и в Англии, и во Франции с первых же месяцев: власть монархии была сломлена, революция разразилась. Но в России фактически это либеральное разрешение отсутствовало, если не касаться весьма двусмысленной попытки либералов в октябре 1905 г.; двусмысленность этой ситуации прогрессивно возрастает отнюдь не в пользу либералов. Вопреки тому, что пишут либеральные историки, мы не видим действительного установления представительных учреждений в России. Гораздо очевиднее провал либеральной политики. Это поражение, впрочем, можно было предвидеть уже в 1905 году, поскольку либералам не удалось сломить власть монархии. Единственное средство либералов заключалось в применении вооруженной силы; но по причине создавшейся ситуации у либералов не оказалось никакой возможности создать ассамблею.

2. Параллельно провалу либеральной политики, отчетливо виден провал и политики разрешения **создавшейся ситуации по прусскому образцу, как ни парадоксально это звучит**, то есть политики умеренного и предприимчивого консерватизма. В послереволюционной ситуации для спасения существующего режима консерваторы — если они хотят сохранить власть в своих руках — должны доказать, что они способны к конструктивной политике. Если же консерваторы заранее настроены против малейшего изменения, рано или поздно они непременно проигрывают. Действительно, для спасения старого строя необходимо его приспособить к новым условиям.

Мы видим, что в России эта консервативная политика по прусскому образцу потерпела поражение: Витте намечает умеренно-консервативный политический курс, но его вскоре отстраняют. Столыпин продолжает эту политику, но закончить её ему не удается: его деятельность обрыва-

ется. Сверх того, следует отметить, что с 1912 года самодержавие будет пользоваться любым поводом, чтобы отобрать дарованную в 1905 году конституцию. Значит, перед нами возникает единственная в своем роде ситуация в процессе развития великих европейских революций: **нет ни либерального разрешения, характеризующегося победой ассамблеи, ни умеренно-консервативного разрешения (по прусскому образцу)**. Положение оказывается блокированным.

Что же можно было ожидать после 1912 года?

Таким образом, остаются теперь лишь радикальные решения, поскольку после 1912 года либеральное разрешение оказывается несостоятельным. Во всем последующем кризисе либералы не смогли играть первую роль. Каковы были этому причины?

1. Даже когда либеральная политика оказывается успешной, то есть когда ассамблея выходит победительницей монархии, либералы всё равно не остаются у власти. Так было в Англии в XVII веке, так было во Франции в XVIII в. Для того чтобы сломить власть монархии, либералы прибегают к насилию; рано или поздно это насилие оборачивается против них, со стороны более радикально настроенных групп. В случаях французской или английской революций ассамблея была ликвидирована своего рода диктатором, «сильной личностью». Даже когда в первой стадии развития великой европейской революции борьба либералов за власть развивается успешно, ассамблея все равно не успевает вкорениться, потому что средства, которые используют либералы для захвата власти, развязывают такую анархию, что только человек с диктаторскими замашками, «сильная личность» может с ней справиться. Тем не менее само возникновение ассамблеи как бы устанавливает свою окончательную законность, и после падения «сильной личности» действующие силы обращаются к режиму суверенной ассамблеи. Разумеется, такой процесс может длиться довольно долго.

Но в России либералам не удалось осуществить их по-

литику, ассамблея не была достаточно вкоренена и ей не удалось создать понимание ассамблеи как необратимой законности, к которой следовало бы вернуться. Как только период «сильной личности» был бы пройден. Таким образом, отсутствие прочного влияния либералов исключало возможность возрождения законной ассамблеи.

2. Хотя либералам не удалось осуществить своей программы, они все же были у власти, в действительности ею не обладая. Они оставались на виду достаточно долго, чтобы дискредитировать себя, но недостаточно долго, чтобы вкоренить в массовое сознание идею суверенной ассамблеи как синоним новой национальной законности.

Крестьяне и многие рабочие голосовали за либералов в Первой государственной думе потому, что в то время (1905, 1906, 1907 г.г.) либералы представляли очевидней, чем кто-либо, основные требования низших социальных классов, то есть реформу, которая была бы предпринята конституционной ассамблеей. В сущности в течение двух лет, у либералов была огромная власть, но первые две Думы не сделали ровным счетом ничего, так что в период нового социального брожения ни крестьяне, ни рабочие уже не следуют за либералами. Либеральное разрешение возникшего положения уже задолго до 1917 года оказалось негодным.

Кризис 1917 года в России не мог уже воспроизвести схему классической европейской революции, ибо первый период её свершился и был грубо прерван. Это подтверждается тем обстоятельством, что когда социальная лихорадка возобновляется в 1912 году, рабочие и крестьяне следуют не за либералами, а за революционными партиями.

К тому же, начиная с 1912 года, точнее с созыва Четвертой думы и в течение всех военных лет, либералы начинают опасаться народных масс. В 1905 — 1906 г.г. они, не задумываясь, зывали к городской или крестьянской толпе («Выборгский манифест» — пример такого воззвания к народу с призывом к незаконным действиям против правительства). Но в продолжение 1912 — 1914 г.г. либералы уже не смеют обращаться к уличной толпе, чувствуя, что они не в состоянии руководить ею.

Если бы не было войны 1914 года и вместо неё последовал новый социальный и революционный кризис, то, вероятно, левые силы имели бы гораздо большее значение как раз по причине этого ослабления либералов. Но из этого никак не следует, что если бы либералы не принимали участия во втором революционном кризисе, то крайне левые силы победили бы. Гораздо вероятней предположить, что если бы новый социальный взрыв произошел в мирное время, то вероятно, крайне левые силы заняли бы в нем основное место, но своими действиями вызвали бы такой страх у населения, что это способствовало бы возникновению ответной авторитарной реакции, в сторону монархии.

В результате второго революционного кризиса, после неудачи и либералов, и консервативного разрешения по прусскому образцу, могла возникнуть и другая возможность: появление авторитарного режима, на сей раз не монархического, но военного типа. Во всяком случае, это двойное поражение является единственным в истории великих европейских революций и оставляет возможность лишь для радикальных разрешений кризиса. Не будь войны, вероятно, сперва бы произошло выдвижение крайне левых сил, затем бы установился авторитарный националистский режим нелегитимистского характера.

В 1914 г. монархия изо всех сил старается уничтожить конституцию 1905 года, и поэтому остается все более и более изолированной. Рабочий класс лихорадит всё сильнее и сильнее. Возможно ли было появление красной республики в Петербурге или Москве? Может статься, но появление такой республики живо вызвало бы военную реакцию, краткую гражданскую войну, конфискацию земель крестьянами, затем взятие их назад, сопротивление и победу военных с установлением авторитарного и правого социального порядка. Вот таким бы самым вероятным был вариант второго революционного кризиса в мирное время. К тому же Германия, безусловно, не осталась бы равнодушной и наверняка помогла бы авторитарному режиму навести порядок в стране.

Резюмируя положение, можно сказать, что общественное движение в России с 1904 по 1914 г. развивается по образцу великой европейской революции, но приходит к странному результату: терпят поражение две творческие возможности, то есть, с одной стороны либеральный вариант, и с другой — консервативный, по прусскому образцу. Россия снова оказывается в пустоте.

Между тем начинается война, которая толкает Николая II к его давней негативной политике. Действительно, во время Первой мировой войны царь избавляется от Думы, под предлогом чрезвычайного правления в самом чистом его виде. Во всех странах, находящихся в состоянии войны, можно проследить увеличение исполнительной власти по отношению к законодательной, но ни в одной стране, кроме, быть может, Германии, дело не заходит так далеко, как в России. То, что произошло в России, фактически является политическим переворотом, — когда монархия уничтожает Думу. Николай II правит почти один, без Думы, опираясь на ложную народность, символом которой является Распутин, и благодаря войне пытается полностью восстановить самодержавие. Но у этой монархии нет ни финансовых средств, ни экономических возможностей, ни бюрократии для управления страной. Попытка Николая II заранее была обречена на успех.

В то же время этот политический переворот монархии, произведенный ею во время войны, вызывает у думских либералов **сдержанный** протест против неё, в особенности у либералов-прогрессистов, которые в течение 1915-16 г.г. требуют создания ответственного правительства. Но когда речь заходит о действиях, либералы оказываются парализованными. Милюков об этом очень ясно говорит: либералы были парализованы, потому что Дума боялась толпы, потому что Россия находилась в состоянии войны, которая к тому же развивалась неудачно для России, и если бы либеральная оппозиция попыталась бы прибегнуть к силе в борьбе против монархии, она была бы сметена.

Вот почему монархия упорно продолжает всё забирать в свои руки, не обладая при этом реальной способностью,

то есть все больше и больше заводя страну в тупик. И либералы, ослабленные в своей позиции отчасти из-за войны, отчасти из-за тех перипетий, в которых им пришлось участвовать между 1905 и 1912 г.г., опасаются прибегать к действиям.

Когда в феврале 1917 года разражается второй революционный кризис, монархия исчезает, потому что она больше не способна к управлению, но наиболее действенная часть либеральной оппозиции не готова к тому, чтобы заменить ее. Тупик, в котором Россия уже оказалась в 1914 году, повторяется в 1917, но на этот раз положение оказывается более драматическим из-за войны и экономического беспорядка, так же как из-за дезорганизации общества, вызванной войной.

Таким образом, можно заключить, что поскольку первый революционный кризис привел Россию в тупик в 1914 году, страна была обречена на гораздо более радикальное развитие событий, чем остальные европейские революции. Из-за распада общества, вызванного войной, в 1917 году возможные разрешения революционной ситуации становятся бесконечно более мрачными, пессимистическими, радикальными. Когда в семнадцатом году монархия исчезает, у либералов, выигравших в 1905 году, нет никакой надежды на установления демократического и конституционного режима. Кадеты заранее проиграли это сражение. Основные события будут разыграны силами куда более радикальными.

От войны к революции 1914-1917 г.г.

1. Кризис 1914 года и его значение

Положение России в 1914 году по-разному рассматривается представителями двух исторических школ. Схематично это можно представить следующим образом: историки, тяготеющие к марксистской школе, ставят акцент на неизбежном, даже фатальном характере революционного процесса, в то время как историки либеральных направлений подчеркивают исключительно отрицательное значение войны и рассматривают её как причину революции. Таковы, в основном, две концепции, которые нам надлежит представить, подвергнуть критике и взамен их предложить третью.

Марксистское толкование, или революционный детерминизм.

В исследованиях более или менее марксистского направления 1914 год обычно представляется «предреволюционным периодом». Авторы стараются показать, что в 1912-1914 г.г. конституциональный эксперимент в России не удался, поднялся новый революционный ураган, на

сей раз пролетарский, который всё смел для строительства нового рабочего и социалистического режима.

Нужно признать, что в целом это толкование, которое основано на ситуации летних месяцев в России в 1914 г., совершенно недостаточно. Так, например, Хэмсон¹ — представляющий наиболее разработанную концепцию в этом направлении — довольно убедительно отстаивает ряд таких положений, но, тем не менее, не доказывающих существование революционного или предреволюционного положения. Хэмсон указывает прежде всего на постепенно усиливавшуюся радикализацию рабочего класса столицы и других крупных городов. Помимо того, он показывает, что партии большевиков удастся использовать эту радикализацию масс, хотя она не управляет ими в полном смысле слова. Он также показывает, весьма убедительно, что рабочие потеряли веру в монархию (тогда как в 1905 — 1907 г.г. эта вера еще существовала). Для них монархия — нечто устаревшее, отжившее, и с нею нужно покончить. Что же касается кадетов — этой так называемой буржуазной партии, — то рабочие им больше не доверяют, как не верят и вообще в либеральное, парламентарное разрешение кризиса.

Хэмсон также наглядно показывает, что и кадеты не испытывают больше доверия к монархии; они также не надеются на реформу государственной системы. Именно в 1914 году кадеты пришли к выводу, что монархия обречена, от неё больше нечего ждать. Но на будущее России они смотрели в высшей степени пессимистично; это будущее представлялось им тупиком: с одной стороны, монархическое государство, не способное ни к каким реформам, даже преграждающее им дорогу и бросающее страну в объятия безответственной кучки революционеров; и с другой, в этой ситуации не было ни влияния на народные массы, ни возможности лавирования. Кадеты теряют последнюю надежду, они скованы всевозрастающей нерешительностью.

В итоге Хэмсон утверждает, что волна стачек, которые

1. L. Haimson. "Problems of social solidarity in urban Russia 1905-1911." *Slavic Review*, March 1965.

длились шесть месяцев, накануне объявления войны, достигает такого размаха, который характерен для предреволюционного положения, и этот размах реально угрожал всей стране.

Все эти факты очевидны, но они никак не доказывают, что тогда существовала возможность неизбежной революции. В своем исследовании Хэмсону удастся доказать, что в 1914 году в России было сильное «красное» брожение, но оно исходило от меньшинства — рабочие Петрограда, Москвы и двух-трех других крупных городов — и это брожение почти не контролировалось партией большевиков. Несмотря на многочисленные данные, которые Хэмсон приводит в своем труде, о тесных взаимоотношениях между стачечниками и партией большевиков, совершенно очевидно, что эта партия еще очень малочисленна, совсем не организована (к этому партия большевиков придет лишь в 1918 году) и возможность её действия ограничена. Вот почему можно говорить, что в августе 1914 года была скорее возможность красного взрыва, исходящего от меньшинства, каким в то время была партия большевиков, еще не осуществившая ленинский идеал партии.

Из всего этого можно вывести следующее: весьма сомнительно, чтобы эта небольшая кучка могла взять власть. Бесполезно предаваться размышлениям, что случилось бы, если бы в 1914 году последовал красный взрыв. И Хэмсон в своей книге весьма далек от того, чтобы доказывать возможность создания ленинского государства в России в 1914 году. Резюмируя, можно сказать, что в 1914 году имелась налицо возможность красного взрыва, но в то же время возможность рождения государства ленинского типа мне кажется весьма сомнительной.

В то же время следует отметить, что эти рабочие волнения в некотором отношении были недостаточными и неглубокими, потому что последовавший за объявлением войны национальный подъем полностью остановил их, прежде чем правительству пришлось прибегнуть к репрессивным мерам. Из этого можно вывести, что рабочие

волнения не были столь сильными и революционными, как настаивает Хэмсон, поскольку эти волнения сразу же прекратились, как только родина оказалась в опасности. Кстати, подобное происходило в то время и в Англии, и во Франции, и в Германии.

Царская власть быстро ликвидирует эти мощные революционные партии (как их называет Хэмсон). Поскольку большевики заняли пораженческую позицию, они объявлены вне закона и подверглись преследованию. Меньшевики и эсеры полулегально продолжают свою деятельность, но все эти три рабочие партии, действовавшие организованно на политической русской сцене, исчезают, уничтоженные царским режимом. Напрашивается вывод, что проникновение этих партий в народные массы куда слабее, чем это кажется Хэмсону.

Каково же было подлинное положение в 1914 году? Рабочие волнения с налетом социалистических идей, достаточно непрочным, как часто случается с подобными явлениями в период исторических пертурбаций (Июньские дни или Парижская коммуна, к примеру); эти рабочие волнения недолгий срок были интенсивными, но оказались не способными к долгому существованию. Быстрота, с которой патриотический порыв и репрессивные действия правительства положили конец этим волнениям, указывает, что перед нами — одно из тех явлений, неустойчивое и бурное, которые мы часто видим в истории рабочего движения в Европе. Но эти волнения не обязательно являются предвестниками неизбежной и закономерной революции, как думает Хэмсон, а попросту движением, порожденным социальными и экономическими структурами времени. Смотря по различным внутренним обстоятельствам, эти волнения могли вызвать — но, впрочем, могли и не вызвать — социальный взрыв. В 1914 году для подобного взрыва обстоятельства были неблагоприятными, они даже надолго устранили возможность такого взрыва. Следовательно, можно заключить, что эта соблазнительная попытка Хэмсона объяснить происхождение русской революции через анализ 1914 года приводит хоть и к интересным, но весьма скромным результатам.

Либеральное толкование, или определяющая роль войны.

Враждебное марксистскому либеральное толкование, напротив, уделяет значительнейшую роль мировой войне. В этом толковании содержится гораздо более убедительное объяснение происхождения революции. Для примера назовём труд Леонарда Шапиро².

Каковы наиболее характерные особенности разрушительного воздействия мировой войны? Они общеизвестны, мне остается лишь бегло напомнить о них.

1. Политика монархии во время войны. Монархия использует войну для нанесения окончательного удара конституционному строю, прикрываясь патриотизмом и чрезвычайным положением.

Это явление характерно для всех стран во время войны — исполнительная власть всегда значительно усиливается. Нечто подобное мы видим во Франции во времена Клемансо, правительство которого действовало почти автократическим образом. В Германии Людендорф доводит власть почти до диктатуры. Повсюду в этих странах в те времена парламентский режим сведен к минимуму, поскольку для ведения войны нужно обеспечить национальную мобилизацию и соблюдение государственных тайн. Но в России это положение зашло гораздо дальше.

Чтобы оттенить все своеобразие тогдашней ситуации в России, её можно сравнить с наиболее крайним примером — с диктатурой Людендорфа в Германии. Эта диктатура была связана прямым образом с требованиями экономического и военного порядка. Но у Людендорфа нет и в помине опасения, что в сложившейся ситуации может произойти перемена существующих политических структур, в то время как русское правительство рассчитывает на отмену думского режима. Николай II никаким образом не хочет обращаться к Думе по поводу военных дел: ни на минуту не ослабевает война между Думой, земгором, комитетами, организующими помощь военной промышленности с одной стороны, и царским режимом — с

2. Л. Шапиро. «Коммунистическая партия Советского Союза». Флоренция 1975.

другой. Смысл этой борьбы заключался в том, что каждая сторона старалась единолично обеспечить ведение войны. Мы не видим той гармонии, которая существовала в Германии, когда экономические усилия общества сливались с усилиями военного характера, предпринятыми правительством. Напротив, мы видим постоянный конфликт, вызванный тем, что царь хочет лишить общество всякого участия в ведении войны.

2. Факт исключительной важности заключался в том, что царь сам взял в свои руки верховное командование армии в период национального поражения — период, особенно опасный для престижа монархии. В 1812 году правительство не позволило это сделать Александру I, поскольку победа Наполеона скомпрометировала бы монархию. В 1915 году следовало бы придерживаться той же тактики, в особенности когда царь сам выехал на фронт. Эту неосторожность можно объяснить лишь монархически-народнической утопией, которой придерживалось правительство, верившее в победный исход войны под руководством «царя-батюшки, с его мужичками», национальной войны против общества, с его западным образом жизни, предательского общества, против европейских либералов и евреев. Последние даже образовали прогрессивный блок в правительстве, в Думе и обществе, которое окольным путем, действуя через комитеты военной помощи, старалось принять участие в ведении войны. Таким образом, вместо того, чтобы объединить правительство и общество для успешного ведения войны, царь решительно противится любому участию общества и обращается к старинной утопии — православная монархия, опираясь на крестьянство, спасет родину, которая находится в опасности. Все это свидетельствует о намерении царя нанести решительный удар конституции 1905 — 1906 г.г.

Первым последствием войны и была эта бессмысленная, самоубийственная политика монархии. Вторым последствием войны был полный паралич либералов, паралич, который в ту эпоху был менее очевиден, чем с течением времени, поскольку тогда прогрессивный блок шумел всюду, и в глазах общества, так же как и царского

режима, казался силой, способной заменить существующую власть.

Развитие кризиса в 1915-1916 г.г.

Действительно, когда видишь, что же политически осуществил этот прогрессивный блок в 1915 — 1916 г.г., то приходишь к выводу, что он занимался лишь чисто словесными нападками на императорский режим — нападками, лишенными всякого действия. Наиболее знаменитая из них — яростное выступление Милюкова в ноябре 1916 года — так же не имела никакого последствия. И Милюков дает этому следующее объяснение: члены прогрессивного блока опасались, что попытка учредить ответственный режим в стране, то есть Думу, путем государственного переворота или даже дворцового заговора, может привести к стихийному взрыву уличных масс. Именно этот **страх улицы** в течение 1915 — 1916 г.г. парализовал прогрессивный блок всякий раз, когда он предпринимал попытки приостановить движение всей страны к катастрофе. Этот паралич развивался с самого начала войны и представлял глубокий контраст с крайне активной политикой кадетов в 1905 — 1906 г.г. Прогрессисты оказались неспособными к проявлению инициативы, подобной той, которая привела к созданию «Выборгского манифеста».

Таким образом, можно сказать, что уже в ноябре 1916 года кризис старого режима становится весьма глубоким, задолго до того, как в действие включились массы (в феврале 1917 г.), когда две основные силы — монархия и либералы — полностью проиграли. Монархия не способна более ни к управлению, ни к ведению войны, последняя проблема была для правительства тогда основной. Либералы, поддерживаемые консерваторами, оказались неспособны произвести небольшой государственный переворот и взять власть в свои руки. И монархия, и либеральная оппозиция проиграли это сражение, и оказались неспособными управлять страной, в которой в 1917 году, в феврале, образовалась политическая пустота, в

которой не предвиделось никакого разрешения. В некотором отношении повторилась ситуация 1914 года, но усложненная трехлетней экономической и социальной дезорганизацией, вызванной войной. Всё это хорошо известно, но необходимо подчеркнуть тот факт, что еще до февраля 1917 г. два основных элемента — экономическая организация и социальный строй — были уже несостоятельны.

Необходимо также подчеркнуть, что императорский режим не располагал никаким планом экономической мобилизации, в противоположность другим правительствам (немецкому, английскому и французскому), и правительственная бюрократия — также в противоположность западным правительствам — оказалась неспособной принять в нужную минуту срочные меры. Вот почему уже с 1915 года положение экономики оказывается в столь плачевном состоянии, что рано или поздно был неизбежен полный крах.

Можно сказать, что если в 1914 — 1915 г.г. правительство не смогло удовлетворить потребности военного снабжения, то в 1916 году, с помощью земгора, комитетов помощи по военному снабжению, ему — правительству — удастся разрешить эти вопросы, но ценой серьезного ухудшения общего социального и экономического положения.

Когда началась война, покупательная способность крестьянства увеличилась весьма значительно, поскольку крестьяне продавали на внутреннем рынке свою продукцию по довольно высоким ценам. Но очень скоро товары общего потребления исчезли, потому что индустриальная промышленность в основном занялась производством для военных нужд. В 1915 году мы можем наблюдать явление, напоминающее забастовку: крестьяне намеренно меньше засевают и, следовательно, меньше продают, поскольку существовавшие цены им становятся невыгодны. Именно это породило продовольственный кризис, который, в свою очередь, породил известные февральские события 1917 года.

Кроме того, по ряду причин, нормальное функционирование индустрии было полностью дезорганизовано:

1. **Экономическая блокада:** вступление Турции в войну, закрытие Дарданелл, а также границ с Германией и Австрией, предпринятое в самом начале войны, полностью — или почти — отрезают Россию от мирового рынка. С момента индустриализации Россия была вынуждена следовать автаркии, но её промышленность не могла ответить на все возникавшие нужды страны. Из-за войны больше не было различного оборудования, запасных частей, инструментов, которые Россия вывозила из Германии или других стран Европы. Производство товаров широкого потребления было почти полностью прекращено. Большая часть товаров ширпотреба, которые раскупались народом, прибывала как раз из Германии. Таким образом, Россия лишалась серьезного источника, стимулирующего экономическое развитие.

2. Необходимость сконцентрировать все усилия на военном производстве лишь еще более расстроила внутренних рынок, ибо эта концентрация осуществлялась неорганизованно и нерационально. Вот почему этот недостаточный **экономический контроль** в процессе мобилизации производства военного характера лишил крестьян необходимой заинтересованности, сведя внутренний товарообмен практически к нулю. То же самое было и у рабочих. Все это привело к инфляции, которая особенно сильна была в феврале 1917 года.

И, наконец, важно подчеркнуть экономический и социальный распад страны. Промышленность занималась в основном производством для военных целей, средства транспорта были использованы для военных нужд; всё это привело к упадку собственно гражданскую экономику, и царское правительство, отчасти по политическим причинам, отчасти из-за собственной неспособности, не приняло никаких мер по борьбе с инфляцией, не определило твердых цен и устойчивой заработной платы, не издало никаких декретов по распределению продовольственных товаров. Таким образом, возникла ситуация, которая никем не контролировалась, ситуация, в которой особенно страдали низшие слои общества. Такое положение, каким оно тогда было в России, было Европе неизвестным. Россия оказалась неспособной к «экономическому

прыжку» в XIX веке, поскольку она не была еще индустриальным обществом. Кроме того, архаический самодержавный режим был неспособен найти разрешение, которое позволило бы управлять страной.

Социальное и экономическое положение, все более и более неуправляемое, усталость, вызванная войной, которая уже чувствовалась во всех европейских странах, против которой умирающий режим не может ничего сделать, — всё это стало непосредственным источником этого красного февральского взрыва в Санкт-Петербурге в 1917 году. В течение февральских дней, когда армия отказывается стрелять в толпу, монархия практически исчезает. Всё определилось войной: и те условия, в которых императорский режим перестает существовать, и общая ситуация, в которой временное правительство берет власть в свои руки.

2. Революционный процесс 1917 года

Мы определили действительное положение России во время войны. Теперь нам остается проанализировать наиболее важные моменты и характерные особенности собственно самой революции.

Характерные особенности революционного процесса и его развитие.

Революционный процесс 1917 года протекал крайне быстро: все разыгралось в течение всего лишь восьми месяцев. Этот процесс по-прежнему является совершенно европейским: сам тип кризиса, его участники, лозунги. Этот быстрый и по существу европейский процесс очень похож на тот, который развернулся во Франции в 1848 году — если бы он закончился победой июньских сил.

Структура этого процесса не является структурой вели-

кой революции, но скорее движением монархии к более либеральному режиму. Или можно сказать, что перед нами — быстро осуществившаяся пролетарская революция; нечто вроде Коммуны, если бы она победила. Короче говоря, в 1917 году происходит непрерывное искривление, внезапно прекращенное, которое переносит страну из абсолютной монархии к большевизму. Мы видим крайне быстрый переход к другому социальному и государственному положению, переход, который совершился просто, жестко, в особенности когда мы сравниваем этот переход с великими европейскими революциями.

Таким образом, в этих событиях мы видим непрерывное искривление и притом почти исключительно политическое. Нельзя сказать, что в 1917 году произошла социальная революция, она придет позже. В 1917 году перемена в стране является более политической, чем социальной, и эта перемена определяется в основном войной. Все кризисы и битвы 1917 года вращаются вокруг войны, и все реформы и внутренние перемены также связаны прежде всего с войной.

Это непрерывное искривление отнюдь не было пережито всей страной, совсем нет. Оно было характерно для политических кругов обеих столиц и нескольких крупных городов. Это великое потрясение затронуло на деле довольно малый мир.

Какова структура положения этих восьми месяцев крайне быстрого искривления? Первое: либералы смогли продержаться лишь два месяца. Это не так уж долго, и во всяком случае несравнимо ни с французским «лафайетизмом» 1789-1790 г.г., ни с английскими парламентариями 1641 — 1642 г.г. Деятельность либералов длится лишь два месяца. Первое временное правительство целиком состояло из кадетов-октябристов. Этот двусмысленный социалист, Керенский, остается единственным представителем левых сил. Самым основным вопросом остается вопрос ведения войны. В такой ситуации октябристы полностью лишаются своей почвы, остаются лишь кадеты. Они занимают следующую позицию: необходимо создание конституционной монархии. Но очень быстро, под угрозой городской толпы, они вынуждены отказаться от идеи

конституционной монархии и создают думское Временное правительство, которое еще не является республиканским, но уже отнюдь не монархическое. В той позиции, которую они заняли, безусловно положительным элементом для России была возможность демократии. Необходимо создание учредительной ассамблеи или, по крайней мере, иметь возможность создания таковой, рано или поздно. Но, к несчастью, эта ассамблея еще не существует, и в её ожидании Россия располагает всеми мыслимыми свободами, даже в большей степени, чем в любой западной демократической стране до войны. Для кадетов России открывается новый путь в состоянии мира и общей законности. По их мнению, революция завершена и ничего не следует предпринимать для её углубления; теперь прежде всего необходимо защищать и русскую нацию, и русскую революцию. Либералы настроены враждебно по отношению к немецкой автократии, которая положит предел русской революции, если выиграет войну. Поэтому они призывали к социальной и политической передышке для окончательной победы над Германией.

Либералы наивно верили — как впоследствии и Керенский, — что весть о России демократической воодушевит русскую армию, подобно тому, как была воодушевлена французская армия в 1793 году при известии о создании республики. Либералы считали, что теперь они в состоянии победить немцев, положить конец войне, обеспечить победу союзников, и тем самым провозглашенный мир усилил бы национальное положение России.

Но всё это оказалось не под силу Временному правительству по той причине, что структура армии была подточена «Приказом № 1» со всеми вытекавшими последствиями. Мы не знаем, кто составил этот «Приказ № 1», но исходил он от советов. Важно то, что он отражает анархические настроения, царившие среди солдат. Во всяком случае, эти настроения несовместимы ни с какой армией, пусть даже в этом приказе, без всякого сомнения, содержится некоторая патриотическая риторика, которой вдохновлялся какой-нибудь эсеровский, меньшевистский или другой комиссар, могущий и не выражать подлинные настроения солдат перед петербургским советом.

Трудно себе представить, что в 1917 году значительный патриотический подъем овладел русской армией — её разложение наступило слишком быстро. 15 марта представители армии и Временного правительства заявили советам, что «Приказ № 1» не является жизнеспособным и его следует несколько видоизменить. Петроградский совет ответил, что он не может вновь навязать недемократический режим армии, что это немыслимо. Петроградский совет составил Декларацию прав солдата и гражданина, которая во многом повторяла «Приказ № 1». Но всеобщее анархическое положение не было создано этим «Приказом № 1», оно явилось результатом падения существовавшей власти. Солдаты знали, что в стране больше нет хозяина, и они действовали как им вздумается. Декларация прав солдата и гражданина слишком слабо притормозила анархическое влияние «Приказа № 1».

Начиная с февраля русская армия, способная к действию, перестает существовать, потому что армия, управляемая принципом демократических выборов, есть противоречие в терминах. Но утопия о возможной демократической армии родилась в первые же дни революции. То есть с первых же дней революции фактически не было русской армии, и для окончательного её разложения потребовалось лишь некоторое время. Армия распадается в первый же раз, когда Временное правительство пытается использовать её, то есть во время наступления Брусилова в течение лета. От февраля до июля 1917 г. Временное правительство не решается больше использовать военные силы и только поэтому положение кардинально не меняется. Но как только Временное правительство хочет использовать армию, её полная беспомощность проявляется со всей очевидностью. И когда Корнилов пытается, после поражения, навести в армии порядок, эта попытка приводит к окончательному её распаду.

В течение первых двух месяцев кадеты не расставались с иллюзией осуществить патриотическую войну, более плодотворно и успешно, чем раньше, преследуя русские национальные интересы. Но очень скоро утопичность этой кадетской политики обнаружилась во время апрельского кризиса.

Апрельский кризис.

При виде этой чрезмерной демократизации русской армии союзников охватывает тревога. Они начинают сомневаться в боеспособности России и пытаются оказать некоторое давление на Временное правительство. Несмотря на изменение государственного строя и эти излишки демократии, как будто ясно, что Россия будет продолжать войну до конца. Милюков хотел успокоить союзников, потому что намеревался получить свою часть добычи — Константинополь, — и с этой целью он публикует дипломатическую ноту для успокоения союзников.

Когда советы узнают об этой ноте, озаглавленной «Война до победного конца», происходит взрыв: мы, советы, не станем воевать за империалистические интересы, аннексии и контрибуции; мы будем воевать только для того, чтобы оказать давление на правительства стран-союзниц нашего правительства! Мы будем воевать, чтобы оказать давление на немецкий народ, показывая ему наш революционный опыт, с тем, чтобы добиться перемирия! Таковой вообще была программа левых сил, не только в России, но и в Германии и во Франции в продолжение лета 1917 года. Они выдвигали лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций». Они хотели, чтобы Временное правительство осуществляло эту политику, но, разумеется, союзники выражали решительное несогласие с позицией России, главная цель которой свелась бы к такой программе: «Не победа, но перемирие без аннексий».

Милюков, осаждаемый советами и союзниками, публикует Декларацию советов с пояснительной нотой, в которой он пытается вернуть союзникам то, что он уступил, для внутривластных целей, советам. Короче говоря, Милюков ведет двусмысленную политику, которая показывает слабость его положения. Когда советам становится известна пояснительная нота, обращенная к союзникам, происходит второй взрыв, на сей раз более серьезный: впервые после февраля городское население выходит на улицу и требует отставки всех министров-империалистов. Кадеты предпринимают контрнаступление: они также организуют демонстрации, которые кончаются

полным провалом. При малом стечении участников имелись жертвы. Этот провал наглядно показал, что настоящим хозяином положения в Петербурге является не Временное правительство, а Советы. Относительно дальнейшей политики, касающейся ведения войны, Временное правительство не могло идти вразрез с политикой Советов: Временное правительство ничего не могло поделать с всё возраставшей усталостью толпы от войны, — толпы, становившейся все более и более анархичной и еще не сказавшей своё последнее слово. Таким образом, прошедшие события привели либеральный режим к полному краху: в первый же раз, когда либералы попытались осуществить свой собственный политический курс, они были вынуждены, под давлением толпы, отказаться от него.

Значит, можно заключить, что либералы, близкие к кадетским кругам, не имели никакой надежды на победу в 1917 году. Не стоит особенно распространяться об их ошибках. С самого начала они были обречены: прежде всего, они не располагали никакой военной силой, и вторых, апрельский кризис показывает, что, начиная с февраля, в России нет больше правительства, способного к управлению, настоящего правительства, способного к принятию и исполнению решений. В апреле стало ясно, что единственную власть представляет Петроградский совет.

Временное правительство и Советы.

Советы — это явление, представляющее Параллельный орган власти, организованный по принципу самоуправления; подобное явление легко обнаруживается в те периоды, когда старый государственный строй рушится и народ отказывается от существующих структур власти. Это непосредственное самоуправление всех обездоленных, так сказать, ассамблея всего народа — точнее говоря, непосредственная демократия. Нечто подобное мы видим в организациях «независимых» английской революции. Таков же механизм действия парижских секций после 1789 года. Советы — это утопия непосредственной

демократии в её русской форме, в ту эпоху, когда развивается промышленность, и поэтому эту демократию можно отождествить с рабочим классом. Одним словом, это совершенно классическое явление в период распада общества. Но эта утопическая непосредственная демократия, самоуправляющаяся, претендующая быть возрождающимся обществом по отношению к обществу умирающему, которое должно быть целиком и полностью отброшено, не является организмом, способным к управлению.

По поводу Советов следует различать следующее: явление Советов как таковых, возникших спонтанно в среде низших и средних классов, и те изменения, которые к нему прибавили эсеровские или меньшевистские политики. Говоря социологически, все эти съезды, ячейки, выборные советы оказались неспособными к управлению (если под управлением понимать ведение постоянных дел). Советы — это утопический отказ от привычных управляющих структур, и мы встречаем подобное явление всякий раз, когда происходит распад общества.

Одна из причин, по которой русское общество так быстро распалось в 1917 году, связана с этой двойной властью: Временное правительство не может управлять, потому что оно лишено власти: у него нет ни армии, ни поддержки страны; Советы же, по причине непоследовательных действий и даже по самой своей природе были неспособны к управлению. Значит, ничего не могло быть иного, кроме анархии. Когда Ленин говорил: «Вся власть Советам», он вполне искренне верил, что этот организм может вести дела, управлять; но на деле было не так, и в первые восемь месяцев большевистского режима Советы дошли до полнейшей анархии. Вот тогда-то бюрократия Партии замещает Советы и создает правящий слой, для полного захвата власти. Пустота, созданная анархией, развитая системой Советов, позволила большевикам создать Партию.

Вот такая большевистская Партия создается в то время, и в действительности ленинская Партия начинает существовать лишь с лета 1918 года. В 1917 году Партия представляла собой явление еще слишком разнородное,

и у Ленина не было этой налаженной машины, которая будет у всех других коммунистов после 1918 — 1919 г.г. «Творческий период» русской революции заключен во второй половине между 1918 и 1919 г.г. Именно в этот период осуществляется социальная революция. Существеннейшим результатом этой революции будет создание Партии, и это создание начинается в 1918 году. Но в 1917 году у Ленина еще не было этой Партии и он действует слепо, на ощупь.

Попытка либерального преобразования длится два месяца: она заканчивается апрельским кризисом, по причине вопроса, касавшегося войны. Попытка преобразования, предпринятая умеренными социалистами, меньшевиками, демократическими социалистами, также длится два месяца.

После апрельского кризиса кадеты обращаются к социалистам: «У вас в руках Совет, и власть находится в руках этого петербургского Совета. Мы, кадеты, властью не обладаем, и мы не можем больше брать на себя всю ответственность в качестве правительства. Вам, умеренным социалистам, демократам, нужно теперь войти в правительство». Таким образом, кадеты вынуждают колеблющихся социалистов войти во Второе Временное правительство после отставки Милюкова и Гучкова. До сих пор социалисты избегали составлять коалиционное правительство, и еще менее — социалистическое правительство, из страха вызвать контрреволюцию. Но поставленные перед реальностью, — с одной стороны, давлением толпы, и с другой — кадетами, социалисты нехотя входят во Второе Временное правительство. Фактически, начиная с этого момента, управление переходит в руки социалистов (через Керенского).

Керенский, в качестве военного министра, поддерживаемый Советом, хоть и с иными лозунгами, но пытается продолжить политику кадетов. То есть: революция произошла, успех демократии в России полностью гарантирован, следовательно, сейчас не время политическим и социальным реформам. Прежде всего нужно выиграть войну для спасения русской революции от германского империализма и для сохранения доверия союзников, и

оказать затем давление на правительства союзников, заставить их подписать мир без контрибуций и аннексий.

Очевидно, что по ряду причин, незначительно отличавшихся от политики кадетов, Керенский продолжает их политику, но более развивает её в социалистическом или пацифистско-социалистическом плане: необходима народная война для того, чтобы Россия сохранила голос для решения судьбы Европы. Но поражение Керенского еще более разительнее, чем поражение кадетов. Прежде всего — военное поражение: наступление Брусилова, в июне-июле, кончается катастрофой. Русская армия сперва переходит в наступление, затем отступает, и это поражение лишает всякой уверенности в боеспособность русской армии во весь остальной срок действия войны.

Стремление Керенского и умеренных социалистов продолжать войну и временно отложить социальные реформы до окончательной победы играет на руку Ленину, который возвращается в конце апреля в Россию. Он занимает к этому времени довольно простую позицию: он проявляет более отчетливое понимание настроения масс: долой войну, нужно выйти из войны для того, как говорится в то время, чтобы перевести её в международную борьбу классов, но на самом деле Ленин лишь следует за населением, которое устало от войны и желает покончить с ней, не отдавая себе достаточно отчета в возможных последствиях. Итак, долой войну. Вся власть Советам. Изгнать Временное правительство. Будем сами управлять страной. В тот момент Ленин в особенности придает значение Советам. Лишь после июля он возвращается к идее Учредительного собрания, ибо Советы не дали ожидаемого. Он делает ставку на Собрание до того дня, когда дело Корнилова, в его глазах, вновь возвращает могущество Советам. Следует внимательней посмотреть на реальное содержание его программы и его лозунгов.

«Вся власть Советам», «Рабочий контроль над промышленностью» — эти лозунги означают отнюдь не самоуправление в современном смысле этого слова, но совершенно прямой захват власти на заводах. Ленин, как и меньшевики по отношению к Советам, совершает очень изощренное теоретическое различие своего собственного

понимания рабочего контроля от рабочего контроля анархически-профсоюзного типа. Но в действительности настроения рабочих были ближе к анархо-профсоюзному типу: то есть существование Советов в промышленно-экономическом управлении предприятия. Таким образом, тот факт, что Временное правительство, поддерживаемое теперь Советами, продолжает политику кадетов, правда, с иными лозунгами, играет Ленину на руку. В тот момент, следует признать, никто иной как Ленин смог воспользоваться анархическими настроениями, утомлением войной и т. д. И только Ленин обладал этим эмбрионом политической машины, какой впоследствии стала Партия. Если бы он был арестован тогда в Стокгольме, история развивалась бы иначе и для России, и для всего мира.

Июльский взрыв, который совпадает с наступлением Брусилова, показывает, что не Советы, как таковые, обладали действительной властью; эта власть была у неорганизованной уличной массы, которая выражала свою волю через Советы: если бы Совет, как Временное правительство, потерял бы контакт с уличной массой, он одновременно бы лишился и власти. К несчастью для Ленина, он не мог рассчитывать на какой-либо другой город, столь же радикальный в своих действиях, как Петербург. По этой причине он не мог осуществлять свой план до конца; по этой же причине июльские дни закончились поражением. В то время широко было распространено мнение, что «среди левых нет врагов»³.

Следует еще раз вернуться к этому фундаментальному положению, что правительства фактически больше нет, ибо июльские дни показали, что Советы могут управлять лишь в том случае, если выражают все возрастающую анархическую силу уличной толпы. В свою очередь, умеренные социалисты, как возможная правящая сила России, уничтожены. Начиная с июля они так же, как и кадеты, оказались неспособными к управлению страной. Все это означало, что после июля в России не было настоящего правительства. Еще не наступила окончательная анархия, но уже была пустота.

3. Как раз в то время были арестованы Троцкий. Каменев и др., но они не были расстреляны, как правительство могло бы сделать, и как сделало бы любое правительство, уважающее себя, в подобной ситуации.

Керенский, ставший премьер-министром, обладал значительно меньшей властью, чем до июля, и правые круги воспользовались этим для осуществления дела Корнилова. В течение двух месяцев (в июле и августе, в продолжение шести недель) наблюдается подъем правых сил. Но дело Корнилова убедительно показывает, что в России нет правых сил либо правые круги не обладают никакой силой. Значит, эта контрреволюция, которой так опасались меньшевики и эсеры, после февраля фактически не существует. Нет никаких контрреволюционных сил, способных преградить действия Советов, действия настоящего обладателя власти — уличной толпы. Дело Корнилова в 1917 году уничтожает третью возможность — консервативный вариант.

Таким образом, кадеты отстранены от власти в апреле, умеренные социалисты — в июле, в конце августа становится ясно, что правых сил фактически нет. В конце августа повсюду царствует анархия, ибо именно в этот момент происходит окончательное разложение армии.

1917 год, или сомнительная революция

Прежде чем завершить изучение характернейших особенностей революции 1917 года, следует еще раз пересмотреть быстрое и довольно смутное развитие событий этого года. Это изучение должно нам помочь понять, почему события 1917 года не являются ни столь ясными, ни столь отчетливыми, как их обычно представляет официальная историография.

1. Четыре этапа 1917 года

Для обнаружения структуры событий 1917 года, необходимо последовательно представить четыре периода этого года, попутно резюмируя предыдущие события.

1. Первое Временное правительство.

Новый режим кажется очевидным правлением либералов, представителями которых являются Милюков и Гучков. Но это правление более чем иллюзорно.

По мнению либералов, после свержения монархии и когда русский народ получил гарантии демократических свобод, не существует больше никаких внутренних проблем. Поэтому первая национальная задача заключается в том, чтобы покончить с войной, выиграть её, для защиты новой русской демократии, и вдобавок для осуществления национальных целей России на Балканах и в проливе Дарданелл. Таким образом, общий демократический лагерь предполагает вести национальную войну. Эта политика либералов становится еще более уверенной, когда США вступают в войну в апреле того года: налицо с одной стороны весь демократический лагерь союзников, к которым причислена и Россия, и центральные монархические державы — с другой.

Но эта попытка либерального правления длится всего лишь два месяца, что, разумеется, слишком мало. Либералы, действительно, остаются у власти до конца года, но после апрельского кризиса 1917 года они перестают быть основной политической силой.

2. Интермедия умеренного социализма.

После этого периода Временного правительства следуют два месяца умеренно-социалистической гегемонии: Керенский, эсеры, меньшевики, которые пытаются продолжить политику либералов, то есть, прежде всего, продолжать войну. Однако на этот раз цель уже заключалась не в национальной победе классического типа, но в сохранении русской демократии от немецкой автократии. Кроме того, эти умеренные социалисты надеялись, с помощью не только русского оружия, но и морального примера русской революционной армии, оказать воздействие на народы стран-союзниц с тем, чтобы те, в свою очередь, оказали давление на свои правительства и принудили их к принятию перемирия без аннексий. Но моральный ореол русской революции не произвел особого впечатления ни на эти народы, ни на великие державы, еще меньше — на их правительства. Позиция Лондона и Парижа лишь стала еще тверже по отношению к Временному

правительству, что выразилось, например, в том, что в Россию были посланы такие социалисты, как Альбер Томас, убежденные в обоснованности войны. Эта слабость морального влияния русской революции была удвоена военной слабостью: наступление Брусилова в июле окончилось поражением. С этого момента действенная социалистическая политика обрывается.

В течение последующих четырех месяцев правительство Керенского пытается хотя бы сохранить то, что было уже достигнуто. Правительство в некотором смысле переживает самоё себя, у него больше нет политической программы, ни внутренней, ни внешней, потому что после поражения Брусилова оно не обладает никакими средствами воздействия ни на союзников, ни на Германию. Россия больше не может претендовать на то, чтобы оказывать влияние на международное положение.

Сверх того, в отношении внутренних дел, Временное правительство постоянно является мишенью как правых, так и левых, и всё, что оно может сделать, — держаться до поры до времени в Зимнем дворце (едва можно поверить, что оно действительно находится у власти).

После четырех месяцев поражение двух легитимистских формаций, кадетов и умеренных социалистов, вынуждает нас заключить, что эти две силы в той ситуации, какая была в 1917 году, не располагали никакой возможностью создать в России демократический, конституционный, парламентарный строй. Сожалеть об этом — значит попросту терять время. В 1917 году это было невозможно. В 1914 году, если бы удалось сломить монархию, может быть, эти две политические силы обладали бы некоторой возможностью создать демократическое государство по западному образцу, но в 1917 году это было невозможно, и тот факт, что две попытки в общей сложности продлились всего четыре месяца, весьма показателен.

3. Попытка правых сил.

В июле-августе происходит новая попытка овладеть си-

туацией для осуществления окончательной победы. Корнилов и правые кадеты, связанные с этим делом, рассуждали примерно так: поскольку двойная власть, советы и эта попытка осуществления народно-революционной войны, посеяли повсюду лишь беспорядок и анархию, необходимо устранить их, установить твердую власть, уничтожить анархию в армии и возобновить войну. Такова была цель Корнилова, но вскоре обнаружилось, что кроме правых кадетов, национально-консервативная среда в целом не имела достаточной опоры в стране. Попытка, предпринятая Корниловым, была поражением более чем плачевным. Таким образом, опасение контрреволюции, неотступно преследовавшее умеренных социалистов в период между февралем и августом, не имело никакого основания. Правые круги были обезоружены, поскольку уже были обезоружены офицеры «Приказом № 1». Значит, и третья политическая сила проигрывает в этой игре: ни либералы, ни умеренные социалисты, ни правые не смогли выиграть.

В конце августа 1917 года наступает пустота; больше нет ни реальной власти, ни реального правительства в России. Керенский еще удерживается в Зимнем дворце и, после кризиса, продолжавшегося месяц, создает последнее правительство: он собирает что-то вроде парламента (поскольку нет времени для избрания конституционной ассамблеи), составленный в основном из видных представителей левых кругов и центра, что должно было придать существующему режиму хоть немного законности. Но всё это имеет вид фантомов; настоящего правительства нет, страна стремительно движется в пропасть, военные действия прекращены.

4. Захват власти большевиками.

В этой образовавшейся политической пустоте большевики организуют заговор и осуществляют (кстати сказать, довольно непрофессионально) 25 октября государственный переворот, который ставит предел этой

политической пустоте, но и большевики не могут управлять страной, поскольку она стала неуправляемой.

Стало быть, в 1917 году можно проследить четыре этапа в развитии русской политики, каждый из которых был отмечен некоторым искривлением. Всякий раз, когда та или иная политическая группа терпела поражение, она заменялась другой. Кризис был вызван прежде всего вопросом ведения войны: апрельский кризис, июльский кризис (когда военные подразделения отказывались идти на фронт). Корнилов пытался осуществить государственный переворот как раз для того, что бы продолжать войну. Первым лозунгом большевиков был призыв к миру. Одним словом, вся политическая ситуация 1917 года тесным образом связана с войной, что укрепляет и поддерживает известный тезис о влиянии войны на ход революции, и не только официальную советскую точку зрения о решающей роли русских социальных сил.

2. Общая характеристика 1917 года

Слабость политически организованных сил.

Очень скоро каждая политическая группа оказывается во власти масс, пришедших в движение. Вполне может стать, что «Апрельские тезисы» Ленина, агитация большевиков за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам и власти Советам представляют влияние политической группы на городские и военные власти. Но в этом можно и сомневаться. Разумеется, Ленину потребовалось тщательно изложить эти лозунги, а партии большевиков заняться их пропагандой начиная с апреля 1917 года, но было бы слишком смелым заявлять, что эта большевистская агитация явилась началом всеобщего народного охлаждения к войне. Это охлаждение развивалось само по себе, и Ленин выразил его и обозначил. Та удивительная быстрота, с которой большевистские лозун-

ги получили распространение, является тому доказательством. Ленин вернулся в Россию 4 апреля, в конце апреля он созвал Центральный комитет партии, и начиная с этого момента «большевистская машина» закрутилась, распространяя повсюду эти лозунги. Уже 10 июня (по старому календарю) во время первого Съезда Советов большая часть представителей, принимающая участие в демонстрации, выкрикивает большевистские лозунги, что указывает на тот факт, что Ленин только выразил латентные настроения масс.

В июле Ленин фактически оказывается во власти этих масс, которые хотели разрешить все проблемы чрезвычайно простым способом: положить конец войне, деятельности Временного правительства и даже власти умеренных социалистов в Советах. Народная масса (рабочие и солдаты) радикализировалась сама по себе.

Нисходящая кривая активности народных масс.

Февраль 1917 года представляется годом настоящего вооруженного восстания, во время которого участники этого восстания постоянно рисковали своей жизнью (насчитывалось свыше тысячи убитых). Можно сказать, что народонаселение тогда действительно принимало участие в борьбе. В июле народный гнев против Временного правительства, против умеренных социалистов, против того, что делалось после февраля, был совершенно очевидным. Но уже во время поражения Корнилова — в конце августа — народная мобилизация была значительно меньше. И не стихийно организованная толпа, но красные отряды отбили нападение Корнилова.

Наконец, в октябре участие народных масс в событиях стало еще менее заметным, чем в остальные кризисные состояния текущего года. В октябре заговор большевиков сопровождался поддержкой кое-каких элементов народных масс, но в особенности в октябре шла борьба между двумя незначительными силами: с одной стороны, батальон смерти Керенского, с другой — несколько под-

разделений красных. Из всех месяцев 1917 года октябрь — наименее впечатляющий. Тем не менее, боеспособность народных элементов все же была ощутима выше, чем боеспособность их противников, которая в сущности равнялась нулю. Вот поэтому большевистские силы так легко справятся с этими противниками.

Следовательно, можно прийти к выводу, что октябрь 1917 года был, в общем, своего рода концом периода взрыва народной ярости, что и позволило Ленину захватить власть. И уже несколько месяцев спустя воинственные настроения народных масс Москвы и Санкт-Петербурга были бы слишком слабыми, чтобы оказать поддержку политической акции какого угодно масштаба.

Недостаток политической организации победителей и побежденных.

Недостаток политической организации — третий аспект, который имел большое значение в 1917 году.

Кадетам не удается поставить на ноги и придать структуру политической организации, которая была бы способна мобилизовать политическую силу. Эсеры и меньшевики также организованы чрезвычайно слабо, но и большевики организованы отнюдь не лучше.

В начале 1917 года партия большевиков включала 17 тысяч членов, организованных по ячейкам, составлявших сеть, способную к политическим выступлениям. Большинство членов (рабочие, мелкая интеллигенция) жили в крупных городах. Они находились в нелегальных условиях, и вполне можно подозревать, что изрядное число членов, значившихся в списках, со временем отходили от партийной работы или их деятельность была пресечена царским правительством. Наверняка на деле насчитывалось куда меньше 17,000 членов. Сверх того, в глубине России не было никакой слаженной организации и всё предстояло создать заново.

В октябре насчитывается около 115,000 членов партии, в основном рабочих петербургских и московских заводов,

солдат некоторых фронтовых подразделений (моряков Кронштадта), а также разночинцев из группы Троцкого. Высшее управление партии составлено из этих представителей мелкой интеллигенции, но сама партия неорганизована: разумеется, время от времени созываются съезды, но не существует никакого партийного состава для надежного выполнения приказов сверху. Ни Ленин, ни Центральный комитет не могли отдавать никаких приказов этой партии, и мы знаем, какие трудности были у Ленина с Центральным комитетом, какие были внутренние конфликты, какой недостаток связи внутри партии до лета 1918 года.

Эта партия была не более многочисленной, чем меньшевистские группы или эсеры. Эта партия еще не обладала той монолитной структурой, которую мы теперь связываем с понятием ленинской партии, — и это неудивительно, поскольку невозможно было создать в несколько месяцев аппарат монолитной партии в условиях анархии, царствовавшей в это время. Та группа людей, которая захватила власть в октябре 1917 года, не была ни однородной по составу, ни организованной, ни способной к управлению. Для всего этого ей не хватало соответствующих организационных структур. Ко всему прочему, эта партия не была объединена никакой общей политической идеей, события 1917 г. и первые несколько месяцев 1918 г. со всей ясностью это показывают.

После поражения Корнилова Ленин (поддерживаемый Троцким и некоторыми другими) намеревался как можно быстрее организовать вооруженное восстание, но этому противился Центральный комитет. Находившийся тогда в Финляндии Ленин посылал директивы, но в большевистской прессе Центральный комитет их попросту саботировал.

В книге Роберта Даниэлса «Красный октябрь» дается подробный анализ трех последних месяцев 1917 года¹. Автор задался целью разрушить слишком уж стройную схему, по которой Троцкий полностью осуществлял руководство в октябрьских событиях 1917 года. Даниэлс пока-

1. Robert Daniels "Red October." New York. Scribner. 1967.

зывает поразительное отсутствие логики и связи в действиях большевистской верхушки в августе и сентябре 1917 г., изоляцию Ленина и Троцкого, продолжавшуюся до последней минуты, недостаток организации в работе комитета связи с военным гарнизоном, на который Троцкий возлагал такие надежды, отсутствие точного понимания значения захвата власти в Петербурге. Ленин — даже самым элементарным образом — не обдумывал вопроса об управлении ни Петроградом, ни всей русской империей. Как считает Даниэлс, известная идея Троцкого о совпадении захвата власти большевиками со Вторым съездом Советов исходила в гораздо большей степени из решений Временного правительства — тех решений, пусть и не вполне эффективных, но которые в то время начинали угрожать большевикам. Вот поэтому, несколько поспешно, большевики поторопились совершить переворот 25 октября. Картина красного октября, которую представляет нам Даниэлс в своей книге, — это картина общего беспорядка как со стороны Временного правительства, так и со стороны красных. Не было никакого организованного заговора и мобилизация городской толпы была незначительной. Из этой картины можно вывести, что «безвластие» Временного правительства было замещено «безвластием» большевистского правительства, которое не лучше предыдущего справлялось с задачами управления и было способно, в первые месяцы, лишь на публикацию «фасадных» декретов.

3. К политической анархии

Таким образом, прогрессирующее отклонение от привычной схемы великих европейских революций, которое мы рассмотрели поэтапно, было в своем роде постепенным нисхождением к политической анархии. Это отклонение, или искривление, не всегда принимает форму новой власти, в которой увеличивается элемент левизны,

но всякий раз, с ослаблением власти, оно становится левее. В октябре мы видим политическую пустоту с обеих сторон, и такая схема уникальна в истории европейских революций, уникальная и странная, по причине того веса на политические события, который оказала война. В этом смысле 1917 год можно квалифицировать годом смутным и неопределенным. Приход к власти (или, скорее, в Зимний дворец или Смольный) большевистского правительства не означал установление нового строя, он лишь позволил большевикам впоследствии установить новый режим. В тот же момент большевики были почти беспомощны, и их «захват власти» ничего не меняет в жизни страны.

С другой стороны, 1917 год стал откровенно разочаровывающим годом; вся структура революционного действия приводит к искривлению, которое совершается чрезвычайно быстро, а это, в свою очередь, ведет к анархии и разложению общества. Этот социальный и политический процесс развивается крайне просто, жестко и мало напоминает сложные политические разработки 1640 или 1789 г.г. Перед нами — попросту разложение общества, в котором некая политическая группа, большевики, ведут странную и нелепую политику, в условиях всеобщей анархии. В этом-то беспорядке группа большевиков проникает в Зимний дворец и в октябре захватывает власть.

Наконец, надо уточнить, что революционный процесс 1917 года по своей сущности — политический процесс. Социальная революция отсутствует. Это отнюдь не подьем одного из классов и низвержение буржуазии, это постепенный распад всего общества, но при этом основные формы этого общества не меняются. Если мы взглянем на различные социальные группы, то мы убедимся, что:

— представители буржуазии остаются на своих прежних местах в конце года, как и в начале;

— в рабочей среде внедряется параллельная власть и намечается политика рабочего контроля, но этот контроль еще не учрежден. Рабочие комитеты некоторых заводов блокируют ряд инициатив, исходящих от дирекции,

но от этой ситуации еще далеко до захвата заводов рабочими.

Наиболее важная социальная перемена 1917 года в некотором смысле двойка:

1. **Крестьяне.** После поражения Корнилова крестьяне, охваченные волнением, начиная с весны, понимают, что власти больше нет, потому что офицеры, бывшие в то же время землевладельцами, разгромлены. Поэтому крестьяне начинают конфисковать земли, что приводит к началу ликвидации целого социального класса, дворянства. Этот процесс только начинается, и в действительности, после октября вплоть до следующей весны осуществляется великая аграрная революция, полная экспроприация земель и уничтожение дворянства как класса.

2. **Солдаты.** Бунты в армейской среде, дезертирования из армии, состоящей в основном из людей крестьянского происхождения, связаны с разделом земель в деревнях. После поражения Корнилова начинаются массовые бегства из армии, но лишь после 25 октября процесс разложения армии усиливается и старая императорская армия перестает существовать. Всё это отнюдь не является социальной революцией в буквальном смысле этого слова, и наиболее важные революционные события 1917 года остаются исключительно политическими.

Основные политические действия этого года разыгрываются в городах, и два элемента существенно влияют на развитие этих действий: отсутствие правительственных сил после февраля, которые могли бы осуществить принудительные меры, и различные пропагандистские обещания по поводу войны и мира. Все кризисные ситуации этого года, включая и финальный кризис, связаны с этими элементами. Разумеется, крестьянское движение нейтрализовало любое правительство в России, но не эти движения стояли у истока политических перемен в столицах. Крестьянские движения ничуть им не способствовали. Следовательно, 1917 год — это непрерывный ряд политических перемен, и если исключить крестьянские волнения в конце года, можно сказать, что социальная революция не произошла. Она придет позже.

4. Была ли неизбежна социальная революция?

Часто утверждают, что если бы правительство смогло решить три вопроса, оно бы помешало Ленину захватить власть и все бы обошлось без революции. Следует проанализировать эти три вопроса.

1. Созыв конституционной ассамблеи.

Эта ассамблея дала бы основание, законность Временному правительству, ту законность, которую оно не могло унаследовать от исчезнувшей Думы. На мой взгляд, эта мысль — совершенная иллюзия, ибо проведение выборов в конституционную ассамблею в стране, столь обширной, как Россия, — да и к тому же находящейся в периоде полного разложения — было бы крайне сложным делом. Эти выборы, безо всякого сомнения, привели бы левых социалистов к большинству, которые были столь же восприимчивы к давлению со стороны уличных масс, как и Советы, тем более такое явление, как ассамблея, было бы сравнительно новым в политической жизни страны и ей вряд бы удалось быстро утвердиться на позициях законности, которая охраняла бы её от противозаконных давлений уличных масс и Советов. Такая ассамблея сразу бы вызвала то давление на самоё себя, подобное тому, какое мы видим в Петербурге в 1917 году, оказанное на Советы, и, силой вещей, она бы быстро перешла к социальной революции — то есть к законной передаче земли крестьянам, может быть, даже к осуществлению рабочего контроля — действия, которые лишь легализировали бы анархию.

2. Распределение земли между крестьянами.

Если бы земля сразу же была отдана крестьянам, то

крестьянство, вероятно, оставалось бы в целом консервативным. Но в этом можно и сомневаться. Совершать социальную революцию законным путем, да еще в период войны, не такая уж простая вещь, и если бы конституционная ассамблея легальным образом занялась бы возведением социализма в Петербурге летом 1917 года, положение, может быть, не было бы более спокойным.

Распределение земли среди крестьян породило весной 1918 года недород, и Ленин должен был прибегнуть к помощи комбедов, говоря иначе, к принудительной реквизиции. Этот серьезный неурожай был в прямой связи со стихийной экспроприацией земель и с исчезновением средств сообщения. В тот момент, когда экономика страны приходит в расстройство, стихийное распределение земель, даже распределение, узаконенное ассамблеей, рискует привести к расстройству снабжения внутреннего рынка, именно таким образом, как это случилось при большевиках.

3. Вопрос о мире.

Временное правительство, как многие настаивают, должно было заключить сепаратный мир. Но заключение сепаратного мира в момент поражения не обходится без изрядной цены. И мы знаем, какую именно цену требовали немцы от Ленина в марте 1918 года в Брест-Литовске. Эта цена была непомерна: целая треть земель, на которых была сосредоточена индустрия. Иначе говоря, это был конец жизнеспособной экономики России. В 1918 году немцы, видя, что Россия не собирается больше продолжать войну, были бы менее требовательны. Трудно покончить с войной после поражения.

И если бы конституционная ассамблея, с одной стороны, узаконила бы этот стихийный раздел земли крестьянами, — что внесло бы смятение и в оставшуюся часть правительства, — и, с другой, отдала бы четверть или треть всей страны немцам, в период полной экономической дезорганизации, все более увеличивающейся, то положение этой ассамблеи было бы очень трудным. Ка-

кое бы ни было правительство в России тогда, оно не было ни экономически, ни в военном отношении жизнеспособным, ибо не нужно забывать, что в течение 1917 года все показатели экономического распада удвоились (инфляция, сокращение действия железных дорог, сокращение подвоза продовольствия и топлива в города). Такое правительство, продолжая, даже с поддержкой конституционной ассамблеи, должно было столкнуться с огромными трудностями. Не так уж сложно утверждать, что положение России было бы иным, если бы правительство решило эти три вопроса. В таких упреках в сущности повторяются мысли, которые часто высказывались в 1917 году: немало социалистов, либералов, умеренных стоят за созыв конституционной ассамблеи, но все считают, что лучше подождать благоприятного исхода войны, в особенности когда рассчитывали, во что обойдется окончание войны. Затем события стали сталкиваться с невероятной быстротой, и небольшая возможность овладеть в положении посредством вот этих трех элементов, о которых мы говорили, была упущена.

5. Положение страны к моменту захвата большевиками власти

В продолжение первых месяцев большевики практически не могут управлять. В самом деле, социальное и экономическое положение страны не меняется, оно по-прежнему неуправляемо, и всё это длится до конца 1918 года. В течение этого периода осуществляется настоящая революция и зарождаются предпосылки того порядка, который большевики в конце концов навязывают стране.

Согласно хронологическому порядку, Россия сначала переживает государственный капитализм, затем его заменяет военный коммунизм.

Государственный капитализм.

Этот период длится восемь месяцев. В принципе этот термин мало что значит, потому что для того, чтобы осуществить подлинный государственный капитализм, прежде всего нужно быть способным управлять страной. Правительство начинает вести политику декретов (которые я называю «фасадными декретами»), предназначенных для того, чтобы показать, чем была бы пролетарская власть, если бы ей удалось укрепиться в России или в иной стране. В это время большевистское правительство думало побить рекорд длительности Парижской Коммуны, и оно хотело оставить пример для потомства в том случае, если само оно не удержалось бы. Правительство издает декреты об отделении церкви от государства, об изменении календаря, о национализации кредита, и в то же самое время — о создании ЧеКа. Все эти декреты были первыми мерами, принятыми большевиками, но эти меры совсем не составляли управления, а в остальном они были попросту не приняты во внимание.

1. В ДЕРЕВНЕ

После массового дезертирства солдат из армии крестьяне знали, что наконец-то больше нет власти, способной не допустить раздел земли; и аграрная революция происходит в таких условиях, которые могли лишь породить экономическую катастрофу: действительно, земли, принадлежащие дворянству, производили излишек, который шел на продажу. И вот этот самый излишек зерна исчез, поскольку крестьяне не имели никакой причины производить его, ведь они теперь получали за него обесцененные рубли, на которые нельзя было ничего купить.

Значит, этот земельный раздел был причиной экономической катастрофы России. Говоря по правде, не большевистское правительство непосредственно вызвало его, оно лишь не вмешалось в действия крестьян.

2. В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рабочий контроль учрежден несколько месяцев спустя

после октября 1917 года. Рабочие изгоняют дирекцию, рвутся руководить техническим персоналом, инженерами, заводом; разумеется, дело кончается катастрофой. Часто происходят обобществления заводов, осуществляемые либо рабочими, либо местными советами.

Эти два движения — в деревне и в промышленности — впервые создают изменение самых структур русского общества. Два социальных класса уничтожаются в промежутке между октябрем 1917 и апрелем-маем 1918 г.г. — дворянство и буржуазия (среднетехнический класс и капиталистическая буржуазия). Эти два изменения в социальной структуре общества происходят без вмешательства большевиков, они — эти изменения — ускользают от их контроля, и вскоре сами большевики начинают оказывать сопротивление этим анархическим движениям.

3. ВОПРОС ВОЙНЫ

Каким образом надо было покончить с войной? Этот вопрос был самой серьезной заботой правительства в течение первых четырех месяцев. У правительства не было армии. Правительство не могло воспротивиться ликвидации царской армии; границы были открыты немцам. Все перипетии брест-литовских переговоров хорошо известны. Упрямство Троцкого, с одной стороны, крайне левые коммунисты — с другой, приводят лишь к тому, что цена, которую приходится платить немцам, увеличивается. И эта цена катастрофична: в неё включена Украина, Карс, Батум и Ардаган — отходящие Турции. Польша становится независимой. Наиболее богатые сельскохозяйственные районы, наиболее продуктивные индустриальные области отбираются у России Советов. После подписания Брест-Литовского мира (март 1918 г.) Россия перестает быть экономической державой. Кажется, это был единственный вопрос, решенный большевистским правительством.

4. НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

В этом отношении правительство осуществляет следую-

щее: оно запрещает буржуазные партии и буржуазную прессу, в то время как социалистические партии и социалистическая пресса продолжают существовать.

Внутри Партии развивается борьба, которая отражает ту, что происходит внутри всех левых сил: Каменев и Зиновьев в Партии, различные меньшевики и эсеры считают, что 25 октября было преждевременным: к несчастью, оно также было действием лишь одной партии, правда, социалистической. Следовательно, в России установлена социалистическая власть, и весь вопрос заключается в том, чтобы легализовать её, создав коалиционное правительство. Внутри партии большевиков давление в этом направлении было очень сильным: такова была позиция Зиновьева и Каменева еще до октября.

В январе Ленин соглашается расширить большинство, введя в него левых эсеров. Но еще до создания коалиционного правительства, Зиновьев и Каменев во второй раз совершают измену и выходят из Партии. Таким образом внутри Партии, равно как и в левых кругах, нет монолитной сплоченности. А для того, чтобы руководить своей Партией как настоящий вождь, Ленин должен получить большинство голосов.

Брест-Литовский мир чуть было всё не нарушил, потому что ни левые эсеры, ни левые коммунисты его не приняли. Ленин еле получает большинство в Центральном комитете, еще более незначительное большинство — на Съезде Партии, для ратификации Брест-Литовского мира. На Съезде Советов Ленину пришлось бороться, убеждать толпу для получения большинства; но и после получения этого большинства за ним последовали немногие. Эсеры покидают коалиционное правительство, и левые коммунисты, оставаясь внутри Партии, ведут кампанию против политики вождя Партии.

В таких условиях большевистское правительство абсолютно ничем не управляет ни в деревнях, ни на заводах, ни внутри Партии, ни в левых кругах. Единственное, на что оно способно, лишь предоставить немцам треть страны! До марта 1918 года эта власть в высшей степени непрочная, но она существует только потому, что нет ни-

какой другой организованной силы. Чтобы свалить её в то время, достаточно было простого щелчка!

В самом деле. Ленин заключил невероятное пари, уступив немцам треть всей страны для сохранения власти. Он сохраняет власть, но в течение первых восьми месяцев управлять не может.

Сверх того, начинается целая серия катастроф. Сначала происходит восстание чехов на протяжении всей транссибирской магистрали, восстание, которое в одну минуту изымает от большевистской власти гигантскую территорию от Волги до Владивостока. Кроме потери огромной территории, эти события ясно показывают чрезвычайную хрупкость большевистской власти по отношению к различным скверно организованным группам. — но не настолько скверно, как большевистская партия. Эти группировки, которые не приняли октябрь, поднимают голову. К ним принадлежат белые на юге России, эсеры в районе Волги и Западной Сибири, кадеты в центре страны.

К тому же усиливается раскол внутри левых сил, который был вызван общей экономической ситуацией и земельным разделом. Уже к началу весны становится ясно, что этот земельный раздел вызвал экономический крах страны.

С помощью ряда марксистских концепций Ленин замышляет наладить классовую борьбу в деревне и создает комбеды. Насильственное изъятие излишков сельскохозяйственных продуктов обостряет отношение с крестьянами и разрыв с эсерами. Если прибавить к этому расколу левых сил все бесчисленные затруднения, которые возникали у большевиков с кадетами-заговорщиками, с офицерами императорской армии на юге России (отряды Белой армии создаются на периферических участках России и начинают действовать), то в июле-августе можно было легко предсказать, что дни большевистского правительства сочтены. Это правительство не смогло решить ни одну из проблем, стоящих перед ним, в то время как оппозиция, организуясь, вооружаясь, намерена положить предел этой власти.

За первые восемь месяцев советского режима мы видим, что не большевистское правительство и уж совсем не государственный капитализм, а развитие сил экономического и социального распада породили искривление 1917 года.

Аграрная революция совершается до конца, рабочая революция — до установления рабочего контроля, бесконечные мятежи в армии лишают страну надежной защиты и позволяют немцам предъявить непомерные требования, так же как и восстание чехов и белых.

Внутренний рынок больше не существует, крестьяне переходят к товарообмену, а поскольку промышленность также исчезает, крестьяне перестают производить сельские продукты для продажи.

Вот тогда и происходит социальная революция: дворянство, буржуазия, духовенство, одним словом, все, кто не принадлежит ни к крестьянам, ни к рабочим, в течение 1918 года истребляется. Это — уникальное явление в истории, и никакая другая революция не похожа на подобное явление — ни английская революция, ни французская, в которых, как только революционный процесс утихает, мы видим все прежние социальные группы: отношения между ними изменились, стали иными, но все протагонисты налицо. В России происходит совершенно беспрецедентная нивелировка старого общества. Все социальные группы, которые могли бы предоставить обществу руководящий состав, исчезли.

Эта социальная пустота дает Партии возможность организовать в идеократическую универсальную бюрократию. Теперь Партия заменит общество и наладит новый советский порядок.

Решающий год — 1918

1917 год в России фактически ничего не решил: решающим годом стал 1918 г. Я хотел бы подробнее развить эту мысль, которая может показаться ложной или по крайней мере парадоксальной — и тем не менее, это единственная мысль, способная внести ясность.

1917 год явился годом последовательного — но очень быстрого скольжения влево: то есть проделан путь от самодержавия, едва затронутого конституционализмом, к диктатуре экстремистской левой партии. Такого скольжения, последовательного и быстрого, никогда раньше мы не видим в европейской истории — но с тех пор оно стало довольно распространенным явлением. Ясно одно: к концу 1917 года только одной революционной экстремистской партии удаётся занять помещения правительства, переставшего существовать, как в Петербурге, так и в Москве, но создать новое правительство эта партия пока не в силах: она сможет прийти к этому лишь в конце лета 1918 г. Именно этот период, эта борьба за создание нового правительства и заключает подлинную русскую революцию. Говоря иначе, как раз в этот период происходит изменение всей структуры русского общества и создание новых институций, которые позволят кое-как осуществлять контроль над новым социальным и экономическим положением.

Для оценки 1918 года советские и западные учебники — последние лишь старательно следовали в то время за мыслью Ленина — твердят, что этот год является годом **государственного капитализма**. Как всем известно, это

понятие было тогда ленинским лозунгом, за которым последовал **военный коммунизм**, который начинается в конце лета 1918 года и продолжается до X Съезда Партии в 1921 году. Для обозначения этих периодов коммунистические, как и западно-либеральные учебники, употребляют эти два вышеприведенных термина.

Экономическое разложение.

В сущности, это выражение «государственный капитализм» мало что означает. В качестве экономического понятия оно не так уж исполнено смысла, а на деле является еще более пустым. В действительности новое советское правительство управляло в таком незначительном размере, что было бы совершенно ошибочно говорить о системе государственного капитализма в течение первых восьми месяцев советского режима, которые, по сути дела, — продолжение экономического и, следовательно, социального распада, которые были характерны и для восьмимесячного существования Временного правительства в 1917 году. Все ведущие факторы продолжают играть роль: то есть угасание (вплоть до полного исчезновения) **промышленности**; новое угасание, также вплоть до исчезновения каких-либо поставок, продажи **сельскохозяйственных продуктов** на рынке; наконец, все возрастающая инфляция, которая приводит к тому, что в начале 1919 года рубль обесценивается значительно быстрее, чем успевают печатать бумажные банкноты. Типографии, печатающие денежные знаки, — единственный род промышленности, успешно работающий в период военного коммунизма.

Чтобы представить себе всю сущность вопроса, нужно помнить, что между августом 1914 г. и февралем 1917 г. инфляция удвоилась: денежное обесценивание достигло почти 50 процентов; количество поставок и продажа сельскохозяйственных продуктов снизились почти на пятьдесят процентов. За восемь месяцев существования Временного правительства все эти данные удвоились: за восемь месяцев страна приблизилась к экономической

катастрофе куда скорее, чем за три военных года царского режима. В последующие восемь месяцев эти данные еще раз удваиваются. И зимой 1917 — 1918 г.г. страна находится не так далеко от полного экономического разложения.

Эти восемь месяцев советской власти оставляют в наследство советскому режиму экономику, которая почти не функционирует. Почти невозможно становится снабдить города ни продовольствием, ни изделиями легкой промышленности. Несколько лучше обстоит дело в области тяжелой промышленности. В системе транспорта — тот же самый распад. Если между летом 1914 г. и февралем 1917 число локомотивов, вагонов уменьшилось вдвое, то за восемь месяцев Временного правительства происходит еще раз уменьшение в тех же самых пропорциях; затем за восемь месяцев советской власти оставшаяся часть еще раз уменьшается вдвое. Достаточно сказать, что к весне 1918 года Россия располагала всего четвертью железнодорожного оборудования по отношению к тому, что имелось в 1913 году.

Такой распад экономики уникален в истории современных промышленных обществ. И в течение всего этого периода новый большевистский режим бессилён притормозить этот распад. К тому же советское правительство принимает лишь очень малое количество мер, и эти меры довольно неэффективны. У советского правительства множество других проблем, более неотложных, ибо не надо забывать, что до конца марта 1918 года, в продолжение первых пяти месяцев советского режима, оно занято прежде всего тем вопросом, который уничтожил его предшественника. — войной.

Главная необходимость — окончить войну.

Каким образом можно было выйти из состояния войны? На деле подлинный вопрос ставился иначе: какую цену необходимо было платить немцам за односторонний мир? Сначала революционная Россия колебалась и полагала, что можно использовать брест-литовские перегово-

воры для усиления антимилиитаристской, пацифистской пропаганды с тем, чтобы превратить мировую войну в войну гражданскую в каждой стране, свести её к войне между буржуазией и пролетариатом и распространить по всей Европе русский опыт 1917 года.

Очень скоро стало ясно, что политика Троцкого и, несколько позднее, политика левых коммунистов во главе с Бухариным — совершенно утопична, никогда бы им не удалось превратить мировую войну в гражданскую войну между различными социальными классами. Ленин первым понял, что эта революционная политика — утопична, и он настоял на принятии заключения мира классического типа, по которому немцы получали все, что они требовали. Этот мир дал некоторый период передышки и позволил надеяться, что и Германия и страны-союзницы также рухнут под тяжестью собственных революционных движений — не потому, что советская пропаганда в Брест-Литовске оказалась эффективной, но вследствие той усталости от войны, которая, как считал Ленин, рано или поздно должна дать себя почувствовать и в Германии и в странах Антанты.

Значит, в первые пять месяцев существования большевистского правительства все их усилия были направлены на поиски необходимой политики по отношению к войне. Утопическая политика Троцкого приводит к ощутимой потере времени, и когда более реалистическая политика Ленина принимается правительством, слабость России до такой степени очевидна, что немцы значительно увеличивают свои требования. Приходится уступать немцам треть всей территории, с населением, природными ресурсами, ту часть европейской России, которая была наиболее богатой, — Украину, и затем — Кавказ.

Когда передача этих территорий совершена — более на деле, чем юридически, — оставшаяся часть русской экономики совершенно нежизнеспособна: наиболее богатая область по производству зерновых выпала из-под советского контроля; нефть, каменноугольная и сталелитейная промышленность, нефтяные запасы Баку и т. д. — всё это теперь находилось в руках немцев. Большевики, территория которых сведена к очертаниям средневекового

московского княжества — от Москвы до Санкт-Петербурга, — осуществляют контроль над областью, экономически не отвечающей требованиям современности. Если к этому прибавить полный разлад промышленного аппарата, то легко себе представить совершенно безнадежное состояние экономики.

Вследствие передачи территорий немцам, распада промышленности возникает социальное и экономическое положение, абсолютно неизвестное в истории XX века. Немцы остаются на этих территориях до конца 1918 года. Националистские восстания, военное вмешательство союзников и действия Белой армии приведут к тому, что в течение 1919 года большая часть пограничных районов ускользает от большевистского контроля.

В течение полутора лет большевики не имеют доступа ни к Украине, ни в Кавказу, то есть к трети самой богатой европейской части России. Полтора года большевики вынуждены существовать на той территории, которая прежде была Московским княжеством, и это обстоятельство тяжело отражается на развитии советского режима во время военного коммунизма.

Политический распад.

С апреля 1918 года до августа этого же года наступает второй период, когда общее разложение продолжается, даже усиливается — экономический и социальный распад удваивается политическим распадом.

Впервые после октябрьских событий 1917 года большевистская система политического контроля, сколь мало ощутимой она ни была в то время, начинает истощаться. Действительно, после подписания Брест-Литовского мира, к концу лета 1918 года, чаще всего контроль уже не существовал на большей части территории, оставшейся под властью большевиков. Этот политический распад, это катастрофическое положение и в политическом отношении заставляют большевиков принять меры, предпринять контратаку и попытаться создать правительство на оставшейся части России. Первые меры, принятые большеви-

ками осенью 1918 года, выдвигают на первое место то, что впоследствии будет названо «военным коммунизмом».

Эти меры, нацеленные на создание базы «военного коммунизма», в то же время заключают основание нового советского государства. Июль-август 1918 года — наиболее критический период большевистского режима, когда, по общему мнению, большевики накануне окончательного поражения; но это также период, когда они особенно энергично начинают действовать, и даже, в некотором смысле, действовать творчески, что позволяет им выйти из труднейшего положения и заложить основы нового советского государства.

Каким было положение большевиков с апреля до июля-августа, то есть в течение лета 1918 года? Мы уже бегло отметили, что восстание чехов, в мае и июне, фактически лишает большевиков Сибири, Урала и обширной части волжской долины. Всё это составляет колоссальную территорию. Эта потеря ясно показывает всю хрупкость большевистского режима во всей России, хрупкость, в которой не отдавали себе отчета ни немцы, ни даже сами большевики. Эти 35,000 чешских солдат, занимавших Сибирь и волжскую долину, заставили задуматься и союзников и те русские политические силы, которые до сих пор терпели поражения. Основное их соображение может быть выражено следующим образом: если советский режим, в долине Болги например, до такой степени хрупок, не является ли он точно таким же и на территории бывшего московского княжества, находящегося ныне под большевиками?

В результате чешского мятежа началась союзная интервенция. Союзные войска совершили интервенцию не для спасения своих капиталовложений, как трактует официальная советская историография, но для того, чтобы открыть второй фронт на востоке. В то время западные страны вошли в окончательную, критическую фазу войны: поэтому, если это было возможно, следовало установить второй фронт на востоке. Вследствие чешского восстания и потери всех этих огромных территорий произошла союзная интервенция и создание «белого движения» — которое красные именовали «белым», но кото-

рое вначале отнюдь не было особенно правым. Большинство представителей союзных войск с неприязнью относились к большевикам и скорее тяготели вправо, так как часто были связаны с крупными экономическими обществами эпохи. Тем не менее, это вовсе не означает, что принятые ими решения были продиктованы экономическими интересами. Необходимость выиграть, или хотя бы не проиграть Первую мировую войну — такая мотивировка преобладала над всеми другими. Сегодня мы знаем, почему Клемансо и Ллойд Джордж решились в 1918 году на интервенцию: это было сделано исключительно в военных целях. И Клемансо, и Ллойд Джордж, сосредоточившие в своих руках неограниченную власть, не имели нужды обращаться в парламент для проведения военных решений; союзническая интервенция была мотивирована созданием второго фронта.

С точки зрения большевиков не только территория от Казани до Владивостока была потеряна, но и произошла военная интервенция, за которой последовало создание эсеровского правительства в Сибири и на Волге, а также нападение со стороны тех сил, которые считались уничтоженными в 1918 году. У большевиков появляются дополнительные проблемы. Территория, на которой действуют большевики, резко сужается — после падения Казани (6-7 июня), после Брест-Литовского мира, выступления Белой армии и интервенции союзников. Эта территория не превышает размеры Московского княжества, в том виде, в каком оно существовало до Ивана Грозного.

Катастрофическое положение.

Но и внутри этой сведенной до небольших размеров территории между маем и августом возникают серьезные проблемы. И прежде всего вопрос продовольственного снабжения, которое в апреле-мае становится столь плачевным, что режим прибегает к мерам совершенно безнадежным, то есть объявить монополию на торговлю хлебом и в июне развязать классовую борьбу в деревне —

мера, которая окажется особенно губительной. Все это вначале было осуществлено не по идеологическим соображениям — также и не потому, что в подобных мерах намечался путь к социализму в деревне, — попросту это делалось для того, чтобы выжить. Нехватка продовольствия (в мае и в июне) была столь велика, что для населения встал вопрос о выживании.

Политика классовой борьбы в деревнях приводит большевиков к **разрыву с левыми эсерами**, которые начиная с февраля, поддерживали большевиков и между мартом и февралем принимали участие в эфемерном коалиционном правительстве вместе с большевиками. Эсеры порывают отношения с большевиками из-за двух вопросов: прежде всего, из-за Брест-Литовского мира, от которого они отказались в марте. Они покидают правительство. И второй вопрос — политика классовой борьбы в деревнях в июне. Как раз поэтому эсерам пришлось уйти в подполье и обратиться к вооруженной борьбе против большевиков. Так, в июне впервые осуществляется деятельность, враждебная большевикам, на оставшейся большевикам территории. В намерение эсеров входило вызвать продвижение немцев на Москву и заставить большевиков принять политику революционной войны. Именно этим объясняются убийства Мирбаха, немецкого посла в Москве, Айхома, немецкого коменданта на Украине, и т. д. В общем, эсеры пытаются вызвать наибольший беспорядок внутри России. Большевики поставлены в трудное положение этой левой группой, ведущей настоящую враждебную им деятельность. Сверх того, на территории, оставшейся у большевиков, начинают вновь действовать и **либералы**. Их деятельность не слишком эффективна, но все же достаточная, чтобы серьезно и основательно встревожить большевиков — к роду этой деятельности можно причислить и организацию Савинкова, и попытку переворота, подготавливаемую либералами, и действия кадетов, направленных на взятие Ярославля летом 1918 года.

Так, внутри этой небольшой территории (весьма значительной по западным понятиям и сравнительно маленькой, по понятиям русским) умножаются самые невероят-

ные трудности: нехватка продовольствия, восстание левых эсеров, бунт либералов. Затем, в августе, положение еще больше ухудшается — активность эсеров становится особенно велика, голод достигает предела, усиливается борьба за Казань и, наконец, в это время Фаня Каплан стреляет в Ленина.

Ленин вводит террор.

Все давало основания думать, что большевистский режим идет к концу. Но в это время большевики начинают действовать: Ленин учреждает террор. Это совершается всегда во времена революций: когда англичане находятся в Тулоне, а аристократы охвачены в Париже волнением и шуаны предают. . . тогда в центре всегда учреждают террор для спасения революции. То же самое делает Ленин. Он вводит террор. Первая мера заключается в том, чтобы очистить Советы от небольшевистского элемента. Эта чистка Советов происходит в июле; но запрещение всех политических партий (даже левых партий, которые больше не поддерживают Советы) состоялось в конце августа. Многих эти события глубоко поразили. Одни видят в них конец советской демократии — как будто эта демократия когда-нибудь существовала в действительности. **Но эти события — конец утопии, связанной с Советами, организацией утопического типа, в том смысле, что она неспособна к постоянному управлению.**

Большевики также прекращают свободные выборы в Советы. Все левые партии оказываются под запретом. Таким образом, происходит установление государства с однопартийной системой. Разумеется, можно сказать, что с самого начала все намерения большевиков сводились к созданию однопартийного государства. Однако, между 25 октября 1917 года и концом августа 1918 г., большевикам пришлось дать свободу левым партиям и даже осуществить коалиционное правительство, правда, на короткий срок. Хотя по своей природе большевизм склонялся к созданию однопартийного государства, необходимы были соответствующие обстоятельства для того,

чтобы большевики пошли по этому пути. Если бы наплыв обстоятельств был иным, может быть большевикам никогда бы не удалось создать однопартийное государство. Короче говоря, этот кризис, произошедший летом 1918 года, стал решающим фактором в создании однопартийного государства.

Значит, положение складывалось следующим образом: однопартийное государство, Советы упразднены, утопия об управлении страной посредством Советов пришла к концу, политические партии, даже левые, запрещались и, разумеется, больше не было свободы слова. Вдобавок террор, применяемый ко всем врагам этого однопартийного государства: к тем, которых стали называть классовыми врагами. Это понятие прикладывалось в одинаковой степени и к представителям пролетариата и крестьянства (то есть тех классов, на которые это государство претендовало быть основанным), и к представителям буржуазии и дворянства. В политическом отношении эта перемена является капитальной: **мы присутствуем при создании однопартийного государства, в котором уничтожены все другие партии и террор направляется против всех, кто не приемлет это государство.** Каким образом будет действовать это государство? В чем на деле проявится его однопартийная система?

Начиная с первого сентября и в первый раз эта единственная партия начинает действовать. Она задумывает две вещи: прежде всего, социализм, и затем, чтобы скрепить это государство с однопартийной системой, она создает то, что я называл «идеократической универсальной бюрократией», которая осуществляет всё в государстве и обществе. В первый раз в истории появляется универсальная бюрократия, которая берет на себя решительно все — в обществе и государстве — и полностью замещает гражданское общество.

*Несколько соображений о социализме
и капитализме.*

Что это означает — государство задумывает создание

социализма? Дело в том, что до этого периода европейское социалистическое движение, несмотря на свой почтенный столетний возраст, никогда не приходило к отчетливой разработке программы того, что, собственно говоря, значит социализм. Социализм и капитализм, как понятия, не могут быть сравнимы. Капитализм — это термин, который был создан для описания целой серии социальных и экономических институций, которые постепенно складывались, весьма эмпирическим образом, с XVI до XIX в. Капитализм существовал в действительности и являлся более или менее связной системой. Само понятие «капитализм» возникло в 1830 — 1840 г.г. (период, когда возникло большинство современных основных экономических понятий): это понятие не адекватно, потому что та система или различные системы, функционирующие с XVI века по наши дни, которые называли или продолжают называть «капиталистическими», на деле сильно разнятся между собой. Таким образом, можно сказать, что понятие «капитализм» является довольно туманным понятием, как и многие понятия такого рода.

Понятие «социализм» было создано в ту же эпоху, около 1840 года, для определения антитезы капитализма. Понятие «капитализм» использовалось социалистами для оттенения противоположного ему нового идеального общества, которое еще не существовало. Понятие «социализм» возникло так, как возник образ единорога, мифологического зверя: этот дивный зверь, никогда не существовавший в действительности, был составлен на основе ряда элементов, взятых из реального мира у реальных животных: созданный идеальный тип, разумеется, никогда не существовал. Все конкретные элементы были налицо, но зверь как таковой отсутствовал.

В чем заключался смысл этого «социализма» до 1917 года? Так как дивный зверь никогда не существовал, понятие тогдашнего социализма предполагало (но не так уж доктринерски) обобществление средств производства и системы распределения. Вот что означало это обобществление государством — сегодня мы называем это самоуправлением, в России в 1917 году это называли «рабочим контролем». Но на мировом уровне или, во всяком

случае европейском, это обобществление не было вполне ясным понятием (*socialisation*). Предполагало ли оно уничтожение рыночной экономики и введение плановой системы? До 1917 года о плане не было речи. В сочинениях Маркса не упоминается это понятие. Короче говоря, до 1917 года не так уж ясно понимали, что означает «социализм».

В практическом отношении в слове «социализм» есть две существенные особенности — то, что социал-демократические партии называли программой минимум и программой максимум. В них понятие социализма является конкретным, но надо указать, что на политической сцене до 1914 или до 1917 года играют роль лишь эти знаменитые программы социал-демократов, в особенности социал-демократической немецкой партии.

Тем не менее, несмотря на все двусмысленности, обволакивающие понятие «социализм», можно из него вычленить два элемента: прежде всего — обобществление. Средства производства и система распределения должны быть обобществлены. На каком уровне? На этот вопрос никогда не было ясного ответа; имеется несколько возможных уровней — от совершенно статического социализма до социализма анархическо-профсоюзного типа. Вот такими, в сознании различных социалистических групп, которые существовали в Европе около 1914 года, должны быть институциональные проявления социализма. О плане в то время не было и речи, он отнюдь не являлся составной частью социалистической идеологии.

Итак, институциональный аспект этого социализма связан с неопределенным обобществлением; и несмотря на критику в адрес капитализма, из-за его безрассудной системы, определяющейся выгодой, социализм не разработал еще понятие плана.

Кроме институционального аспекта существует и моральный аспект. Социализм построит общество более справедливое, братское и т. д. Социализм позволит осуществить полное развитие человеческой личности, что не означает, однако, конец отчуждения, потому что понятие «отчуждение» не было в ходу в марксистской среде той

эпохи; в то время с понятием «социализм» неизбежно сочетался второй аспект, который превышал в их глазах институциональный, — полное развитие человеческой личности, общество более справедливое и братское и т. д. Социалисты полагали — хотя никогда достаточно ясно не объяснили причины, — что моральный облик социализма явится следствием социальных перемен.

До 1917 года никакой социалистический режим в действительности не существовал. Конечно, всем было известно эфемерное существование Парижской Коммуны, но она прежде всего не была социалистической и длилась так недолго, что о ней нельзя говорить как о режиме.

Военный коммунизм.

Вот в таком положении оказываются Ленин и большевики, захватившие власть в октябре 1917 года. В течение восьми месяцев они не решаются приступить к учреждению социализма, он возможен лишь тогда, когда страны Западной Европы и в особенности Германия также совершат революцию. Вот тогда — то и придет пора строить социализм. Пока же в России существует государственный капитализм. Затем, в течение летнего кризиса 1918 г. большевики приступают к созданию того, что впоследствии получит имя «военного коммунизма».

Этапы этого военного коммунизма широко известны. В целом, этот коммунизм представлял собой общую этатизацию, государственную национализацию, предпринятую Лениным. И внезапно большевики отдают себе отчет в том, что это и является социализмом. Благодаря этим мерам, принятым Лениным (общая национализация в апреле-мае 1918 г. и декабре этого же года), социализм наконец приобретает свой конкретный современный смысл, который, конечно, не является единственным, — многие троцкисты, маоисты, шведские социалисты и другие скажут, что советское правительство никогда не создало подлинного социализма, что настоящий социализм — это нечто другое. То есть их воображению рисуются другие

единороги — но основной единорог был выведен в Советском Союзе.

Что же представляет из себя этот социализм?

1. Обобществление в смысле **национализации**, или этатизации. Этатизация всей экономики и, следовательно, все социальные отношения подчиняются единственной центральной власти — партии-государству. Вот это-то и было создано Лениным — подвергнув всё этатизации, потом объявить, что наступил военный коммунизм.

2. Социализм означает плановое хозяйство, потому что сам план возник во время гражданской войны, во время военного коммунизма, в результате ряда мер, которые продолжались от июня до декабря 1918 г. Решительно все этатизируют и национализируют. Но для того, чтобы вся система функционировала слаженно, большевики создают ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства), центральный организм со множеством главков для управления полностью этатизированной экономикой. Большевики рассуждают приблизительно так: «До сих пор вся мировая экономика действовала по нерациональному принципу частной выгоды; теперь же мы уничтожили этот принцип частной выгоды». Уничтожение этой выгоды означает в итоге уничтожение рынка и основание планового хозяйства. Уже не рыночная система, а плановая определяет капиталовложения.

В этот период, с июня до декабря 1918 г., налаживается центральная модель социализма, или распределительной экономики. Каким образом большевики пришли к созданию этого социализма? Я думаю, что можно было к этому прийти вследствие ряда решений, принятых *ad hoc*, и осуществляя национализацию. Всё это не вырисовывалось так ясно вначале по идеологическим причинам. Начиная с апреля-мая Ленин сталкивается с целой серией кризисных явлений, требовавших неотложного решения, на которые государству необходимо было быстро ответить.

Ленин импровизирует национализацию.

До сентября эта государственная акция в общем оста-

ется довольно неэффективной. Лишь с сентября 1918 года у государства появляется аппарат, который исполняет принятые решения и преодолевает трудности. Какие можно отметить этапы и кризисные положения, связанные с национализацией?

Отметим прежде всего, что голод, связанный с недостатком сельскохозяйственных продуктов, свирепствует в апреле-мае и из-за него правительство выпускает ряд декретов о монополии на продажу и распределение хлеба; затем, в июне, правительство развязывает классовую борьбу в деревне и создает комбеды. По Ленину, в этой ситуации выражается марксистская (или, скорее, ленинская) идея: крестьянство разделено между пролетариатом и середняками, с одной стороны, и настоящей крестьянской буржуазией, кулаками, с другой. На деле марксизм крестьянством особенно не занимался, вот поэтому Ленину пришлось переосмыслить русское крестьянство в марксистских понятиях. Раз есть пролетариат и буржуазия в среде крестьянства, в ней должна быть и классическая — по марксизму — классовая борьба. Марксизм, пересмотренный Лениным, был приложен к крестьянству, который сам Маркс никогда к нему не прикладывал, но этой идеей определялся социализм. И поскольку социализм по марксистско-ленинской концепции происходит из классовой борьбы в деревне, значит, меры, принятые Лениным, — новый шаг к социализму.

Все эти рассуждения — чистейший софизм: они отнюдь не воспроизводят реальную действительность тогдашнего времени: но большевикам было гораздо удобнее считать, что, разжигая классовую войну в деревнях, они продвигались к строительству социализма, точнее говоря, к окончательному разложению сельскохозяйственного рынка. Используя эти рассуждения, можно было постоянно убеждать себя в этом продвижении, ибо в то время и Ленин не осмеливался говорить о строительстве социализма в период военного коммунизма (то есть май-июнь 1918 г.).

На деле же Ленин осуществлял политику **реквизиции вооруженным путем**: военные подразделения рабочих, красных отрядов с помощью местных доносчиков конфисковали незначительные излишки зерна у крестьян. В

конкретном отношении политика Ленина свелась лишь к этому. Она вызвала у большей части крестьян вражду и повлекла их к забастовке, выражавшейся в нежелании производить хлеб. Весной и летом 1918 года крестьяне попросту перестали выращивать хлеб, предназначавшийся на продажу; но и в тех случаях, когда излишки были, они их потребляли сами или откармливали ими свиней для собственного употребления, или гнали самогон. Стало быть, в экономическом отношении политика классовой борьбы оказалась для деревни поистине бедственной, и уже в конце 1918 года Ленин отказывается от неё, возвращаясь к тому, что он называет смычкой, то есть революционным союзом бедняков и середняков с пролетариатом для того, чтобы замедлить наступление социализма. После декабря 1918 года, как раз в то время, когда Ленин отказывается от классовой борьбы в деревне, его политика становится следующей: сочетание насильственной реквизиции хлеба с **товарообменом, организованным государством**. То крошечное количество товаров широкого потребления, которое еще производилось, шло на обмен хлеба в деревнях.

К этому надо прибавить, что правительство закрывало глаза на существование черного рынка: вместо того, чтобы попытаться искоренить его, власть ему попустилась.

Вот это-то отнятие хлеба военным путем с товарообменом впридачу, с допущением черного рынка. Ленин и называл революционной смычкой города и деревни, пролетариата и середнячества! Конец классовой борьбы в деревне означал подготовку к строительству коммунизма.

Идеология классовой борьбы или политика национализации были крайне важны для социалистов, находящихся в трудном положении, — важны не потому, что позволяли как следует проанализировать возникшую ситуацию, а служили для очистки совести. Они призывали противостоять этому полному краху во взаимоотношениях города и деревни в июне 1918 года, когда была объявлена программа военного коммунизма.

Государство более не в состоянии ничего производить, оно вынуждено обратиться к самым примитивным фор-

мам экономической деятельности: товарообмен, черный рынок и т. д. Тем не менее из этого положения возникнут две идеи, которым суждено надолго остаться в истории: прежде всего это то, что борьба за социализм вышла из **классовой борьбы**, предпринятой Партией. К этой формулировке в 1928 году вернется Сталин. Вторая — возникновение **колхозов**. Мысль о создании колхозов появляется лишь в 1919 году, когда Ленин отказывается от политики классовой борьбы в деревне: необходимо создать модель того, чем должно быть социалистическое сельское хозяйство в союзе с середняками, которым необходимо для этого предоставить всевозможные средства. Вот тогда крестьяне охотно обратятся к социализму.

В 1919 году Ленин пропагандирует эту идею коллективного сельского хозяйства, которая в ту эпоху ровным счетом ничего не дает, поскольку лишь имения помещиков, конфискованные большевистским режимом, где крестьяне работают как наемные рабочие, производят продукты. Ленин считает, что коллективные, государственные фермы будут более эффективными, чем частные хозяйства, и, мало-помалу, в рамках смычки между крестьянством (середняками) и государством, оно — это крестьянство — обратится к социалистическим и коллективным формам хозяйства. Замысел, связанный с этим временем, — колхозы — не осуществится, но останется как норма социалистического сельского хозяйства.

На практике основная сельскохозяйственная цель большевистской политики и Ленина в период всего военного коммунизма сводилась к тому, чтобы добиться хоть минимальных результатов посредством товарообмена, черного рынка и т. д. Другие попытки полностью провалились: в ту эпоху политика в области сельского хозяйства не достигает этатизации её. Ленин лишь теоретически намечает начало классовой борьбы, так же как и устройство колхозов. В повседневной жизни эти планы также кончаются катастрофически, потому что не удается осуществить этатизацию сельского хозяйства. Можно заключить, что коллективное сельское хозяйство и явится этатизацией его, но во время военного коммунизма власти не удастся этого достичь.

Национализация и её причины.

В 1918 году в других экономических сферах Ленин наспех предпринимает общую этатизацию. В самом начале эта общая этатизация не была продиктована идеологическими соображениями, но затем, *post factum*, все, что было совершено, получило идеологическую подоплёку.

Первый декрет о национализации (13 июня) касался образа национализирования, которое должно было произойти. Ленин уточняет, что национализация должна осуществляться государством, а не местными советами или рабоче-заводскими комитетами. Уже 3 июня положение напряжено, начинается гражданская война; но этот декрет не был прежде всего продиктован гражданской войной. Он явился ответом анархическо-профсоюзным действиям рабоче-заводских комитетов, имевшим место зимой 1917 — 1918 г.г. и в начале весны 1918 года. Чем продовольственное положение становится все хуже и хуже, тем всё более и более рабочий контроль, с которым Ленин с октября 1917 годом пытается скрытно бороться, превращается в движение, предпринимающее стихийное обобществление. И руководят этим движением либо сами рабочие, либо заводские комитеты, а иногда и местные советы.

Чем это объяснялось? Эти стихийные обобществления были совершенно естественны для советов: лишь обобществляя средства производства, рабочие могли осуществлять товарообмен с крестьянами для получения продуктов питания. Нехватка сельскохозяйственных продуктов увеличивает это стихийное обобществление и вносит невероятный беспорядок в промышленную систему. Заводы больше не работают на национальный рынок, но лишь для местного обменного рынка.

Чтобы прекратить эти стихийные обобществления, Ленин 3 июня учреждает декрет, по которому единственный приемлемый и подлинно социалистический вид обобществления совершается государством. Посредством такого рода уверток, для решения неотложнейших задач. Ленин показывает, чем должна быть промышленность при социализме. Затем 28 июня публикуется декрет, ко-

торым национализируется вся промышленность, поскольку в этот день гражданская война вызывает всеобщую мобилизацию.

Таким образом, гражданская война усиливает ту политику, которая возникла в результате внутреннего экономического разложения. Сообща эти два фактора вызывают этатизацию, национализацию тяжелой промышленности и лишь затем (после террора, объявленного в конце августа) под все это подводится идеологическое основание.

Только после сентября 1918 года национализации осуществляются одна за другой, именно для того, чтобы остановить стихийное обобществление, вызванное недостатком продовольствия (из-за чего промышленность локализуется в сильнейшей степени), и впоследствии также для того, чтобы противостоять гражданской войне. Эти две причины были утилитарными по своей сущности.

Всё развалилось так быстро, что конфискация государством всей экономической системы была единственным средством противостоять разрухе: но процесс этой конфискации, подталкиваемый идеологическими соображениями, дошел до утопических крайностей: стали национализировать решительно всё: легкую индустрию, систему распределения, кооперативы, сапожные мастерские, бакалейные лавки. . . Короче говоря, национализируют всё, не сумев при этом действительно управлять всем этим хозяйством. Осенью декреты о национализации обрушиваются на Россию как снежный буран, именно потому, что большевики борются не на жизнь, а на смерть за спасение своего режима от Белой армии и возможной международной реакции.

В декабре большевики обнаруживают, что они всё национализировали: в самом начале у них такой цели не было. Только сельское хозяйство избегло общей участи, потому что большевики были принуждены отказаться от политики классовой борьбы в деревне. Но в остальном — от индустрии до торговли все было национализировано и обобществлено.

Но если всё обобществлено, тогда можно сказать, что

социализм уже существует. Другое подтверждение существованию этого социализма большевики извлекают из марксизма: классовая борьба является основной движущей силой истории. Но — рассуждают большевики — гражданская война и есть, на деле, классовая борьба: с одной стороны, пролетариат и бедняки, то есть советская власть, красные, большевики; а с другой — помещики, класс промышленного капитала, поддерживаемый международным капиталом, то есть Белой армией. Стало быть, гражданская война в России — классовая война, что и подтверждает теорию о классовой борьбе как о движущей силе истории.

Для ведения этой классовой борьбы пришлось всё обобществить, национализировать, этатизировать. Таким образом, классовая борьба — это сила, порождающая и социализм, который выковался в пекле гражданской войны, бывшей ничем иным как классовой борьбой, и вопреки намерениям Ленина в декабре это обобществление всех средств производства (кроме сельского хозяйства) торжественно именуется социализмом и даже коммунизмом.

В этой классовой борьбе большевики намерены создать новое общество, и в это время, исключительно по идеологическим соображениям, большевики всё национализировуют, не по практическим причинам, а лишь преследуя идеологическую цель — создать наконец социализм.

Денежная система приближается к состоянию, близкому к полному исчезновению. В конце 1920 года еще можно было проповедовать ненужность денег вообще, раз дела со строительством социализма и даже коммунизма так далеко продвинулись.

Таким образом, проходя через пекло борьбы гражданской войны (которая, в глазах большевиков, была классовой борьбой), большевики считают, что они перешли исторический рубеж и пришли к социализму. Отныне уже невозможно отделить в этой системе полнейшей этатизации те меры, которые были приняты в чисто утилитарных целях, от идеологических. И конфискация и национализация позднее сводятся к конфискации ставшей уже редкой частной собственности, для снабжения армии.

И делалось это с одной целью — выжить: в течение всего 1919 года практические соображения еще превалируют над остальными, и этим чрезвычайным положением пользуются для оправдания любых мер.

Но в то же время, во время этой гражданской войны, которая, оказывается, была классово-борьбой и движущей силой истории, как считают большевики, страна переходит от одного рубежа к другому: от капитализма к социализму и даже коммунизму. Идеологический элемент усиливается, в связи с возрастающей потребностью в координации хозяйства центральным управлением, ВСНХ. Попытка координировать усилия военно-экономического характера, оказавшиеся тщетными, — это своего рода реванш практического взгляда на положение. Этот высший экономический совет будет заниматься также вопросами планирования. Стало быть, планификация составляет необходимый элемент экономического перехода к социализму.

Создание Красной армии.

Все эти перемены происходят в одно и то же время с осуществляемой централизацией и этатизацией в другой области, которая в данную минуту оказывается самой главной: создание Красной армии.

Первые попытки создания армии относятся к периоду незадолго до чешского восстания. Уже в апреле-мае большевики пытаются кое-как сколотить армию. Кризис, вызванный чехами, приводит к восстановлению обязательной воинской повинности (29 мая), восстановлению смертной казни и т. д., а также к созданию Красной армии под руководством Троцкого, в которой сочетается странная амальгама представителей старой царской армии (офицеры старой армии) и политических комиссаров, контролирующей армию (эти комиссары представляют советскую власть), поскольку, с одной стороны, большевикам нужны компетентные военные, и, с другой стороны, армия, которая была бы верна большевистскому режиму.

Но как и этатизированная промышленность того времени, эта армия совершенно неэффективна: процент дезертирства из Красной армии во время гражданской войны невероятно высок: армия обычного типа не смогла бы существовать при таком проценте дезертирства. Несмотря на это, создание Красной армии можно считать успехом, поскольку эта армия обладала достаточным количеством войск для нужд государства: и к тому же, в военном отношении, Белая армия была также не столь блестяще организована.

Короче говоря, из полутора миллионов призванных большевики насчитывают 200.000 — 250.000 человек. Это количество дает красным небольшой численный перевес над белыми. Нужно признать, что создание Красной армии — действительно достижение большевиков в первые годы их власти.

Вместе с Партией армия составляет наиболее важную институцию большевистского государства. Создание армии было делом куда более успешным, чем этатизация индустрии, руководимая ВСНХ. Армия в гораздо большей степени соответствует военным нормам, чем этатизированная индустрия нормам экономическим. Для снабжения этой армии продовольствием, амуницией и одеждой функционируют и национализированная индустрия, и сельское хозяйство.

Следовательно, вместе с основанием этатизированной экономики происходит милитаризация русского общества. Этатизированная экономика работает на военную машину, которая сперва не производит впечатления слаженности и эффективности; но в условиях того времени эта машина оказывается достаточно солидной для обеспечения победы советской власти. Значит, налицо милитаризация общества наряду с этатизацией экономики — две меры, осуществляемые одновременно.

Положение в начале 1919 года.

Когда в начале 1919 года вся эта система военного ком-

мунизма начинает действовать, мы можем отметить следующее:

1. Государству не удастся полностью контролировать сельское хозяйство, но уже заложены основные элементы будущего управления, то есть внедрена классовая борьба и положено начало колхозам;

2. Кроме сельского хозяйства все остальные средства производства этатизированы; в основном это происходит по причине полного разложения нормальной рыночной экономики. Однако эта этатизация по идеологическим причинам именуется Партией — социализмом;

3. Происходит милитаризация всей системы, потому что система охвачена в тот момент военным кризисом, который длится восемнадцать месяцев, начиная с лета 1918 года вплоть до поражения Деникина в конце 1919 года. К тому времени наиболее глубокий военный кризис кончился. Вся история с Врангелем в 1920 году — не более чем эпизод.

Словом, поражение сельскохозяйственной политики, этатизация, милитаризация; всё управляется единственной партией, всё включено в рамки Партии-Государства, или Государства с однопартийной системой.

Каким образом единственная партия смогла всё это осуществить? Идея о единственной партии присутствовала в ленинской идеологии; объяснение этой идеи мы находим в работе Ленина «Что делать?» — должна существовать монолитная партия, партия, которая осуществляет всё. Мы уже видели, что в течение первых восьми месяцев партии не удалось осуществить полный контроль над государством и обществом. Должны существовать объективные условия для осуществления этой утопии — Партии-Государства. Этими объективными условиями были следующие:

1. Экономическая катастрофа, даже еще до военного кризиса, явилась причиной общей этатизации. Эта катастрофа, вместе с этатизацией, ликвидировала экономические слои общества.

2. Эта этатизация привела также к ликвидации все социальные классы России, кроме народных масс. Прежде

всего, сельскохозяйственная революция, произошедшая зимой 1917 — 1918 г.г., привела к уничтожению дворянства. Национализация промышленности 1918 года сметает все средние классы и уничтожает буржуазию как класс. Разумеется, представители этого класса, как личности, не истреблены всецело; но исчезает класс, включавший буржуазию, инженерно-технических работников, представителей свободных профессий, интеллигенцию, исчезает как социальная группа, вследствие осуществления национализации. Единственный класс, продолжающий своё существование, — это пролетариат, перешедший на положение государственных рабочих. Впрочем, половина всего пролетариата в это время вернулась в деревни; оставшиеся же стали наемными рабочими, так же как и старые кадры инженерно-технических работников, включенные в состав государственной бюрократии.

Иначе говоря, **происходит беспрецедентная социальная нивелировка, которой не было в истории западных революций.** После французской и английской революций все социальные классы старого общества продолжали существовать; взаимные отношения между ними стали иными, позиции по отношению друг к другу эволюционировали, но сами классы остались. В России же в течение 1918 года произошло полное истребление прежней социальной системы.

Единственный класс, продолжающий существование как независимый класс, — это крестьянство, поскольку оно сохраняет частную собственность. Условия независимости любого социального класса по отношению к государству, безразлично в каком гражданском обществе, — это экономическая независимость, основанная на частной собственности данного класса. И после социальной революции 1918 года только крестьянство сохраняет независимое существование.

Но раздавленное, сведенное к такой нивелировке общество не может функционировать, потому что любое общество нуждается в руководстве, в элите, в людях, которые управляют, которые заняты проблемами будущего, принимающими решения и доводящие их до исполнения. В

нормальных условиях формирование этих кадров происходит их разных классов общества.

Раз все социальные классы в России были уничтожены, для заполнения пустоты развивается **государственная бюрократия**, и поэтому мы видим широкое распространение **всеобщей идеократической бюрократии**. По мере того, как истребляются различные социальные классы и этактизируется положение оставшихся представителей, государственная бюрократия замещает старые руководящие социальные классы.

Коренное переустройство Партии.

В течение всего этого периода, то есть с сентября 1918 года, осуществляется **подлинное создание** Партии, в том виде, в каком мы её знаем сегодня. В феврале 1917 года партия большевиков насчитывала 15,000 — 25,000 членов, большая часть которых находилась в подполье. У этой партии еще не было никакого аппарата. В течение 1917 года состав партии увеличивается, но она по-прежнему является партией в обычном смысле этого слова: люди вступают в эту организацию с целью борьбы, пропаганды или с парламентской целью, но сама эта организация имеет еще довольно размытую структуру. То же самое можно сказать о первых восьми месяцах советского режима. Партия большевиков в то время является партией, занятой политической борьбой, находящейся у власти и составляющей коалиционное правительство совместно с другой партией. В эту партию входят рабочие, интеллигенция, нередко и крестьяне. В ней еще нет бюрократического аппарата, который направлял бы работу партии, так сказать, сверху вниз. Внутри этой партии есть своя оппозиция — Зиновьев, Каменев (впоследствии — вышедшие из партии, чтобы вынудить Ленина принять эсеровскую оппозицию); еще более серьезная оппозиция — левых коммунистов, во главе с Бухариным (март — июль).

После кризиса 1918 года Партия становится административным аппаратом. От группировки, занимавшейся

политической борьбой, что является занятием любой политической партии, она переходит к роли административного аппарата, крайне жестко организованного в бюрократическом и иерархическом отношении. Политбюро начинает играть доминирующую роль лишь с сентября 1918 года. Оно было создано накануне октябрьского переворота 1917 года, но в первые месяцы советского режима не играло никакой роли, все дела решались Центральным комитетом.

Лишь в результате возникновения экстренного военного положения летом 1918 года и создания административной бюрократии Партии, Политбюро становится основным руководящим органом. В тогдашней ситуации, предельно напряженной, нужен численно незначительный орган управления, обладавший абсолютной властью, приказы которого не подвергались бы обсуждению, — что Партия еще допускала в 1917 и начале 1918 годов.

Начиная с этого времени численный состав Партии начинает бесконечно разрастаться (то есть с сентября 1917 года). К концу 1918 года насчитывается приблизительно 250 тысяч членов, которые не просто приверженцы Партии или единомышленники, — они стали административными чиновниками. К концу гражданской войны, то есть в конце 1920 г., их число достигает 600,000 человек. Таким образом, мы видим, что состав Партии возрос со 125,000 до 600,000 человек в период гражданской войны.

По большей части в их число входило бывшее мелкое начальство рабочих — прорабы, мастера, бывшие унтер-офицеры, ставшие бюрократической администрацией, управляющие этой штатическо-административной системой, разросшейся до предела и заполнившей пустоту, вызванную социальной нивелировкой 1918 года.

Можно сказать, что к этому времени ленинская модель монолитной Партии осуществляется на практике. Если бы не возникли соответствующие социальные условия, эта невероятная нивелировка, вызванная из ряда вон выходящим экономическим разложением 1918 года, все попытки Ленина создать монолитную Партию никогда бы не осуществились. **Ленинская партия, управляемая авто-**

кратическим образом, сверху вниз, явилась следствием событий после сентября 1918 года. Она была создана во время военного кризиса, с тем, чтобы противостоять ему, чтобы наладить управление поспешно этатизированной экономики, в которой неэффективность действия административной машины компенсировалась усилением идеологии.

Появление партии такого типа позволяет большевикам утверждать, несмотря на очевидную неэффективность бюрократической администрации, а также на плачевное состояние экономики, что этот период является переходным к высшему историческому развитию. Это утверждение давало большевикам психологическое превосходство над белыми, которые не имели такой иллюзии перехода в новую историческую эпоху; все это придавало бюрократизации, этатизации, милитаризации ту сплоченность, которая превосходит простую мобилизацию общества и экономики в стране, находившейся из-за войны в трудном положении (как мы видим в Германии).

Итог событий — следующий: **этот кризис 1918-1919 г.г. стал созидательным периодом, когда все основные институты нового общества были заложены**; по этой причине революция в России заканчивается совершенно иначе, чем великие западные революции. В подобной ситуации уже не возникает возможность Термидора, поскольку всё охвачено идеократической универсальной бюрократией. Возможность Термидора предполагает, что еще существует гражданское общество, или, по крайней мере, послереволюционное общество.

Именно в тех определенных исторических обстоятельствах нужно искать происхождение той всеобщей идеократической бюрократии, которая явилась новой формой советского общества, основной базой, сохранившейся до наших дней.

Военный коммунизм

Гражданская война и установление власти большевиков.

Каким образом большевикам удалось удержать власть в своих руках в продолжение всей гражданской войны? Каков был основной процесс окончательного установления власти большевиков? Так можно сформулировать наиболее важные вопросы, которые нам предстоит проанализировать. Но прежде чем обратиться к ним, следует рассмотреть, последовательно придерживаясь фактов, а не различных теорий, развитие гражданской войны, её основные действующие силы.

Основные действующие силы.

В течение гражданской войны в Красную армию было мобилизовано около 2 миллионов человек, а к концу войны общее число достигло 5 миллионов. Однако из этих 5 миллионов можно насчитать лишь 500.000 — 600.000 действительно профессиональных солдат, которых удалось объединить в более или менее постоянные войсковые части и кое-как обеспечить военным снаряжением. Сами по себе эти цифры не столь уж высоки, но все зависело от количественного состава противника.

Дело в том, что у Белой армии общее количество солдат было не таким уж большим. Белые сражались на четырех фронтах: Эстонском, Северном, западно-сибирском

фронте адмирала Колчака и южном фронте Деникина (Кубань, Дон, Украина). В общей сложности белым удалось мобилизовать почти то же самое количество солдат, что и красным, но они были разделены, да и к тому же снаряжены не лучше, чем Красная армия.

Военные действия на четырех фронтах.

Наиболее критический год для большевиков — 1919. Весной осуществляется быстрое продвижение Колчака, через Урал до Волги. Красная армия занимает центр страны, то есть территорию с плотной системой железнодорожных путей и дорог, благодаря которым военные части легко могут быть переброшены на фронт. Значит, красные находятся в более выгодном, в стратегическом отношении, положении, чем армия Колчака. Действительно, даже с недостаточно многочисленной армией, не обладая серьезным численным превосходством, Красная армия сумела в решительный момент бросить все силы против Колчака. После того, как Колчак потерпел поражение на этом фронте, в тылу у него начинает все разваливаться, так как крестьянство на этих территориях, видя, что военная мощь белых ослабла, начинает бунтовать, из опасения возможного восстановления прежних прав помещиков.

Таким образом, наступление Колчака отброшено весной, еще до того, как наступление Деникина на юге и Юденича — на Балтийском фронте входят в полную силу. Осень, когда начинается одновременное продвижение войск Деникина и Юденича, — наиболее опасное время для большевиков, которые вынуждены одновременно бороться с белыми на двух фронтах.

Большевики с большим трудом создают численный перевес армии по сравнению с белыми; они используют собственное выгодное стратегическое положение; располагая железными дорогами, они перебрасывают войска на фронт. Тот факт, что у Деникина железных дорог не

оказалось, весьма затруднило его продвижение к Москве. Таким образом, большевики выступают с легким перевесом в численности солдат и они лучше снаряжены.

Как только становится известным поражение Деникина, в тыловом окружении его войск происходит то же самое, что случилось в тылу Колчака, крестьяне, опасющиеся восстановления прав помещиков, начинают бунтовать. Первые же поражения Деникина привели к тому, что вся Украина оказалась охваченной беспорядками. В течение нескольких недель Деникин был вынужден быстро отступить.

Почти в то же самое время генерал Николай Юденич, выступивший со своими войсками из Эстонии, после двух попыток, был отброшен от Петербурга (октябрь-ноябрь 1919 г.).

По той причине, что различные части Белой армии плохо скоординированные в своих действиях или вовсе не скоординированные, выступают против красных не одновременно, победа большевиков стала возможной. С другой стороны, большевики занимают центр страны, в их руках железные дороги; всё это облегчает их действия и играет им на руку. И, наконец, если Колчак и Деникин смогли так быстро продвинуть свои войска, то лишь потому, что крестьяне, которые были сыты по горло классовой политикой в деревне, вооруженным изъятием хлеба большевиками, смотрели благосклонно (не проявляя, впрочем, особенно большого энтузиазма) на приход белых.

Однако, после прихода белых, крестьяне поняли, что существует также опасность возможного восстановления власти помещиков; и тому же белые, чтобы продолжать борьбу, также были вынуждены прибегать к вооруженному изъятию зерна у крестьян. Очень скоро белые стали для крестьян столь же неприемлемы, как и красные, если не хуже. Этот второй бунт крестьянства на этот раз был направлен против белых и серьезно ослабил тылы армий Колчака и Деникина. Но в обоих случаях исход военных столкновений решался относительным численным перевесом красных над Белой армией.

Почему большевики смогли удержать власть?

В течение всего этого периода власть большевиков была относительной. Но различные события и обстоятельства играли в их пользу. Прежде всего, военная сила белых была организована еще хуже, чем красных. Затем, войска Белой армии находились на периферической позиции и сверх того были разделены на четыре фронта, вместо того, чтобы сплотиться в единый фронт против большевиков. И наконец, Белая армия опиралась на иностранные силы, что не замедлило вызвать национальный рефлекс в пользу красных. Ряд всех этих обстоятельств и обеспечил красных некоторым превосходством над белыми.

Ко всему прочему надо прибавить, что красные, несмотря на бытовавший у них великодержавный стиль, наконец признают пограничные национальные меньшинства, тогда как русский национализм белых оказал им скверную услугу, поскольку они находились в окраинных областях, где как раз были сосредоточены этнические меньшинства. Например, лозунг Деникина «Россия единая и неделимая» привел к тому, что сотрудничество с местным населением окраинных районов оказалось невозможным.

С другой стороны, поскольку большевики занимают лишь территорию, не превышающую размеры старого Московского княжества, национальный вопрос так остро для них не ставился. Поскольку они контролируют территорию, включающую «национальные святыни», большевики претендуют на право быть законными наследниками страны.

Основной вопрос, который возникает в результате обзора военных событий 1919 года (ибо в этом отношении 1919 год становится определяющим), касается власти; само понятие — удерживать власть — понятие относительное; большевистский режим и Красная армия тогдашнего времени отнюдь не отличаются силой. Новое большевистское государство не было устойчивым, развитым государством, прочно устроенным на своей территории. Напротив, это государство очень слабое и неуверенное. Но в гражданской войне выигрывает оно, потому

что его противник — еще более неуверенный, разделенный на четыре фронта, заподозренный в сотрудничестве с иностранными силами, находящийся во враждебном окружении национальных меньшинств; и, наконец, с воодушевлением еще более низким, чем у Красной армии. Следует сказать, что Красная армия одержала победу с минимальным перевесом сил, и в конце 1920 года большевики осуществляют контроль над всей территорией европейской части России, кроме Кавказа

Можно сказать, что если бы союзные войска французов и англичан совершили интервенцию с более значительной военной силой, покончить с Красной армией было бы совсем нетрудно: или, наоборот, если бы немцы выиграли войну и остались на территории России со своей значительной армией, организованной и дисциплинированной, советский режим никогда бы не смог оказать сопротивление такой армии. Чтобы покончить с большевистским режимом так или иначе, требовалась самая обычная армия, более или менее боеспособная. Короче говоря, Красная армия отнюдь не была грозной военной силой во время военного коммунизма, и советский режим вышел из этой войны победителем только потому, что сопротивление белых было еще слабее и хуже организовано.

Итак — почему большевики удержали власть? Потому что не было реальной власти, достаточно ответственной, чтобы сбросить большевистский режим.

Теперь нам предстоит проанализировать наиболее критический период для советского режима — период военного коммунизма (1918 — 1919). Основные события этого периода можно схематизировать следующим образом.

Период партийной левизны.

До самого лета 1918 года партия большевиков является — если употребить современное определение — полудевой партией. Она далека еще от того типа классической ленинской партии, какой мы её знаем сегодня. В ней есть элемент левизны, в том смысле, что внутри её налицо

силы, проповедующие и реализующие типично левую политику. Так, к примеру, группа Троцкого, в момент подписания Брест-Литовского мира, стремилась, при этом совершенно утопически, преобразовать войну, приходившую к концу на восточном фронте, в международную пролетарскую войну. Также и левые коммунисты стремились продолжать ту же самую политику, даже после подписания Брест-Литовского мира, отказываясь подчиниться партийной дисциплине. Троцкий в конце концов подчинился дисциплине Партии.

Можно также настаивать, что партия большевиков наполовину была левой, потому что с самого начала событий, то есть с октября 1917 и до лета 1919 г. она была тесно связана с левыми эсерами, которые были типично левой партией. Они считали, что всеобщий беспорядок сам по себе является созидательной силой свободы, нового общества и т. д. Левые эсеры в своей программе шли значительно дальше, чем левые коммунисты: их проекты простирались вплоть до сознательного вызова конфликта между страной и немецкой армией, чтобы принудить затем всю страну вступить в революционную войну.

Таким образом, перед нами — большевистская армия, с ощутимым левым уклоном (определение «левая» партия не совсем верно, потому что настоящая левая партия предполагает борьбу против бюрократического партийного аппарата), которая окружена левыми элементами еще более безудержными.

И вот эта полулевая партия должна бороться с развивающейся повсюду анархией — в деревне, где крестьянство продолжает незаконным образом распределять землю, что было начато еще осенью 1917 года; анархией в промышленности, где обобществление средств производства (анархо-профсоюзного типа или осуществляемое местными советами) производилось повсюду. Повсюду царствовала анархия, в том смысле, что большевистское правительство не могло тормозить эту анархию ни в деревне, ни в индустриальной промышленности. Та же анархия в Советах: зимой 1918 и весной 1919 года Советы были действительно демократическими органами, и в них начиналось отражаться все возростающее

влияние левых эсеров и уменьшалось влияние большевиков.

Конец периода партийной левизны.

Само собой разумеется, что этот период некоторой партийной левизны среди большевиков — или период анархии в социальной и экономической жизни страны — окончился опаснейшим кризисом летом 1918 года, — опаснейшим в том смысле, что в стране практически все перестает действовать. Противники большевистского режима используют этот период анархии для того, чтобы соорганизоваться и уничтожить Партию большевиков. Летом 1918 года Партия предпринимает отчаянные меры для своего спасения. Она прежде всего завладевает центральными органами.

Как раз в это время **Политбюро** замещает Центральный комитет как основной орган Партии, и Секретариат (находившийся в то время под руководством Свердлова, ответственного за состав Партии), начинает контролировать все местные органы партии. Одновременно Партия вводит систему управления сверху, распространяя повсюду местные секретариаты. Эту политику начинает разрабатывать Свердлов, а Сталин доводит её до конца к 1922 году. Значит, после августовского кризиса Партия подчиняет контролю свою собственную структуру, посредством Политбюро и Секретариата.

Партия начинает сокрушать любую левую оппозицию внутри самой своей системы. В то же время Партия забирает в свои руки всю **систему Советов**: летом 1918 года из Советов удаляют все остальные партии. Политические партии, которые считались буржуазными, уничтожены задолго до этого, в конце 1917 года, но осенью 1918 г. социалистические партии подвергают серьезнейшей чистке, изгоняя их из Советов. Впредь члены Советов назначаются партийным аппаратом. Этот окончательный захват Советов большевиками означает уничтожение этого органа как передаточного правительственного звена в советской системе. Отныне Партия управляет непосредственно

и Советы являются лишь демократическим фасадом, не более.

Большевики полностью захватывают и **милицию**; хотя ЧК была создана в декабре 1917 года, она к тому моменту еще не представляла собой обширной сети централизованной милиции, находящейся под контролем центрального правительства. Различные отделы ЧК были тогда созданы во многих областях. Те, кто жаждал истреблять бывших буржуев и присваивать их добро, образовывали такие отделы. Из столицы мало следили за этими отделами и время от времени посылали им различные директивы. Но осенью 1918 года центральные органы ЧК берут в свои руки весь аппарат ЧК, которая становится отныне подлинной армией на службе Партии-Государства.

В то же время большевики создают **новую централизованную армию**. Как известно, это создание явилось делом рук Троцкого, игравшего в её создании центральную организующую роль. Восстановлена обязательная воинская повинность. Роль этой новой армии будет определяющей в ближайших событиях.

Так, мы видим, что в конце 1918 года эта Партия-Государство пытается прибрать к своим рукам все организации, насколько это возможно. Но на самом деле огромная часть продолжает ускользать из-под контроля Партии — это деревня. В продолжение всей гражданской войны деревня осталась относительно независимой. Время от времени пролетарские подразделения или части Красной армии совершают налеты для изъятия хлеба или для обмена кое-каких товаров широкого потребления на хлеб. . . но, по большей части, деревни ускользают от партийного контроля. Этот контроль наиболее сильно ощущается в городах, в тяжелой и легкой промышленности, в торговле, в государственной распределительной системе. Рядом с этим продолжается существование черного рынка, на который Партия закрывает глаза.

Следовательно, с созданием единственной Партии, Партии-Государства, происходит захват всех органов управления, и партия осуществляет практически контроль над всем, кроме сельского хозяйства.

Социальная нивелировка.

Каким образом Партия смогла прийти к такому результату? Лишь вследствие небывалой социальной нивелировки, произошедшей во время гражданской войны, когда были уничтожены все социальные классы, кроме крестьянства и рабочего класса, и поглощения государством самого рабочего класса — социальное явление, не имеющее прецедента в европейской истории.

Какими причинами была вызвана эта социальная нивелировка? Она не была непосредственно вызвана большевистской Партией; не она решила ликвидировать помещиков, крупную среднюю и мелкую буржуазию, представителей свободных профессий и т. д. То есть, эта нивелировка не была сознательной политикой большевиков, она возникла в результате полного экономического распада страны, вызванного последствиями войны. После чего большевистская политика обобществления, доведенная до крайности, еще усиливает социальное и экономическое разложение, образуя своего рода порочный круг.

Значит, эта небывалая социальная нивелировка была связана с экономическим распадом, вызванным войной. этой основной движущей силой всей драмы, случившейся после падения царской власти в феврале 1917 г. Дезорганизация промышленности привела к возникновению утопии относительно рабочего контроля. В свою очередь, из-за рабочего контроля были ликвидированы различные формы класса буржуазии, что в дальнейшем облегчило Ленину осуществить национализацию. Наконец, разложение или ликвидация государственного аппарата также имели свое значение, позволив крестьянам ликвидировать класс помещиков-землевладельцев. Так было и в других сферах.

Ко всему этому нужно прибавить, что русская эмиграция состояла в основном из буржуазии (от двух до двух с половиной миллионов человек), покинувшей Россию между 1918 и 1921 г.г. Возможность эмигрировать была связана с местонахождением людей: так, из центральной части России эмигрировать было труднее чем с Украины. Эта эмиграция включала многочисленные активные и

творческие элементы населения. Она была самой значительной эмиграцией за всю историю. И утечка из страны технических и творческих кадров лишь увеличила уровень этой внутренней нивелировки.

Чтобы глубже понять сущность этого чрезвычайного явления, социальной нивелировки, нужно вспомнить, что на деле не существует независимости социальных классов по отношению к государству, если нет частной собственности, ибо **свобода гражданского общества основана на частной собственности**. Как только государство приобретает право конфискации частной собственности, все население страны попадает в прямую зависимость от государства. Независимость рабочего класса отличается от независимости иных социальных классов, но для крестьянства независимость от государства основывается на частном владении землей. Для различных типов буржуазного класса эта независимость также основывается на частной собственности; независимость представителей свободных профессий строится на правах независимых профессиональных организаций, и их независимость гарантируется законом.

Все эти перечисленные группы не имели больше никакого коллективного существования вне исполнения обязанностей по отношению к государству, что фактически их уничтожало как социальный класс.

Параллельно этому социальному истреблению, положение Партии становится следующим: к концу гражданской войны численность её достигает 600.000 человек; в основном — это люди из числа офицеров старой армии либо произведенные в офицерский чин во время войны, либо военные комиссары. В подавляющем большинстве это были мелкие управляющие, бывшие унтер-офицеры старой армии. Они не являлись, собственно говоря, «народом», они не были ни рабочими, ни крестьянами, но скорее мещанами, мелкими чиновниками, которые как раз и составят эту всеобъемлющую бюрократию и военную касту нового режима. Среди них можно встретить людей дворянского происхождения, как, например, Дзержинский, или настоящего крестьянина, но в целом их социаль-

ное происхождение довольно просто: они вышли из народа.

В период военного коммунизма Красная армия фактически составляла половину государства. С одной стороны мы видим административный аппарат Партии, с другой — Красную армию. Государство лишь управляло и сражалось. И в течение всего периода военного коммунизма Красная армия была самым ответственным начинанием советского государства.

В заключение можно представить основные этапы этого процесса следующим образом. Начиная с августа 1918 г. единственная партия, Партия-Государство, забирает в свои руки любой вид деятельности, как чисто государственной, так и общественной. Почему это было возможно осуществить? Только потому, что произошла неслыханная социальная нивелировка, уничтожение всех социальных классов, стоящих над классами рабочих и крестьян. Повторяю, мы встречаемся здесь с явлением, которое до сих пор никогда не существовало в европейской истории.

Социальная нивелировка была вызвана полнейшим экономическим распадом, длившимся с 1916 до 1920 г. В европейской истории до сих пор мы не сталкивались с таким общим социальным и экономическим распадом. В какой Россия погрузилась во время Первой мировой войны, а также гражданской, которая осложнила и усилила экономическую дезинтеграцию. — такой процесс мы не так редко видим в XX веке, но в то время в России он явился впервые.

*Два ключевых фактора:
современная война и социальная слабость общества.*

Как объяснить происхождение этих двух явлений? Я объясняю их прежде всего совпадением двух факторов:

1. **Современная война**, двигательная сила событий, стала войной всеобщей и «демократической». До двадцатого века в период войны никогда не было мобилизации всей

экономики и гражданского населения для поддержания военного усилия. Современная война стала в гораздо большей степени всеобщей, чем раньше.

2. **Русское общество** (общество наполовину связанное со старым режимом и наполовину — современное промышленное общество) было слишком слабым, плохо организованным, чтобы выдержать тяжесть подобной войны — три года мировой и три года гражданской. Следовательно, совпадение двух факторов — тяжесть современной войны, обрушившейся на Россию, и слабость гражданского русского общества — стало решающим.

В 1917 году гражданское русское общество западного типа было еще не установлено. Оно представляло собой общество европейского современного типа, привитое к более примитивному обществу помещиков и крестьян. Времени для модернизации этого общества и укрепления всей страны не было. И результатом этого явился экономический распад общества.

Социальная нивелировка и экономический распад в конце концов сводятся к опрощению общества, но это опрощение не означает возвращения к формам старого режима: самодержавие, дворянство, крестьянство. В русском обществе времен Петра I или Николая I такая система функционировала: общество было, попросту говоря, архаичным. **Но то невероятное опрощение общества, которое мы видим в 1917 — 1918 г.г., совсем не являлось возвращением к принципам старого режима, но скорее растворением общества в анархии,** что, разумеется, совсем другое дело. Это опрощение стало результатом социальной нивелировки и экономического кризиса, оно само усилило эту нивелировку, которая является наиболее характерной особенностью русской революции, составляя специфику по отношению к явлениям западноевропейских революций.

Во всех других европейских революциях мы видим, что происходит изменение общества, но оно никогда не исчезает, поскольку для того, чтобы общество исчезло, нужны два условия: всеобщая война современного типа и гражданское общество слишком еще слабое, чтобы выдержать

груз войны. **Это из ряда вон выходящее опрощение и составляет важнейший фактор развития русской революции:** поэтому-то революция, начавшаяся совершенно по-европейски в 1904 — 1905 г.г., столь же по-европейски продолжавшаяся в 1917 году, меняет свой характер радикальным образом в 1917 — 1918 г.г. В этот период её база полностью меняется: наступает общее социальное опрощение. Таким образом, схема русской революции, начиная с октября 1917 года, ~~отклоняется~~ от схемы классической великой европейской революции.

Партия берет на себя исполнение всех общественных функций.

В пустоте, созданной общим опрощением, Партия берет на себя исполнение всех общественных функций, которое старое и уже мертвое общество не может обеспечить. Партия заполняет социальную пустоту, созданную общим опрощением, для ведения гражданской войны против белых. Именно по причине ведения гражданской войны требовалось покончить с этой пустотой.

Важно отметить следующий контраст: белые сталкиваются с теми же самыми проблемами, что и красные, в создавшейся ситуации: как наладить организацию армии? Как заставить её действовать в этой пустоте социального опрощения? Та же самая пустота социального характера существовала и у белых. Белым не удастся организовать ту треть русского общества, что находится на территории, которую они контролируют, поскольку они не прибегали к тем экстремистским мерам, что красные.

Существеннейшая разница между белыми и красными определялась идеологией. Красные верят, что они действуют во имя будущего, определяемого наукой, а не «вульгарным эмпиризмом». Красные верят, что они действуют во имя Истории, а не по причине простейшего классового интереса. Красные борются за справедливость и человечность, а не за восстановление старых порядков.

Эта идеология, которая в то же время проповедует и общество, построенное на разумных началах, коллектив-

но организованное, дает им силу довести этатизацию до конца. — этатизацию, которая была начата для борьбы с хаосом, нетерпимым во время войны. И снова идеология позволит красным целиком заполнить эту пустоту Партией-Государством, единственной партией.

Таким образом, **идеология наносит окончательный удар старой системе и подводит партию большевиков к охвату страны единой бюрократической и идеократической системой.**

Конкретно говоря, процесс развивался так: экономики свободного рынка больше не было, и не потому, что большевики уничтожили рынок, он развивался сам по себе. Как только свободный рынок исчезает, его замещает бюрократия, которая пытается делать то, что в других обстоятельствах и в других странах осуществляет свободная рыночная система. Начинается то, что впоследствии будет названо планированием. Как мы видим, это планирование возникло как планирование авторитарное, и иным оно быть не могло.

В стране нет больше ни правящих классов, ни чиновников, ни слоев, способных их создать. Поэтому бюрократия замещает и прежние правящие классы, и кадры: бюрократия также замещает рыночную систему, и по этим причинам теперь стремится стать всеобъемлющей, ибо она фактически исполняет все государственные и общественные функции.

Этот процесс развивается в атмосфере гражданской войны, общей поляризации и манихейства: все разделены на добрых и злых, красных и белых, прогрессивных и реакционных. Ничто не должно быть нейтральным. И как только бюрократия замещает рыночную систему, правящие кадры, ситуация чрезвычайно радикализуется и происходит своего рода изъятие всего, что находится вне Партии. А всё, что находится вне Партии, по мнению этой всеобщей идеократической бюрократии, автоматически должно состоять на службе зла, и это зло нужно уничтожить.

Следовательно, нужно запретить любую оппозицию, даже социалистическую; нужно лишить и культуру и

мысль малейшей свободы. Если культура не служит делу «прогресса», она автоматически служит реакции. Разумеется, эта культурная диктатура станет более изощренной со временем, например, в сталинскую эпоху: в тот момент эта диктатура еще не дошла до края. Но уже возникли понятия культуры прогрессивной и культуры реакционной, и именно Партия чувствует себя обязанной принимать участие в культурной борьбе.

Захват этой бюрократией распространяется решительно на всё. Неудивительно, что у неё возникает потребность и диктовать образ ортодоксальной коммунистической культуры для борьбы с культурным инакомыслием.

Всё это сводится к тому, что Партия окончательно замещает собой отсутствующее гражданское общество, оказавшееся ликвидированным к 1920 году, из-за двух войн — мировой и гражданской. Эта идеократическая бюрократия — явление совершенно новое не только в русской, но и всемирной истории.

Если проследить социальное происхождение тех людей, которые осуществили этот социальный сдвиг, то легко убедиться, что в подавляющем большинстве это происхождение было весьма скромным: мелкие чиновники, мастера на заводах и фабриках, бывшие унтер-офицеры царской армии, представители мелкой интеллигенции; говоря иначе, это были люди, вышедшие из народных слоев и жаждавшие возвышения. Они поняли, что в этой Партии, постепенно охватывающей всё, таится совершенно невиданная доныне возможность быстрого социального продвижения. — еще одна причина их страстной привязанности к Партии: другая заключалась в том, что благодаря Партии они отождествлялись с той исторически важной миссией, которую на них налагала Партия. Отсюда — тот пыл, с которым эти люди участвовали в борьбе. Подобного пыла мы не найдем среди белых. Коротче говоря, все эти люди из крайне скромного социального круга. Конечно, это становится существенным лишь тогда, когда мы видим, чего они достигли. — они становятся частью этой всеобщей идеократической бюрократии, внутри которой получают своё социальное положение.

Можно сказать, что появление такого ископаемого было совершенно новым. Старый марксистский — или либеральный — словарь, толкующий, в обычном смысле этого слова, о социальных классах, к этому «созданию», единственному в своем роде в социальной истории, совершенно неприложим.

Именно потому, что всеобщая идеократическая бюрократия заполняет социальную пустоту и гражданское общество больше не существует, Термидор в России был невозможен. В самом деле, возможность Термидора существует лишь тогда, когда есть социальные силы, независимые от якобинского государства, могущие взять власть. Невозможно в России было и появление Бонапарта, потому что такое появление предполагает существование социальных сил, которые хотят вернуться к более или менее нормальному положению. И, наконец, по этой же причине не может быть и Реставрации, ибо реставрировать нечего. Старое гражданское общество исчезло окончательно и целиком. Маятниковое развитие революции неприложимо к русской революции, поскольку мы видим, что возвращаться было некому. Установление Партии-Государства, единственной партии, а затем идеократической бюрократии, было прочным. И чтобы покончить с ними, не существовало больше никаких сил.

Но в действительности в 1921 году существует социальная группа, которая ускользает от полного захвата Партии. Это было крестьянство, единственный класс, уцелевший от старого режима только потому, что он обладал частной собственностью. Это крестьянство представляет три четверти общего населения. Таким образом, Партии-Государству не удастся поглотить эту огромную часть населения страны.

Это крестьянство, еще не сломленное и полностью неуправляемое большевиками, явится причиной двух последующих государственных кризисов: нэпа (новой экономической политики), своего рода концессии, предоставленной крестьянам, и затем сталинизма, который

явится осуществлением окончательного контроля над единственной независимой социальной группой, оставшейся в государстве, — независимой потому, что она еще располагала частной собственностью. При этом надо отметить, что крестьянство по своей природе не может стать руководящим классом, поскольку оно составляет юсоциальную группу, лишенную тех элементов, которые способны управлять современным обществом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Положение крестьянства у Маркса и Ленина

В каждой исторической ситуации, начиная с рабовладельческого греко-римского общества, и кончая современным капиталистическим, Маркс отмечает лишь два действительно действующих класса: эксплуататоры и эксплуатируемые, то есть, в переводе на современный язык, буржуазия и пролетариат. До 1848 года, когда он сталкивается с конкретной революционной ситуацией, никаких других различий он не делает.

Когда над Францией и Германией в 1848 году проходят революционные вихри, Маркс принимается за детальный, тщательный анализ французской ситуации. Он быстро приходит к выводу, что его система, предполагающая конфронтацию двух классов, явно недостаточна, поскольку для научной объективности следует различать отдельные слои буржуазии.

И, кроме того, чтобы объяснить победу Луи Бонапарта, нужно обратиться к тому классу, которым он полностью пренебрегал в построении своей двухклассовой схемы — к крестьянству. Начиная с этого момента Маркс пытается определить различные социальные слои крестьянства. Но в целом та роль, которую играет крестьянство в поражении революции (1848 — 1851 г.г.) Маркса смущает. Он всё время пытается слить воедино различные формы крестьянства с некоторыми формами буржуазии. Надо сказать, что он не уточняет, ни какие именно крестьянские группы сливаются с буржуазией, ни как это происходит в действительности; но сама тенденция слить их воедино остается. Революция 1848 года миновалась. Луи Наполеон прочно воссел на троне. Маркс вскоре остраивается от крестьянства как объекта социального анализа и в даль-

нейших своих работах крайне редко говорит о крестьянстве. Таким образом, правоверного марксистского анализа крестьянства как класса не существует.

Тот социальный анализ крестьянства, который мы знаем, Маркс оставил незаконченным. Впрочем, он так и не приходит к созданию теории для стройного определения, чем являются «социальные классы» на деле. По марксистской теории, каждый социальный класс определяется той ролью, которую он играет в производстве. Но производство сельской продукции имеет совершенно другую природу, чем промышленное производство или производство, связанное с капиталом. Одним словом, Марксу не удастся ввести крестьян в свою теорию социальных классов, так же как ему не удастся и закончить теорию своей социальной системы.

После Маркса этой проблемой занимаются другие марксисты, в частности Каутский. Крестьянское восстание в Германии в 1525 году занимает многих марксистов, и даже восстание рабов под руководством Спартака (ввести Спартака в марксистскую схему — для этого пришлось совершить Бог знает какие усилия!) Но все это не подводит к созданию сколько-нибудь удовлетворительной теории о исторической роли крестьянства в развитии производства и социальной революции.

Когда мы знакомимся с воззрениями Ленина, мы легко убеждаемся, что они исходят в гораздо большей степени от русских народников-марксистов, чем от сочинений Маркса. Трудно сказать, использовал ли Ленин некоторые намётки Маркса, касающиеся анализа социологии крестьянства, или такие работы, как «Восемнадцатое брюмера». Во всяком случае, в основном Ленин опирается на работы русских народников. Надо сказать, что русское крестьянство стало предметом научных изысканий сравнительно поздно. В сороковых годах прошлого века барон Хакстаузен анализирует положение русского крестьянства, но анализирует способом, который не совсем является научным. Русские начинают действительно интересоваться положением крестьянства лишь после отмены крепостного права (1861). Разумеется, тот образ, который первоначально составили народники, был

идеализирован; крестьянство было представлено единым, братским классом, внутри которого цвело равноправие. Но внимательно приглядываясь к тому, что происходило в деревне, они не могли не видеть, что внутри крестьянства осуществляется известная социальная дифференциация. В народнической литературе весь анализ сводится к тому, что авторы оплакивают развитие социальной дифференциации, разрушающей первоначальное и совершенно воображаемое братство, будто бы существовавшее в деревне. К концу XIX века народники вынуждены отметить это возрастающее разделение внутри деревни, по-прежнему оплакивая этот процесс.

Марксисты также проявляют большой интерес к этому явлению, но интерпретируют его несколько иначе. Классовая борьба развивается внутри деревни; это означает конец крестьянской Руси и начало капитализма в России. Это развитие можно только одобрять. Но поскольку Россия — это страна с подавляющим крестьянским населением, эти марксистские мыслители прикладывают это возрастающее социальное разделение в деревне к марксистской схеме социальных классов. Они устанавливают существование сельского пролетариата, бедняков, затем середняков, мелкобуржуазный слой внутри крестьянства, и, наконец, кулаков, которые представлены как крупная крестьянская буржуазия. Таким образом, эти мыслители сводят то, что происходит в деревне, к разработанной марксистской схеме, которая когда-то была создана для описания положения городских классов XIX века.

В 1905 году Ленин идет еще дальше: он предполагает союз между городским пролетариатом, с одной стороны, и сельским пролетариатом, с другой; такое единство должно быть реализовано в случае социалистической революции. Когда же намечается осуществление демократической революции, этот союз должен быть осуществлен между городским пролетариатом и сельским, к которым присоединятся середняки.

Основные категории, которыми пользуется Ленин, пришли от марксизма. Мы не найдем их ни в словаре народников, писавших в то же самое время на эту же тему, и уж, конечно, ни у Столыпина, который обращал боль-

шое внимание на это разделение внутри деревни и хотел воспользоваться им для создания новой, действительно современной России. Но им руководил прагматизм политика, а не идеологический анализ положения.

В начале двадцатого века, до революции 1905 года и особенно во время стихийного земельного раздела, крестьяне демонстрируют по отношению к кулакам такую же ненависть, как по отношению к помещикам. Во время земельного раздела крестьяне заставляли кулаков вернуться в деревенскую общину: нивелировка осуществляется и внутри крестьянства. Так, сельскохозяйственная политика Столыпина, находчивая сама по себе, на некоторое время усилила раздоры в крестьянской среде. Все это не помешало тому, что, несмотря на распри, при каждом столкновении крестьянства с государством или армией (белой или красной, безразлично) оно проявляет внутреннее единство, крестьянский класс проявляет то общее единство, которое гораздо важнее всех внутренних распрей.

Одним из результатов революции 1917 — 1920 г.г. была этатизация всего населения страны, кроме крестьянства. Политика военного коммунизма в сельском хозяйстве потерпела поражение: мужик встал поперек глотки всей системе, которой не удалось пока его «переварить», хотя со всем прочим эта система успешно справилась; эта же проблема — ключ к сталинизму: государственные силы должны были рано или поздно взять штурмом это независимое крестьянство. И в тот самый момент, когда этот штурм начинается (1929 — 1930 г.г.), советское правительство утверждает, что оно осуществляет смычку городского пролетариата и деревенских бедняков, направленную против крестьянской буржуазии. Но на самом деле власть больше не заботится о различных дифференциациях крестьянского класса. Теперь они являются лишь крестьянами, которые настроены против города, против представителей государства. Это восприятие крестьян в целом, как части общества совершенно особенной, в конце концов одерживает верх у большевиков.

По ленинскому анализу внутри крестьянства существует три класса. Это разделение позволяет больше-

вистскому режиму всякий раз безо всякого зазрения совести осуществлять новое нападение на крестьянство. Режим опирается на сельский пролетариат — абсолютно вообразимый, — или на сельский пролетариат, существующий в действительности, который действует заодно с властью лишь во время первых этапов изъятия зерна в 1918 — 1919 г.г. или в самом начале коллективизации в 1929 г. После же этой коллективизации этот так называемый сельский пролетариат прекрасно отдает себе отчет, что в сущности это государство является врагом всех крестьян. Но тем временем ленинский анализ дает советскому правительству возможность осуществлять и рационально оправдывать все невероятно жестокие меры, предпринимаемые против крестьянства.

НЭП 1921 — 1929

Основная база советской системы была заложена во времена военного коммунизма. В эту эпоху было распространено убеждение в необходимости существования общего учения, в особенности в двух областях — в истории и философии, которые теснейшим образом соприкасались с марксизмом. Разумеется, за период военного коммунизма он не смог уничтожить все то, что не соответствовало марксизму-ленинизму партийного образца. Тем не менее, ортодоксальный марксизм Покровского — бывший наиболее изувеченной формой марксизма — начинает именно в это время распространяться в высших учебных заведениях; писания Покровского, и в особенности «Исторический материализм», сочинение крайне примитивное, становятся священными книгами философской мысли СССР.

Эти идеократические принципы, возникшие в период военного коммунизма, получают большое развитие, в особенности в двадцатые годы, в литературе, в истории — и не столько из-за государственной пропаганды, сколько из-за различных организаций, добровольно пропагандирующих эти идеи в данной области.

Разные группы развивают идеи этой идеократической системы. Лишь во времена Сталина вводится прямой государственный контроль на историю, философию, литера-

туру, искусство, естественные науки и т. д. Этот контроль объясняется процессом созревания общей идеократической бюрократии: процесс, начатый во всех этих областях еще в эпоху гражданской войны, завершается лишь в тридцатые годы.

1. Обзор периода военного коммунизма

Ликвидация классов.

Нужно еще раз напомнить, что в течение военного коммунизма ликвидация тех социальных классов, которые не были в прямой связи с народными массами, не была исключительно делом рук Партии. Ленинская партия большевиков в течение всего 1918 года — как раз в период ликвидации — была слишком слаба и недостаточно организована для ликвидации всей системы классов. Ликвидация социальных классов стала следствием войны и ряда экономических последствий; сначала Первой мировой, а затем её продолжения в России — гражданской. Дезорганизация экономики стала исходным пунктом ликвидации классов. Эта ликвидация была совершена в духе Партии, но тем не менее не стоит смешивать самый процесс ликвидации с тем, о чем мечтала Партия, она в этой ликвидации участвовала сравнительно мало.

Народные массы неистовствовали в результате общего краха экономики, которое смело всю власть в стране. Антибуржуазный террор был связан с социальным разложением, которое, в свою очередь, явилось следствием войны в гораздо большей степени, чем непосредственного действия Партии. Нужно еще раз указать, что ликвидация классов, не связанных с народом, несомненно входила в большевистскую программу, однако в 1918 году Партия была слишком слаба, чтобы осуществить её; и социальное разложение, значительно усиленное страхом, и общая дезорганизация были главной причиной исчез-

новения гражданского общества. Впрочем, нужно подчеркнуть, что в то время война царствует в Европе повсюду, но нигде мы не встречаем такое социальное разложение. Даже в побежденных державах, как Германия и Австрия, где намечалась национальная революция, мы не встречаемся с подобным социальным явлением.

Причины социального разложения.

Почему последствия войны оказались столь драматическими именно для России, а не для какой-либо иной страны? Ответ нужно искать в социальной структуре России. Современное гражданское общество России было составлено из нескольких классов, из которых следует исключить аристократию и крестьянство, потому что крестьянство всегда занимает особенное место в обществе, его нельзя рассматривать как специфическую часть современного гражданского общества. Это гражданское общество появилось сравнительно недавно (в девяностые, максимум — в шестидесятые годы). Следовательно, оно еще было очень хрупким, неукорененным по всей России, что уже давно было осуществлено на всей территории Европы (включая такие относительно отсталые страны, как Венгрия или Восточная Пруссия). Сверх того, специфическое влияние этого современного общества на все русское общество было относительно слабым, в особенности если учесть огромную численность крестьян, которые были значительно меньше затронуты современностью, чем крестьяне всей Европы.

Значит, общий распад гражданского общества России связан не только с войной, но и с «закономерностью» русского развития; **тяжесть войны, обрушившаяся на русское гражданское общество, слабое и хрупкое, объясняет тот факт, почему это гражданское общество было сметено в течение четырех или пяти лет Первой мировой, а затем гражданской войны.**

Все же нужно сказать, что для сокрушения общества потребовалось около пяти лет войны, то есть удар потребовался крайне тяжелый, чтобы смести это общество. Это

показывает, с другой стороны, что у русского гражданского общества уже была доля сопротивляемости.

Создание единственной коммунистической Партии.

В течение периода военного коммунизма единственная, монолитная, централизованная коммунистическая Партия была создана (август 1918 г.). Создание этой Партии в основном приходится на конец 1918 г. и 1919 — 1920 г.г. Число членов Партии в то время увеличилось очень быстро — со 150,000 человек до 600,000 — к концу 1920 года. Тут следует сказать, что эта монолитная Партия была создана в одинаковой степени как против левых партий, так и против белых, и даже может быть больше против левых партий.

В самом деле, такое явление, как Белая армия, ничего особенно сложного для большевиков не представляло. Надо было срочно организовать армию, прежде всего чтобы помешать проникновению белых в центр страны, а затем отбросить их к границе. Разумеется, для того, чтобы организовать армию, необходима иерархия, управление сверху вниз, усиленная централизация, дисциплина, порядок.

Но первые меры, принятые для создания монолитной Партии, были введены не для организации военной силы против Белой армии, но для подчинения беспokoйных Советов, которые в конце весны 1918 года снова оказались в руках левых эсеров, меньшевиков и т. д. Создание монолитной организации началось также для того, чтобы захватить в свои руки более или менее стихийно действующие отделы ЧК. В течение первых восьми месяцев 1918 года ЧК не была централизована, находилась в состоянии хаоса, в точности как Советы. И, наконец, в самом начале террор был направлен против левых эсеров. Ленин более всего опасался этой левизны коммунистов, какой ему, например, представлялась фракционная группа Бухарина, существовавшая до лета 1918 года. **В самом начале эта монолитная Партия была направлена против внутренней опасности, против проявления любой револю-**

ционной стихийности. Это важно отметить. Брошюра Ленина, где слово «левизна» фигурирует в тексте, как раз датируется этим периодом. И хотя в ней он критикует прежде всего зарубежные левые круги, которые торопятся поскорей осуществить революцию, но совершенно ясно, что он думает об опыте русской революции, и не случайно, что эта монолитная Партия строилась прежде всего против этой левизны.

«Гений» коммунизма заключается в его двойной способности и овладевать неистовыми разнообразными силами революционной ситуации, и направлять их по надежным каналам монолитной Партии.

Левые революции разрушают сами себя и довольно быстро при этом; они сами себя сжигают, истощаются в неистовых и разрушительных действиях. Вот поэтому левые течения в самом чистом виде завершаются всегда восстановлением порядка, предпринятым правыми кругами. Только коммунисты нашли эту из ряда вон выходящую формулу, которая заключается в том, что сперва они разжигают левые силы сами, а затем сами же восстанавливают порядок по правому методу.

Если Партия создавалась в борьбе с левыми силами, то это происходило импровизированно: Ленин отнюдь не готовил этот маневр в 1918 году; лишь в течение 1918 года он разрабатывает эту гениальную формулу (в конце 1917 и в 1918 г.г.): сначала поощрять левые силы, довести их до крайности, а затем осуществить при помощи монолитной Партии реставрацию, которая всегда может формально поддержать левые лозунги и настроения левых.

Поэтому такая Партия нуждается в людях относительно простых: не нужно слишком много Троцких и Бухариных, но побольше Буденных и Сталиных, то есть людей, для которых умственные интересы более или менее сложные — не возникают, для них нужны простые схоластические формулировки.

Часто указывали на тот факт, что Сталин превратил ленинизм в некий революционный катехизис: «Клянемся Ильичем, что...» и т. д., а затем в тот или иной догмат коммунистической веры. Такой образ действия объ-

ясняли тем, что Сталин был когда-то семинаристом, что мне кажется не таким уж очевидным. Так думают многие историки: великолепный историк Борис Суварин, лучший из всех, кто писал когда-либо о Сталине двадцатых годов (Борис Суварин. «Сталин. Исторический очерк коммунизма.» Плон, Париж 1935.). Даже И. Дойчер поддерживает это мнение. Многие считают, что то обстоятельство, каким образом Сталин перевел в схоластику марксизм-ленинизм, частично объясняется его семинаристским происхождением; образы, которые он употреблял, зачастую взяты из Библии. Семинарское образование было единственной школьной культурой, которую получил Сталин. Он создал свой сталинский обряд, или, говоря точнее, свел идеологическую догму к символу коммунистической веры, который надо только заучивать.

И, тем не менее, образование Сталина, религиозный или литанический характер идеологии во времена Сталина, — всё это недостаточно для того, чтобы объяснить, почему эта монолитная Партия могла быть создана во время гражданской войны. Разумеется, схоластическое упражнение, которое предлагает ленинская идеология, включает неперемное условие, ибо только такая идеологическая схоластика способна превратить бунтовщика в члена Партии.

Социологическая характеристика Партии.

Действительно, идеологическая формация членов Партии была очень простой, схоластической, близкой к обрядовым, литаническим формам, потому что все эти люди были весьма простыми. Если мы переберем социальный состав Партии между 1917 и 1920 г.г., то есть период огромного увеличения численного состава Партии (от 15.000 до 600.000 членов), то мы увидим, что подавляющее большинство членов Партии вступили в неё во время гражданской войны.

Кем были эти люди? У нас есть некоторые сведения о них, потому что каждый член Партии был обязан заполнить вопросник, в котором значился следующий вопрос:

«ваше социальное происхождение?» Разумеется, не все давали правдивый ответ; существовала тенденция присваивать себе рабочее или крестьянское происхождение или, во всяком случае, народное. Тем не менее, не забывая об этой тенденции, мы можем наверное сказать, что социологический характер Партии сильно меняется после того, как большевики захватили власть.

Кем были большевики до Октября? С одной стороны, это были представители **средней интеллигенции**, как Ленин, Зиновьев, Каменев, Бухарин и т. д., то есть люди, обладавшие известным образованием. Они были способны писать книги. В то же время они не входили в ту часть крупной русской интеллигенции, которая была заметнейшим явлением в русском обществе. А с другой стороны, в то время в состав партии большевиков входили **рабочие**, более или менее квалифицированные, обладавшие тем, что большевики называли политическим сознанием. Следовательно, тогда партия большевиков была партией, состоящей в основном из представителей мелкой или средней интеллигенции и рабочих.

После революции, когда количественный состав Партии сильно увеличивается, мы видим в ней преобладание тех, кого можно было назвать унтер-офицерами старого общества: это не интересующиеся социализмом активисты-рабочие, мелкая интеллигенция, сформированная под влиянием определенной идеологии. Эти унтер-офицеры еще во времена старого режима в социальном отношении, хоть и незначительно, но постоянно продвигались наверх.

По большей части они сравнительно недавно вышли из народа и принадлежали к мелким социальным классам. Я приведу два примера: маршал Ворошилов служил унтер-офицером в старой армии; на его долю выпала неслыханная удача осуществлять свою карьеру при новом режиме. Или Хрущев: родившись в крестьянской семье, он уже в юные годы становится рабочим, работая на угольных копях, владельцами которых были французские капиталисты!

Эти новые члены Партии не были глубоко затронуты ни политикой, ни идеологией. Когда революция и граж-

данская война разразились, они в 1918 году записались в партию, в которой видят возможность быстрого социального продвижения. Эти люди — выходцы из крестьянских и рабочих кругов, — станут теми, кого Сталин в двадцатые годы, изрядно льстя им, называл «солью земли». Поэтому их всех можно подвести под общее название, в несколько фигуральном смысле, **унтер-офицеры старого общества**, которые в результате распада старого мира сразу же, в массовом порядке, вступают в Партию. Они не примкнули к коммунизму по идеологическим соображениям, в ходе борьбы за коммунистические идеи при старом режиме, но только потому, что хотели влиться в состав этой новой правящей бюрократии. Они вступают в уже правящую партию, а не в партийную организацию, находящуюся в стадии политической борьбы.

Большинству этих людей был совершенно достаточен самый простейший вариант идеологии, сведенный к словословиям, к псевдорелигиозным формам, к катехизису (хотя катехизис — не такое уж характерное явление для православия). По этой причине происходит искривление идеологии, её опрощение. В некотором смысле можно сказать, что Сталин был своего рода прототипом всех этих коммунистов. Но ему повезло в том отношении, что он вступил в Партию задолго до октября 1917 года. И совершенно естественно, что никто иной, как Сталин, лучше всего выразил мышление и образ действия такого рода людей. Умственный уровень и стиль Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, людей, способных самостоятельно излагать свои мысли, не слишком подходил этой новой партии, созданной во время гражданской войны.

Роль войны в утверждении партийной монолитности.

Перед тем, как подвести итог эпохе гражданской войны и военного коммунизма, следует еще раз остановиться на монолитности новой Партии. Этот принцип монолитности был осуществлен партией начиная с августа 1918 года, когда партия была еще наполовину левацкого типа, осо-

бенно на уровне высшего руководства. Этот принцип монолитности партии был принят всеми с удивительной легкостью. Примечательно, что Ленину не пришлось во время гражданской войны и военного коммунизма практически прибегать к чисткам. Как объяснить, что этот принцип монолитности партии был принят всеми с такой веселой беззаботностью? Я думаю, что этот принцип был принят всеми, во всяком случае до 1920 года, исключительно из-за военного положения. Осадное положение в котором находилась страна, дает возможность этой Партии, ставшей монолитной, вкорениться повсюду необратимым образом. Вполне возможно, что если бы не было этого осадного положения, продолжавшегося довольно долго, большевикам не удалось бы привести в движение всю эту машину к 1921 году, когда пришлось отражать атаки левых кругов, снова начавших в то время действовать. Не надо забывать, что внедрение в жизнь страны этой монолитной партии, Партии-Государства, было облегчено военным положением.

Идеологический фактор.

И последнее замечание: в продолжение всего периода военного коммунизма мы видим неуклонно растущую силу идеологического фактора. Этот фактор со временем лишь увеличивается до такой степени, что несмотря на то, что гражданская война заканчивается, Врангель изгнан из России, завершается польская кампания (провалом, но все-таки завершается) и в конце 1920 года наступает мир, — режим военного коммунизма продолжится еще целых четыре месяца, безо всякой необходимости военного характера, когда осадного положения уже нет. Отметим, что именно за последние четыре месяца в эту идеологию внесено новшество: ликвидация денег. На самом деле деньги исчезают сами по себе, потому что они полностью обесценены, но тем не менее правительство издает декрет, по которому деньги уничтожились. Всё это дает повод возвещать, что советское государство уже является не только социалистическим, но и коммунистичес-

ким, поскольку деньги стали лишними и можно обойтись без них. Иначе говоря, наиболее утопические и абсурдные идеи были приложены к этой системе как раз после войны.

И сразу же после войны Троцкий начинает пропагандировать идею милитаризации труда, как единственно возможное разрешение основных экономических трудностей. Перед ним стоит задача — вновь наладить экономику; и несмотря на утопизм, столь присущий этой эпохе, правительство отдает себе отчет, что промышленная продукция упала до 12 — 15 процентов довоенных показателей — и до двух с половиной процентов в металлургической и угольной промышленности! Каким образом можно было восстановить промышленную систему страны? Как раз в это время Троцкий предлагает наиболее общую, примитивнейшую форму национализации и этиатизации экономики: милитаризация труда, организация рабочих батальонов для работы в индустриальной области.

Следует еще раз подчеркнуть всю важность идеологического фактора в опыте лет военного коммунизма: когда война закончена и страна представляет собой руины, и экономика находится в самом печальном состоянии, о чем всем известно, — большевистская Партия продолжает рассматривать систему военного коммунизма как систему, могущую стать перманентной, в экономическом и социальном отношении, и считает, что эта система и является социализмом; и такое положение должно продолжаться и впредь. Короче, военная экономика — это и есть социализм. Следовательно, мы видим, что этот идеологический фактор играл огромную роль, и к концу войны его роль становится особенно очевидной.

Реальное положение страны.

Кризис, имевший место в марте 1921 года, не сводим лишь к рабочей оппозиции; как раз в то время вспыхнул Кронштадский мятеж, возникали и другие волнения. Все это заставило Ленина пересмотреть свою позицию и ряд мер, которые были приняты перед этим. Об этом много

говорилось в партийной среде, но до марта 1921 года никто и думать не хотел о какой-либо другой политике. Официальная политика, которую все поддерживали, была политикой военного коммунизма, несмотря на некоторые возражения как справа, так и слева, возникавшие во времена гражданской войны.

Каким было в действительности положение страны? Все понимали, что с конца 1918 года изъятие зерна вооруженным путем ни к чему не приводило. В конце 1918 — начале 1919 года большевики отказываются от политики классовой борьбы в деревне, комитетов крестьянской бедноты и изъятий — отказываются в той мере, в какой это было возможно.

Начиная с этого времени экономическая сельскохозяйственная программа сводится к следующему: а/ превратить крестьян в тружеников новой социалистической сельскохозяйственной системы колхозов; эта попытка кончается полнейшим провалом; б/ вести с крестьянами товарообмен, промышленно-мануфактурные товары обменивая на хлеб; этот проект также не совсем удался, поскольку для обмена власти не обладали достаточным количеством товаров широкого потребления и были вынуждены постоянно обращаться к изъятию хлеба вооруженным путем, хорошо понимая, что подобные меры приводят к контрпродукции, как говорят американцы, и порождают черный рынок. Таким образом, властям не удалось разрешить сельскохозяйственный вопрос в продолжение всего периода военного коммунизма, их сельскохозяйственная политика кончилась провалом.

Вот тогда-то Томский и выдвигает следующее предложение: в том, что касается сельского хозяйства, нужно вернуться к экономике свободного рынка; в этом предложении нет ничего удивительного, хотя оно и не было преобладающим в то время. Напротив, большевики продолжают вносить различные новшества, совершают окончательную национализацию, уничтожают денежную систему, разрабатывают милитаризацию труда и т. д. Одним словом, они считают — и в подтверждение этому можно найти многочисленные свидетельства, — что система

военного коммунизма станет социалистической системой России на долгий срок.

Провал военного коммунизма.

В действительности система военного коммунизма кончается полным провалом:

— этот провал заключается в том, что несмотря на бюрократизацию промышленности, национальной продукции и системы распределения, большевикам не удается прийти к созданию планового хозяйства. Промышленная продукция снижается в течение всего периода военного коммунизма, опускаясь до 12 процентов в начале 1921 года по сравнению с довоенными показателями (как уже говорилось, наиболее критическая область промышленности — сталелитейная и угольная, где выпуск продукции снижается до 2,5 процента). Планового хозяйства нет, но сама идея о необходимости его остается:

— крестьянство не было побеждено, сломлено, и в этом также провал большевистской политики. Несмотря на многочисленные крайние средства, примененные против крестьян между 1918 и 1921 г.г., партия большевиков не смогла осуществить сколько-нибудь связную сельскохозяйственную политику. Страна может кое-как существовать лишь из-за официального **товарообмена**, допущенного правительством, то есть благодаря системе крайне примитивной, а также благодаря **изъятию хлеба вооруженным путем**. — мера, которая не всегда осуществима и которая порождает великую ненависть крестьян; и, наконец, не последнее значение имеет **неофициальный товарообмен**, черный рынок.

Таким образом, политика так называемой «смычки», революционного союза крестьян и рабочих, — который на самом деле существовал лишь в большевистской пропаганде, — кончается также провалом. В основном провал сельскохозяйственной политики большевиков вскоре приведет страну к решающему кризису.

2. Кризис 1921 года

Левые тенденции внутри Партии.

Кризис 1921 года оказался еще сложнее. Можно выделить несколько определяющих его элементов, внутри самой Партии, как и вне её, в рабочей среде и в крестьянстве.

Чрезвычайного военного положения уже не было: поэтому внутри Партии выделяется ряд людей — их впоследствии назовут **рабочей оппозицией**, — которые заявляют, что экономика должна управляться органами, близкими к рабочему классу, то есть, профсоюзами: с другой стороны, они начинают поговаривать о восстановлении советов. Перед нами очевидное возрождение левых тенденций, хоть и сдержанное, **внутри самой Партии**. Представители этого направления в основном обращены к профсоюзу, который представляет организованную иерархическую форму представительства рабочего мира, не надо забывать об этом, но в то же время — демократическую форму этого представительства. В этом смысле можно сказать, что внутри Партии возникает умеренная левая тенденция, или, если угодно, зародыш социал-демократии.

Левые тенденции в стране.

И, с другой стороны, левые тенденции воскресают и вне Партии. Тут мы встречаемся с подлинным проявлением левых сил, таким, как, например, Кронштадтское восстание, которым, в основном, руководили эсеры, но также восстания рабочих, крестьян, ставших рабочими, которые претерпели сильное влияние эсеровской идеологии, идеологии меньшевистской: имела также значение память о существовании подлинных советов 1917 и первой половины 1918 г.г. Цель Кронштадтского восстания заключалась в установлении «советов без коммунистов», то

есть демократических советов. Кронштадтское восстание было тем более важным, что Кронштадт находился в двух шагах от Петрограда. Само движение, высшей вспышкой которого стало Кронштадтское восстание, началось забастовочным движением в Петрограде, с которым большевикам удалось довольно быстро расправиться. потому что партийный аппарат работал уже слаженно и также потому, что Кронштадт — остров; по этой причине этот болезненный нарыв лопнул именно там. Но Кронштадтские настроения были широко распространены среди рабочего класса Петрограда, также как среди рабочего класса всей страны.

Совершенно понятно, что в глазах Ленина, Троцкого и всей верхушки партии могла возникнуть связь между умеренными левыми тенденциями внутри Партии, то есть рабочей оппозицией, и стихийными левыми настроениями вне Партии, Кронштадтским восстанием; дело в том, что из среды рабочей оппозиции вышло понятие организованной фракции внутри партии. И если позволить этому «фракционализму» развиваться до конца, эта фракция когда-нибудь переросла бы в партию, пусть даже под «общей крышей» компартии. И как любая политическая партия, она бы искала и набирала единомышленников. А для рабочей оппозиции участники таких восстаний как Кронштадтское были уже готовыми единомышленниками. И если бы большевики допустили рабочую оппозицию сорганизоваться в постоянно действующую фракцию, разрешить издание газеты, то безусловно у рабочих возникли бы единомышленники; и вскоре бы могла возникнуть другая фракция внутри партии, которая защищала бы интересы крестьян, которая выступала бы против изъятия зерна и также требовала легальное издание своей газеты.

Затем эти, скажем, партийные ответвления внутри единственной Партии не только бы представляли своих кандидатов на съезды партии, как это делают все политические организации, но также своих кандидатов на выборы в советы. И если бы большевики дали возможность развиваться этой рабочей оппозиции, со всеми своими единомышленниками, бывшими вне партии, орга-

низованными в постоянно действующие фракции, то мы вернулись бы к плюралистической системе, которую Ленин со своей когортой называл «буржуазной». (Именно в этом заключался весь смысл движения Дубчека в Чехословакии — дать возможность различным организациям, группировкам сорганизоваться внутри Партии, одновременно привлекая единомышленников вне Партии, на заводах и в деревнях, и т. д.) Если бы этот процесс развивался до конца, то вся система стала бы многопартийной, что привело бы коммунизм к концу, поскольку коммунизм основан на существовании единственной Партии, партии тоталитарной и монолитной.

Итак, две эти левые тенденции существовали: умеренная левая тенденция внутри Партии — рабочая оппозиция, и вне Партии — стихийная левая тенденция; существование этих тенденций создавало возможность появления фракций и связи между представителями этих тенденций и возможными единомышленниками вне Партии. Все это составляло зародыш распада монолитной Партии.

В самом начале, до X съезда партии в марте 1921 года ни Ленин, ни Троцкий, ни партийные руководители не отдают себе отчета в этой опасности, не понимая, что появление фракций может оказать серьезные последствия и отразиться на монолитности или «демократическом централизме», в которых заключалась сущность самой Партии. Кронштадтское восстание сразу открывает им глаза, что не только кронштадтские события и подлинные советы недопустимы, ибо они приведут тоталитарную Партию к гибели, но что и фракции внутри Партии являются ничем иным, как распахнутой дверью для событий, подобных Кронштадтскому восстанию. Следовательно, все фракции надо было запретить. Партия по своей природе всегда должна быть «монолитной». Именно в тот момент было пущено это слово. Таким образом, на X съезде партии то, что в период гражданской войны и военного коммунизма было намечено, стало постоянным и определяющим в жизни Партии. С этого времени Партия становится постоянно действующей силой монолитности и «демократического централизма».

Крестьянские волнения».

Существовал и другой аспект кризиса — крестьянские волнения. Поражение сельскохозяйственной политики большевиков было очевидно; в этом поражении заключалась опасность для существования самой Партии. Достаточно указать на восстания в Тамбовской губернии и на крестьянские волнения, прошедшие по всей стране. Они были вызваны тем, что постоянное изъятие вооруженным путем зерна приводило к тому, что страна фактически не могла продолжать такое существование. Ленин видел, что нет непосредственной опасности в том, что возникнет внутри Партии фракция, опирающаяся на крестьянство; не было опасности и в Кронштадтском восстании и в существовании рабочей оппозиции. Но он предвидел другую опасность: в один прекрасный день строптивное и недовольное крестьянство могло бы найти человека, который выражал бы его настроения внутри Партии. Поэтому совершенно необходимо было что-то предпринять для успокоения крестьян. Сверх того, необходимо было также найти средства для прокормления населения, поскольку как раз в это время люди умирали с голода. Необходимо было пойти на некоторую уступку, так начался нэп. В данном случае я отсылаю читателя к уже цитированной книге Э. Карра. В целом, должен сказать, я не согласен с основным анализом его труда, но в ряде деталей он приходит к выводам совершенно справедливым, развивая их с глубокой эрудицией.

Ленин задумывает нэп.

Ленин задумывает нэп столь же быстро, как он задумал военный коммунизм. Первое решение было принято на X съезде партии, относительно создания свободного рынка для продажи излишков хлеба: как только крестьяне справлялись с поставками государству, они имели отныне право продавать излишки. Ленин думал, что этой уступки было совершенно достаточно: крестьяне поставляли государству известную часть, а остальное продава-

ли. Но он быстро обнаружил, что если существует свободный рынок, где продаются зерновые, то необходимо восстановить и денежную систему. Возвращение к экономике свободного рынка в самом её минимальном виде привело к возвращению денежной системы, и в течение 1921 года экономика свободного рынка была восстановлена. Мало-помалу многие предприятия были денационализированы: прежде всего, коммерция, сперва мелкая, затем крупная; была денационализирована изрядная часть легкой промышленности; кооперативы были возвращены прежним пайщикам. В конце года в руках государства остаются лишь ключевые секторы, то есть кредит и тяжелая индустрия.

Но Ленин быстро понял и вынужден был признать, что даже национализированный сектор, остававшийся значительным, начал функционировать сообразно с экономикой свободного рынка. Таким образом, меньше чем за год (между мартом 1921 и декабрем 1921) Ленин соорудил вторую экономическую систему — после сооружения первой, которая называется военным коммунизмом; эта система **смешанной экономики**, в которой существует огромный общественный сектор, но всё действует по системе рыночной экономики. Государство использует кредиты и налоги для собственных нужд в сфере рынка, не доводя до крайности свою программу. Это положение было нечто вроде простейшей формы кейнезианства, с национализацией впридачу, которая не входит в систему Кейнса. Подобная система до тех пор не существовала.

Таким образом, во время кризиса 1921 года Ленин и большевики совершают две противоречивые вещи:

1. С одной стороны, они сохраняют **политическую систему**, то есть идеократическую всеобщую бюрократию, Партию-Государство, созданную во время гражданской войны. Они укрепляют эту систему и придают ей постоянный характер, впервые за все время печатая резолюции против существования фракций, создавая культ монолитной партии и используя принцип «демократического централизма». До 1925 года Партия, однако, сохраняет некоторый демократический характер, в том смысле, что партийные съезды организуются демократи-

ческим образом — более или менее — и секретари местных партийных организаций играют определяющую роль в выборе делегатов. Еще нет того генерального секретаря подобного Сталину, который будет самолично назначать этих делегатов. Эти съезды собираются каждый год и они представляют различные части страны. Лишь с 1925 года Партия будет руководиться исключительно генеральным секретарем. Во время кризиса 1921 года система монолитной Партии еще более укрепилась и обрела свою постоянную форму, и уже отчетливо видны все элементы будущей диктатуры генерального секретаря Партии; все это останется как основная база советского общества.

2. С другой же стороны, несмотря на национализацию некоторых ключевых секторов, происходит возвращение рыночной экономики. Но ведь такая экономика находится в глубоком противоречии с Партией-Государством: если рыночную систему оставить свободной, поздно или рано эта экономика приведет к социальному плюрализму, который непременно приведет к плюрализму политическому. Но единственная Партия, монолитная Партия-Государство, выраженная во всеобщей бюрократии, не может по своей сущности допустить политический плюрализм. Следовательно, и экономический плюрализм она допустить не может.

Тот выход, который наскоро сочинил Ленин, снова был противоречием в терминах: единственная Партия должна была сосуществовать с рыночной экономикой. Однако это противоречие существовало довольно долго, прежде чем довести ситуацию до взрыва. Прежде всего, в 1921 году положение в стране было столь тяжелым, что рыночная экономика была абсолютно необходима для восстановления хозяйства, для того, чтобы люди не умирали с голоду; и надо сказать, что количество умерших было огромным — в 1921 — 1922 г.г. на Россию обрушился голод. Следовательно, вначале, когда все ограничения периода военного коммунизма были аннулированы, с тем, чтобы как можно скорее восстановить сельское хозяйство, рыночная экономика была жизненной необходимостью. С течением времени такие меры должны были

прийти в противоречие с Партией-Государством. Лишь в 1924 году сельское хозяйство оказывается способным прокормить страну — пришлось потратить три года на её восстановление. И в конце 1924 года эта новая экономика рынка начинает нормально функционировать; наконец более или менее, страна снабжена зерном, мясом и другими продуктами питания.

Затем следуют три года нэпа, относительно нормальные — с 1924 по 1927 г. В 1927 году промышленность и сельское хозяйство с трудом достигают показателей валовой продукции 1913 года (учитывая территориальные потери, достигнуто 90 процентов показателей промышленности 1913 года и почти 100 процентов сельского хозяйства.). Следует признать, что достигнутый результат, после десяти лет революции равнявшийся уровню 1913 года, был далеко не блестящим.

Трудности нэпа.

Именно в этот период начинают появляться неизбежные противоречия; причина заключалась в том, что в 1927 г. наиболее легкий период нэпа закончился. Смысл этого периода заключался в том, чтобы поставить на ноги сельское хозяйство. Надо было снова создать удовлетворительное количество товаров широкого потребления, по умеренной цене, с твердым рублем, — всё это стимулировало крестьян к производству сельскохозяйственных продуктов. Затем нужно было оживить индустриальную промышленность. Эта задача требовала, разумеется, известных капиталовложений, но отнюдь не астрономические суммы. Для капиталовложений в области промышленности можно было обойтись и суммами относительно небольшими, в соответствии с национальным доходом. Одним словом, оказалось возможным одновременно осуществить выпуск товаров широкого потребления для стимуляции крестьянского труда и, соответственно, увеличения продажи хлеба на рынках, и найти необходимые средства для восстановления промышленного оборудования, унаследованного от старого режима.

Но в 1921 году наступает кризис, который разражается автоматически. Промышленное оборудование страны не обновлялось с 1913 года; оно было устарелым, изношенным. Для обновления оборудования требовались расходы значительно более высокие чем те, благодаря которым промышленность с грехом-пополам налаживалась. К тому же власть объявила себя рабочей и социалистической; было около двух миллионов безработных. Существование социалистического государства предполагало увеличение темпов роста индустрии, изобилие товаров, работу для безработных, увеличение промышленной продукции и, наконец, замену оборудования, полностью изношенного, что стоило довольно дорого. Нужны были огромные капиталовложения, какой бы при этом ни была политика правительства, лишь по элементарной логике вещей.

Надо было вложить большие средства в тяжелую промышленность и в промышленное оборудование. Но если основные капиталовложения были бы направлены в сторону тяжелой промышленности, то автоматически пришлось бы снизить выпуск товаров широкого потребления. А это снова приводило к возникновению напряженности с крестьянством.

То обстоятельство, что существовало значительное количество крестьян-землевладельцев (то есть больше не было огромных засеваемых территорий, легко контролируемых, которые существовали раньше; ныне хлебные поставки на рынок осуществляли крестьяне, владельцы небольших участков земли, трудно поддававшихся контролю), работавших в условиях рыночной экономики, привело к тому, что крестьянство получило возможность тормозить экономическую машину. Это в конечном итоге и привело к кризису.

Вопрос этот сложен. Напомню следующее: исчезновение крупных угодий, демократический раздел, сельскохозяйственная реформа 1917 — 1918 г.г. привели к экономической катастрофе, которая отнюдь не облегчила проблему промышленного роста. К тому же внутренняя система налогов была нарушена, система, которая в прошлом успешно поглощала прибавочную стоимость кре-

стьянского труда (от монополии на водку до самых различных налогов: на соль, сахар, спички и т. д.) Другое отрицательное обстоятельство заключалось в том, что крестьяне слишком часто были вынуждены либо арендовать землю, либо работать в крупных имениях как поденщики, что вынуждало владельцев крупных имений играть роль посредников в налоговом контроле крестьянства. Как только вся эта система налогов старого режима была уничтожена, советское государство не смогло установить налоговую систему, подобную старой, чтобы обложить налогом всех мелких землевладельцев, тем более, что свежее воспоминание о изъятиях хлеба вооруженным путём было еще у всех на уме. Каждый раз, когда государство было готово предпринять крайние меры, возникала опасность, что крестьяне перестанут производить сельскохозяйственные продукты. И даже если бы государство к таким мерам не обращалось, всегда существовал некий риск, что вместо продажи зерна на рынках крестьяне предпочтут, по тем или иным причинам, использовать зерно в качестве силоса.

По всем этим причинам экономическое положение было гораздо более трудным для советского правительства, чем, скажем, для правительства Витте в свое время. Возвращение к экономике рынка, которое было необходимо большевикам для восстановления хозяйства, вынудило Партию, эту Партию-Государство, с её всеобщей бюрократией, склониться перед волей крестьянства. — волей, которая была выражена в привязанности к свободному рынку. Таково было противоречие системы.

3. Возможные разрешения

Политика Троцкого.

Какая политика могла быть осуществима в то время? Один из вариантов был предложен Сталиным — в основ-

ном эта политика вытекала из некоторых идей Троцкого. Но были и другие возможные разрешения, в частности Бухарина.

В эту эпоху ведутся многочисленные дебаты об индустриализации (см. превосходную книгу Эрлиха «Спор об индустриализации»¹). Эти дебаты в основном происходят в троцкистских кругах. Участники этих дебатов относительно быстро приходят к выводу, что нэп в сущности находится в противоречии с социалистическим обществом и принципом планирования. Эти люди первыми, теоретически и практически, извлекают выводы из военного коммунизма, который они считают неудавшимся. С другой стороны, они считают, что национализированная, этатизированная, планифицированная экономика несет в себе основные черты социалистической экономики.

Каким же образом можно прийти к социализму, раз эта знаменитая немецкая революция, которая должна была принести с собой и капиталы, и изобилие, так и не произошла? Значит, следовало приступить к первоначальному социалистическому накоплению капитала. А по поводу этого вопроса мы можем проконсультроваться с Марксом, в последней главе первого тома «Капитала». Это первоначальное накопление должно исходить из экспроприации крестьян. Маркс описывает с большим красноречием, каким образом капиталисты конфисковали всё сельскохозяйственное богатство Англии, и что это послужило базой для индустриализации:

1. Компенсировавший использованный капитал.
2. Лишая крестьян почвы, что облегчает их переход в рабочий класс.

Разумеется, говорилось тогда, что при социализме это накопление не будет осуществлено столь жестоко, как это было в капиталистической Англии. Тем не менее, участники дебатов приходят к выводу, что и в России нужно осуществить нечто аналогичное. Эти люди сохраняют утопическую веру в то, что при социалистической власти, рост индустриальной промышленности, идущий в ногу с

1. Alexander Erlich. «The Soviet Industrialization Debate, 1924-1928». Cambridge, Mass., 1960.

сельскохозяйственной коллективизацией (даже учитывая, что в самом начале будут приняты некоторые принудительные меры), создаст чрезвычайно быстро изобилие, которое вознаградит крестьян и примирит с коллективными формами сельского хозяйства.

Значит, предполагается первоначальное накопление капитала совместно с осуществлением коллективизации, настоящей социалистической формой сельского хозяйства. Эта социалистическая форма увеличит выпуск сельскохозяйственной продукции, что позволит разрешить проблему снабжения страны. Одновременно возрастет объем промышленной продукции, значит, увеличится выпуск товаров широкого потребления, легкая промышленность будет развита и т. д. Таким образом можно будет удовлетворить потребности и крестьян и рабочих.

Это первоначальное накопление капитала, пусть и осуществленное довольно суровыми мерами (и Троцкий, и Преображенский это признавали), приведет к тому, к чему капиталистическое накопление не могло привести: к жизненному процветанию, к социализму; это будет осуществлено в короткий срок и этими благами будут пользоваться все. Таким образом, теории планификации сельского хозяйства предшествовала длительная работа по её подготовке, обсуждались её связи с промышленностью и то обстоятельство, что первоначальное накопление социалистического капитала предстояло осуществить на крестьянском горбу.

Разумеется, троцкисты из Госплана считали, что хотя вся тяжесть падет на крестьян, но эта операция будет значительно легче той, что была в эпоху капитализма. Эта троцкистская программа медленно разрабатывалась в течение двадцатых годов и была включена в 1927 году в первый пятилетний план. Издали может показаться, что это обсуждение не затрагивало в прямом отношении борьбу за власть. Но тщетно думать, что и Сталин и Троцкий боролись по поводу строительства социализма в одной стране, перманентной революции или по причинам социального планирования. Все эти аргументы, которые использовались в полемике, были, в сущности, формой борьбы за власть. Троцкистская программа разрабаты-

валась исподволь и в итоге, в несколько искаженном виде, была применена Сталиным.

Вот такой была троцкистская политика по отношению к этому кризису, который развивался в 1927 — 1929 г.г., три года кризиса, совпадающие с тремя последними годами нэпа. Эта политика, впоследствии осуществленная Сталиным, представляет собой форму военного коммунизма, но более обдуманного, разработанного, к которому теперь подведена теория планирования, накопления капитала и распределения капиталовложений. Само собой разумеется, что развитие событий далеко отстояло от этого плана, поскольку вообще интегральная планификация невозможна.

Решение Бухарина.

Совсем другое решение этой проблемы было предложено Бухариным — решение, которое представляло собой утопию, поддерживаемую некоторой частью оппозиции; этой же утопии придерживаются некоторые западные историки — либералы и социал-демократы, в частности С. Коэн, специалист по политическим наукам Принстонского университета, автор прекрасно составленной биографии Бухарина (С. Коэн. «Николай Бухарин. История жизни одного большевика.» Фр. изд. 1979 г.)

В чем заключалась суть бухаринского решения? В некотором отношении — возврат к политике Столыпина, попытка опереться на сильного крестьянина, на кулака. Бухарин всего лишь хотел использовать появление рыночной экономики для того, чтобы окончательно решить вопрос снабжения страны сельскохозяйственными продуктами и предоставить крестьянам экономический стимул для того, чтобы они больше поставляли зерна.

Положение в 1927 — 1928 г.г. становилось поистине драматическим. В деревнях снова не хватало зерна, пришлось в 1928 году закупать его за границей. Крестьяне снова резко сократили продукцию. В такой ситуации Бухарин приходит к довольно простой мысли: «Применение силы крестьянству ничего не дает. Продолжать эту

политику — означает снова свергнуть страну в самую глухую неразбериху времен военного коммунизма. Нужно стимулировать крестьянский труд, создать выбор товаров широкого потребления, приспособиться к рыночной экономике и осуществить необходимые капиталовложения в то, что требует этот рынок, иначе говоря, крестьянин».

Но как одновременно разрешить и неотложный вопрос, касающийся промышленности? Мы уже говорили, что после 1927 года, лишь для того, чтобы эта промышленность кое-как работала, пришлось сменить значительную часть промышленного оборудования, и только для того, чтобы поддерживать этот промышленный процесс, нужны были значительные капиталовложения. Где уж тут было думать о строительстве социализма!

Где можно отыскать необходимые капиталовложения? Та прибыль, которую можно было получить с крестьянского рынка, была бы слишком незначительной для финансирования развития промышленности. Схема Бухарина предполагала обращение к загранице. Но когда хотят получить заём за границей, то прежде всего необходимо представить гарантии выплаты прибыли. Следовательно, для этого России нужно было вернуться в сферу мирового рынка. По схеме Бухарина, в сущности, происходит ставка на рыночную экономику внутри страны: Россия частично возвращается к международному рынку; затем страна предоставляет ряд концессий иностранцам, как это делали китайцы в то же время.

Но по понятиям Бухарина, недоверчивость и подозрительность крестьян исходили не только из экономических причин. Крестьяне нуждались в гарантии того, что политика рыночной экономики останется необратимой. И единственное средство убедить их в этой необратимости заключалось в предоставлении им права создания сельских советов, настоящих деревенских советов, в которые крестьяне сами могли выбирать своих депутатов.

Но делать ставку на рыночную экономику в отношении государства с крестьянством означало появление политического плюрализма; то есть, крестьянские Советы, рано

или поздно, могли бы превратиться в своего рода крестьянскую партию и, безо всякого сомнения, в партию наиболее мятежную — даже если бы она составляла официально часть большевиков Партии.

Если бы крестьяне имели свои собственные советы и свою группировку внутри большевистской партии, то на каком основании можно было отказать рабочим в создании таких же групп? Стало быть, ставка на рыночную экономику — в том виде, в каком её уточнял Бухарин, — была бы первым шагом на пути к политическому плюрализму, то есть к созданию крестьянской политической группы и сельских советов, что привело бы к возникновению фракций и к разложению большевистской Партии на различные рабочие, крестьянские и прочие партии.

Кризис 1927-28-29 годов показал, что рыночная экономика, совершенно необходимая в начале двадцатых годов, оказавшаяся спасительной на короткий срок в середине двадцатых годов, представляет смертельную угрозу для Партии-Государства, Партии всеобщей идеократической бюрократии, потому что система экономики свободного рынка заключала зародыш политического плюрализма, разложения Партии и, следовательно, всей системы.

Вот почему, в основных чертах, ни Сталин, ни подавляющее большинство представителей Партии не могли принять этого решения Бухарина. Из-за существования Партии-Государства всё это решение становилось лишь утопией. Разумеется, при другом политическом режиме бухаринское решение могло быть совершенно реальным. Утопичность его предложения была в политическом, а не экономическом отношении; для Партии большевиков, в том виде, в каком она была создана Лениным в течение военного коммунизма, укреплена и отлита в цельный монолит на X съезде партии в 1921 году, для такой Партии предложение Бухарина было неприемлемо: более того, оно означало самоубийство для всей партийной системы.

В экономическом отношении решение Бухарина стоило бы России куда дешевле, чем сталинская политика по отношению к крестьянам, и могло бы вызвать экономичес-

кое развитие всей России так же быстро, как и сталинское. Но по политическим соображениям, которые в советской стране всегда превалировали над экономическими, — бухаринский вариант был отброшен безо всякого серьезного рассмотрения. Партия, составленная к тому времени из миллиона Буденных, Ворошиловых, Сталиных и т. д., то есть миллиона бывших унтер-офицеров, полуграмотных, полуобразованных, держалась за монополию Партии-Государства и повсюду учреждала идеократическую бюрократию.

Значит, решение Бухарина было отброшено и было замещено карикатурой троцкистского варианта. Но как только осуществился этот троцкистский вариант, он стал на деле карикатурой на самоё себя, ибо, по ряду причин, он отнюдь не мог развиваться по стройным схемам, которые разработали госплановские мыслители. Прочно устроившись, Партия поглощает всё: так как старое общество исчезло, Партия главенствует и в политике, и в области социальной жизни. Партия осуществляет экономическую надстройку. Партия творит общество. В конечном итоге можно сказать, что общество в Советском Союзе и сведено к некой надстройке, базисом которой является Партия.

Происхождение сталинизма, или победа идеократической бюрократии

Распад нэпа начинается в 1927 году и достигает кульминационной точки к 1929 году в тот период, который называют «великим поворотом» в сторону насильственной коллективизации. Этот распад был неизбежен не в метаисторическом смысле (неизбежный результат развития истории или идей), но лишь по причине экономических структур, возникших во время революции, а также по причине природы этой Партии-Государства, или, скажем, всеобщей идеократической бюрократии. Между Партией и экономикой свободного рынка, пусть частичной, неизбежно должен был разразиться конфликт.

В конечном итоге, нэп не мог функционировать ни как подлинная экономика свободного рынка (чему дано эмпирическое доказательство за последние пятьдесят с лишним лет), ни как частичная рыночная экономика, подчиненная общественному сектору, планируемому государством, из-за того значения, которое приписывала эта единственная Партия самой себе, из-за этой всеобщей идеократической бюрократии, постоянно вмешивающейся в работу свободного рынка, а также по причине политического и социального напряжения, существовавшего между Партией и обществом (в особенности, крестьянством). Словом, конфликт был неизбежен, и следовало что то предпринять.

И была предпринята сталинская революция сверху (1929, 1933, 1934 г.г.), которая в конечном итоге и создала то советское общество, каким мы знаем его сегодня. Сегодня государство обходится с меньшим кровопролитием, чем в тридцатые годы, радиус террора сократился, но основные структуры общества остаются такими, какими они были созданы Сталиным между 1929 и 1933 — 1934 г.г. или, точнее говоря, какими Сталин тогда наспех и наскоро их замыслил.

Важно отметить, что еще раз очередная политика была сымпровизирована. Сначала было сымпровизировано создание советской системы, то есть Партии-Государства и военного коммунизма, затем в 1921 году — нэп, эта полусвободная рыночная система, и вот в третий раз партия приступила к очередной импровизации — к осуществлению одного из решающих поворотов советского режима.

Каким же образом этот решающий поворот был сымпровизирован? Что именно подтолкнуло к нему? Чем объясняются достигнутые результаты этого процесса? Все это надлежит нам проанализировать.

Сталинское общество или возобновление военного коммунизма.

По своей сущности сталинское общество, созданное в 1929 году, представляет собой возобновление образа действий военного коммунизма или возобновление его основных принципов. Можно сказать, что это возобновление оказалось успешным в том отношении, что оно стало длительным и даже — в ограниченной мере — эффективным, говоря иначе, сталинская экономика функционирует достаточно слаженно для обеспечения роста промышленного производства. Если в основном показатели этого роста не превосходят показателей роста высокоразвитых капиталистических стран, то в некоторых промышленных областях они почти сравнимы. Рост промышленного производства тридцатых годов был тем же самым, который был достигнут графом Витте в девяностые годы прошлого века. в течение двух или трех лет.

Правда, уровень этого роста значительно уступает промышленному послевоенному росту Западной Германии. Тем не менее нужно признать, что не представляя ничего сверхобычного в течение всего сталинского периода, этот промышленный рост принес весьма отчетливые результаты.

Основной элемент, который нужно проанализировать, заключается в том, что в противоположность нэпу сталинская система смогла обеспечить длительный рост промышленного производства. Нэп явился относительным поражением, поскольку не было промышленного роста в области тяжелой индустрии, тогда как в сталинский период этот рост был, во всяком случае в ключевых секторах хозяйства, несмотря на нерентабельность этого роста и совершенно непомерную цену, которую пришлось за него заплатить. Другой признак этого относительного успеха: начиная с 1933 — 1934 г.г. мы больше не видим достаточно мощных кризисов в экономике, которые бы заставили, как это было в 1921 году, государство пойти на попятную.

И, наконец, последнее обстоятельство, которое подтверждает «успех» сталинской политики: сталинская революция, осуществленная сверху, возвращение к военному коммунизму были достаточно сильными, чтобы полностью этатизировать крестьянство.

Как мы видели, военный коммунизм был в основном поражением экономической политики как раз из-за крестьянства, которое подчинялось этой политике лишь, когда большевики применяли вооруженную силу. Вместе с понижением роста промышленной продукции сопротивление крестьян было одной из важнейших причин, по которой Ленин отказался от нэпа. В 1929 г. Сталину удастся окончательно обуздать крестьянство как независимый, самостоятельный класс и впервые этот класс становится этатизированным, почти приравненным к государственным служащим. Сталин не возродил крепостное право в том виде, в каком оно существовало в старой России: это была новая форма крепостного права, на службе современного Государства.

Можно задать следующий вопрос: почему экономический кризис 1927 — 1929 г.г. (знаменитые «ножницы»), который был столь же глубоким, как и военный, имел иные последствия? Почему Сталину удалось выйти победителем там, где его предшественники потерпели поражение?

Между 1921 и 1929 годом работа партийного аппарата значительно улучшилась. В период Ленина этот аппарат представлялся, так сказать, еще наброском, разумеется, со всеми своими основными чертами, но еще далекий от слаженно работающего учреждения. Когда Сталин предпринимает борьбу против крестьянства, этот аппарат не только полностью легализован, но и существует уже монолитная Партия-Государство, новое и слаженное оружие.

С другой стороны, возрастает в значительных размерах численное количество Партии, которое сопровождается периодическими чистками. В конце двадцатых годов — перед нами Партия вдвое многочисленней и вдвое дисциплинированней, чем в начале двадцатых годов. Вспомним, что во время гражданской войны немало волков забралось в овчарню компартии. Многие из них присоединялись к партии безо всякого идеологического убеждения: просто во время гражданской войны быть членом партии имело свое преимущество. Короче, они отнюдь не были убежденными коммунистами.

В начале 1921 года общее число членов Партии возросло к 600,000. Ленин предпринимает чистку, или, скажем, очистку Партии: более 100,000 членов исключены из Партии в 1921 году. В Партии остаются лишь убежденные коммунисты типа Буденного, Хрущева и т. д. У Партии есть теперь возможность посвятить свою энергию формированию своих членов. Вот таким образом возникает категория **партийных**; быть партийным — стало автоматически означать жизненную карьеру, во всяком случае на высших ступенях Партии.

В течение двадцатых годов чистки совершаются периодически, чаще всего по идеологическим причинам, как это было с Троцким или Каменевым. Знаменитая резолюция X съезда, направленная против различных группиро-

вок, дает Партии возможность освободиться от любой формы оппозиции. Тот, кто сразу же публично не раскаивается, исключается из Партии. Некоторые чистки направлены также против рвачей.

Параллельно этой чистке предпринимаются настоящие кампании по вербовке будущих членов; но эта вербовка осуществляется уже довольно выборочно. Прежде всего — после 1921 года — надо стать кандидатом в члены партии. Для этого нужно было либо состоять в комсомоле, либо получить рекомендацию от члена партии. Таких кампаний было несколько в течение двадцатых годов — вспомним, например, «ленинский набор» (после смерти Ленина в 1924 г.)

Эти новые члены партии являются в основном людьми типа Хрущева — бывшие мелкие управляющие, бывшие унтер-офицеры. Эти люди мечтают о быстром социальном восхождении. Все они более или менее простого происхождения, но в тот момент, когда они вступали в партию, они уже не принадлежали ни к рабочим, ни к крестьянским слоям. Разумеется, они не принадлежали к слоям старой буржуазии; но тут следует еще раз вспомнить, что те анкеты, которые каждый член Партии должен был заполнить, с указанием социального происхождения, отнюдь не отличались строгой правдивостью — многие были заинтересованы выдать себя за потомков пролетариев. Вполне возможно, что немало из этих вновь вступивших в партию в известный момент своей жизни действительно некоторое время работали на заводах. В то время Партия осуществляет крупный набор новых членов среди квалифицированных рабочих, которые хотели пробиться к управляющим должностям и поэтому охотно принимали идеологию и партийную формуацию.

Для партийного обучения всех этих новых членов Партии надо было по-новому преподнести идеологию: читать всего Маркса или всего Ленина — работа слишком долгая, сложная, требующая серьезного умственного напряжения. Их труды часто ссылались на забытые проблемы XIX или XX в.в. Для этих новых **партийных** требовалось что-то более простое и непосредственное. Поэтому в то время книги, которые имеют наибольший успех в партий-

ной среде. — это «Азбука коммунизма» Бухарина и «Вопросы ленинизма» Сталина. Эти работы предназначались для членов партии, которые не читали объемистых томов «Капитала», но охотно обращались к удобочитаемым кратким изложениям. Сверх того, издавалось большое количество всякого рода популярных книжек, предназначенных для беспартийных.

Обо всем этом нужно помнить, чтобы понять положение, в котором была страна в 1929 году. Партия насчитывает чуть больше миллиона членов. Это — колоссальный аппарат, отнюдь не похожий на скопление 500.000 — 600.000 человек, в спешке набранных Лениным в конце гражданской войны. Ныне — это армия партийных, состоящая из 1.200.000 человек, притом тщательно выбранных, натасканных, распропагандированных. Одним словом, перед нами крайне эффективный инструмент.

В некотором смысле Сталин является совершенно естественным вождем этой новой Партии, состав которой не имеет ничего общего со старыми революционерами и теоретиками. Троцкий — настоящий марксист в том смысле, что он штудировал произведения Маркса, у него всегда возникают спекулятивные проблемы, связанные с марксизмом, он ищет способ приложить марксизм к каждому новым обстоятельствам исторической обстановки. То же самое можно сказать и о Ленине, который в 1917 году испытывает потребность написать совершенно теоретическую книгу «Государство и Революция», которая выражает его поддержку советам — не захвату власти, которую совершили советы, но советам как таковым. У Сталина и его сторонников в конце двадцатых годов мы ничего подобного не найдем.

Таким образом, заявление, что Сталин является естественным вождем этой Партии, связано лишь с тем, что такой Партии нужен был человек сталинского типа: относительно простой, но способный держать в своих руках пост генерального секретаря. И заметим: было совершенно логично, что в то время таким вождем стал Сталин, человек сравнительно популярный в Партии, ловкий и способный говорить со всеми этими новобранцами Пар-

тии типа Хрущева. — а не Троцкий, Бухарин, Зиновьев, с их немецкими цитатами из Гете и диалектической сноровкой¹.

Политическая жизнь Партии.

Как складывалась политическая жизнь Партии в двадцатых годах?

История и различные перипетии борьбы Ленина за власть хорошо известны. Но, чтобы понять решающий поворот 1929 года, нужно сначала рассмотреть период от 1923 до 1924 г., то есть период между первой болезнью Ленина и его смертью. В это время Ленин, Троцкий, а также ряд других влиятельных членов Партии осознают, что Партия стала бюрократической. Бюрократия — явление отрицательное и против неё надо бороться. Ленин приходит и к еще одному выводу. Он предчувствует, что оставлять на посту этого «грубияна» Йосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина, — опасно.

Эти два обстоятельства часто дают повод думать, что если бы Ленин вскоре не умер, Партия не превратилась бы в жесткую бюрократическую организацию; если бы у Ленина хватило времени заменить Сталина Троцким, от скольких бы несчастий убереглась Россия!

Справедливы ли подобные запоздалые надежды? Откровенно говоря, единственное средство, которым мог бы располагать Ленин, заключалось бы в создании контролируемой бюрократии, — но от самой бюрократической

1. Чтобы понять, каким образом марксизм распространяется в мире, можно остановиться на примере Мао Дзе-дуна, довольно показательном. Как это ни странно, Мао «обратился» в коммунистическую веру довольно поздно. Лишь в 1921 г., после того, как он не выдержал экзамена на звание мандарина, он вступает в партию. Он не владеет никаким иностранным языком и до 1936 г. он прочитал лишь две книги классиков марксизма-ленинизма: «Коммунистический Манифест» и «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленина. В то время лишь эти работы были переведены на китайский язык. Правда, потом, после 1936 г., СССР стал издавать классиков марксизма-ленинизма и по-китайски. Но уж в эту эпоху Мао был вождем мощного коммунистического движения и его историческое значение было уже установлено.

Вот почему можно сказать, что как только творческая стадия создания идеологии проходит, стадия, которая затрагивает небольшой круг людей, то затем наступает полное преобладание стадии вульгаризации и пропаганды. Это видно в сталинском случае, еще более наглядно — в случае с Мао.

системы Ленин отказаться бы не смог. По своему происхождению и по своей сущности Партия является всеобщей идеократической бюрократией. Осознание этого положения не могло ничего изменить. Проживи Ленин еще сто лет, создавшееся положение принципиально бы не изменилось. И если бы грубый грузин был заменен кем-нибудь, имевшим более изящные манеры, по своей сущности положение осталось бы тем же самым.

На деле вся система имела свою собственную логику, суть которой заключалась в том, что в ней осуществлялось авторитарное управление сверху вниз. С одной стороны, мы видим крайне централизованную бюрократию, унаследованную от революции, и с другой стороны — постоянное осадное положение (ибо Партия чувствует себя в осадном положении, окруженная враждебным отношением большинства народа); всё это совершенно исключало возникновение основы демократии. Без авторитарного централизованного бюрократизма все бы погибло. Вот поэтому борьба против бюрократии длится лишь до 1924 года; она совершенно бесплодна.

В 1924 — 1925 г.г. главную заботу Партии составляет не нэп, от которого уже готовы отказаться, а вопрос о наследовании власти. До 1925 года борьба развивается относительно свободно, демократический централизм, нормы которого определены Лениным на X съезде Партии в 1921 году, играет свою роль. Короче говоря, возникают различные группы.

Троцкий и так называемая левая оппозиция уже открыто говорят о том, что необходимо отказаться от нэпа, начать индустриализацию и коллективизацию. Даже если в данном случае было больше воззваний и лозунгов, для выделения собственной группы, чем намерения всё это осуществить, все же в такой деятельности можно видеть зародыш более демократической жизни.

Рядом с левой оппозицией следует отметить создание различных местных групп: группа Каменева в Москве, Зиновьева — в Ленинграде. Этим группам удастся протолкнуть своих делегатов. Конечно, все это далеко от свободной политической борьбы, в которой любой канди-

дат может стать делегатом на партийный съезд; но тем не менее налицо различные группы, оживление в период выборов.

В 1925 году мы видим несколько групп, которые, сговорившись между собой, могли и даже пытались получить большинство на Всесоюзном съезде партии (до 1925 года такие съезды собирались каждый год). Стало быть, демократический централизм действовал; можно даже сказать, что в результате демократической процедуры — в ленинском смысле этого слова — Троцкий потерпел поражение в 1924 году.

Действительно, Троцкий потерпел поражение потому, что вёл тогда свою политическую борьбу слишком уж по-ленински. Он ограничивает предвыборную кампанию только внутрипартийными кругами. Еще до съезда, не организовав как следует свою группу, он перестает обращаться непосредственно к народу; время от времени на страницах «Правды» появляются его статьи. В 1924 году возможность взять власть в свои руки у него была не меньшая, чем у Сталина. За несколько недель до начала съезда он совершает ошибку, выступая *ad hominem* против Зиновьева и Каменева; даже если у него были основания это делать, в период предвыборной кампании выступать с подобными атаками — серьезная ошибка. В общем, он скверно организовал свою предвыборную кампанию; когда он терпит поражение на съезде, он заявляет с удивительной наивностью: «Партия всегда права, я склоняюсь и принимаю её решение». Таково поражение Троцкого, которое он терпит по всем правилам демократического централизма.

Почему Троцкий не был настроен более воинственно? Дело в том, что он наивно полагал, что поражение экономической политики «тройки» (Сталин, Зиновьев, Каменев) заставит следующий съезд партии обратиться именно к нему — процесс такого чередования был характерен для ленинской Партии. Троцкий размышлял по принципам демократического централизма, считая, что поражения должны приводить к смене руководства, тогда как при большевистском режиме поражения той или иной политики вели к усилению власти путем ожесточения полити-

ческой борьбы. Прежде чем испытать окончательное поражение, Троцкий дважды проигрывает — в 1923 и 1924 г.г. Вероятно, он так и не понял природу той борьбы, в которой он участвовал.

К тому времени эта левая тоталитарная система еще не проявила себя окончательно. Многие еще не понимали, что в ней таится. Весь политический опыт Троцкого оформлялся в условиях, которые можно назвать «буржуазными». Подобно тому как после поражения во Франции политики Пэнлэва, её создатель был уволен и вместо него обратились к Клемансо, — вот так же и Троцкий считал, что после провала экономической политики «тройки» Партия, естественно, обратится к нему и на следующем съезде он, Троцкий, снова возьмёт власть в свои руки. Этот расчет был крайне наивен. Однако никто, в том числе и Сталин, не предполагали, какой сложнейший механизм создавался в то время. Лишь в 1929 году полностью обнаружилось его действие. Но тогда уже было поздно противоборствовать, всевозможное инакомыслие внутри Партии было навсегда уничтожено. Эта постепенная установка сложнейшего механизма Партии была столь же важной, как количественное возрастание Партии и идеологическая обработка её членов в двадцатых годах.

Каким образом развивалась эта операция с тактической точки зрения? Двое из политиков, помогавших Сталину нанести Троцкому поражение, заключили такой союз для того, чтобы помешать этому Бонапарту одержать верх. Союз между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым являлся политическим маневром для уничтожения наиболее опасного соперника. В это время Бухарин и его группа занимались экономикой и налаживанием нэпа: он не обращал никакого внимания на эти внутренние распри. Но как только Троцкий в декабре 1925 года на XIV съезде партии терпит поражение, Сталин, с помощью Бухарина, начинает вести борьбу против Зиновьева и Каменева с тем, чтобы в свою очередь одержать победу и над ними.

Почему Бухарин поддался этому обману? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, что Зи-

новьев и Каменев, выдвигая свою программу построения нового общества и прежде всего ведя борьбу со Сталиным, были вынуждены пуститься в чрезмерные обещания относительно промышленного роста, планирования, будущего нэпа и т. д.; они были готовы, чтобы избавиться от Сталина, немедленно начать и коллективизацию, и индустриализацию, и осуществлять повсеместное планирование. Оказавшись перед такими совсем не реалистическими проектами, Бухарин, бывший ответственным за балансные платежи, устойчивость рубля, хорошо понимавший, что существовавшая экономика вряд ли бы выдержала тяжесть таких мер, в 1925 году переходит на сторону Сталина, в надежде сохранения экономической стабильности. Эта поддержка Бухарина обеспечивает Сталину подавляющее большинство. На XIV съезде Партии Бухарин самолично выступает с яростной обвинительной речью против Каменева и Зиновьева, давая, таким образом, Сталину возможность показать себя умелым посредником и умеренным политиком. Товарищ Бухарин, в сущности, имеет все основания возвысить свой голос против несколько авантюристических экономических проектов, говорит Сталин, но когда он требует исключить из состава Политбюро Зиновьева и Каменева, которые так много сделали для Партии, он переходит все границы. В этом деле Сталин выступает, действительно, как в высшей степени умеренный политик, государственный человек, заботящийся о единстве Партии!

Таким образом, до 1925 года мы видим, как продолжается эта псевдопарламентская игра, которая, правда, уже совершается в тяжелой атмосфере монолитной ленинской Партии. Эта классическая политическая игра существует лишь потому, что тоталитаризм еще не созрел. Но когда с Зиновьевым и Каменевым будет покончено, в 1925 году, исчезает возможность оппозиции вообще. Дальнейшее, по словам Шекспира, лишь эпилог. И когда в 1927 году две группы побежденных — Троцкий, Зиновьев и Каменев — объединяются, образуя левую оппозицию против Сталина, уже слишком поздно².

2. Для левой оппозиции была характерна та же программа: остановить нэп и, не мешкая, приступить к осуществлению коллективизации и индустриализации.

В этом же 1927 года разражается и второй кризис³. С ослаблением нэпа сокращается выпуск сельскохозяйственной продукции; вся экономика снова на краю гибели. Вот тогда Троцкий и обращается со своим «воззванием Клемансо». Он заявляет, что положение страны — такое же, как во Франции в 1917: враг у ворот, нужно, стало быть, сменить все руководство, точнее говоря, партийное руководство. Но Партия теперь является монолитной машиной, находящейся в руках Сталина. Бухарин — Томский — Рыков, будущая правая оппозиция, не контролируют внутренний механизм Партии, как могли бы это сделать в свое время Троцкий и даже Бухарин и Зиновьев. Внутри Партии больше нет никакого средства, которое бы позволило Троцкому осуществить свой манёвр, то есть сменить руководство для спасения положения.

За неимением других возможностей Троцкий обращается с воззванием к улице (7 ноября 1927 года), а это уже непростительный грех, «фракционизм». Это обращение не имеет успеха по двум причинам: прежде всего потому, что, попросту говоря, на улице троцкистов нет, и затем, инстинктивно, весь партийный аппарат считает это «анархическое» обращение смертельной угрозой для существования самой Партии. Следовательно, Сталин исключает Троцкого, как он уже поступил с Зиновьевым и Каменевым, которые публично покаялись и вновь вернулись на свои места, усилив таким образом позицию Сталина, в то время как потенциальный Клемансо выслан в Алма-Ата. Это — конец Троцкого.

Начиная с этого момента можно утверждать, что внутри Партии больше нет возможной оппозиции, инакомыслия, «лондонского правительства», нет и остатка той политической игры, которая существовала в двадцатые годы. В 1927 году демократический централизм, с исключением Троцкого, принес все свои плоды. Сталин становится абсолютным владыкой Партии.

Второй кризис («ножницы»!) происходит в том же 1927

3. Так называемые «ножницы». Этот кризис был вызван нарушением соответствия между ценами на промышленные товары и ценами на товары сельскохозяйственные, что привело крестьян к тому, что они не могли покупать промышленные товары и были вынуждены сами потреблять собственную сельскохозяйственную продукцию.

году. Снова цены на промышленные товары растут быстрее, чем цены на сельскохозяйственные продукты, и, следовательно, крестьяне перестают их производить. В городах снова наступает продовольственная нехватка. К тому же в итоге это означало, что промышленность в ближайшее время не даст никакой прибыли, а значит, не будет и капиталовложения — и все это происходило в тот момент, когда во что бы то ни стало надо было удвоить или даже утроить капиталовложения в промышленность, хотя бы только для того, чтобы заменить технику, с 1913 года не обновлявшуюся! В сущности, этот кризис был неизбежен по причине экономических структур России, из-за войны и революции пришедших в негодность. Именно в обстоятельствах этого кризиса Сталину удастся изгнать даже самую тень демократии.

Начало государственного планирования.

В этом же году, одновременно с кризисом, начинается внедрение новой структуры — государственного планирования. Мы знаем, что одна из причин провала политики военного коммунизма заключалась в том, что Кремль оказался неспособным руководить экономикой. Нельзя назвать планированием тот ливень директив, который Кремль обрушивал на страну. И все ж надо отметить, что сама идея планирования возникла именно в ту эпоху.

В 1921 году был создан Госплан, и между 1921 и 1927 г.г. партийное руководство мало-помалу входит в курс дела. Однако вначале Госплан не нес никакой ответственности за экономический рост.

Каковой была основная экономическая трудность того времени? Страна больше не могла продолжать своё развитие как в старое доброе время эпохи Витте, когда можно было легко осуществить заём за границей: никто большевикам тогда не собирался предоставлять капиталы. И в самой стране не было никаких источников получения твердой валюты, на которую можно было бы приобрести промышленное оборудование. Не было и зерна на

экспорт. И, тем не менее, необходимо было достать средства для приобретения этого оборудования. Но откуда?

Поскольку больше не было в стране капиталистов и национализированная промышленность в основном работала на нужды крестьян, в конечном счете они и должны были снабдить страну средствами, необходимыми для восстановления и дальнейшего роста промышленности. В конце концов, начиная с 1926 — 1927 г.г. и пришлось обратиться к этому социалистическому плану (построение социализма в одной стране), по которому первоначальное социалистическое накопление капитала осуществляется крестьянским сбережением, как это описано Марксом в двадцать четвертой главе «Капитала» (том 1).

Вот на основании таких предпосылок Преображенский и группа весьма образованных и компетентных марксистов, которая работала с ним, приступают к разработке планирования — и делается это вопреки воле Сталина. Действительно, только государственное планирование могло предоставить средства жонглировать как угодно советской экономикой, чтобы вытрясти достаточный капитал из финансовых операций продукции и продажи товаров широкого потребления крестьянам, тем более что в этих операциях единственным банкиром было Государство, которое автоматически играло роль в установке экономики.

Строго говоря, в двадцатых годах не было настоящего планирования (в смысле создания последующих пятилетних планов), существует лишь цифровой контроль, который, надо сказать, улучшается с каждым годом.

Вот в такой ситуации в то время Леонтьев разрабатывает свою известную теорию⁴. И споры, и научные поиски этой маленькой группы партийных чиновников, занимавшейся проблемами планирования, были очень высокого уровня: в целом эта группа держалась на отлете, почти вне всякой политической деятельности. Большинство из них по своим убеждениям скорее тяготели к троцкизму, но открыто не входили в ту борьбу не на

4. Кроме Леонтьева существовала замечательная целая группа ученых в русской экономической школе, появление которой относится к девяностым годам прошлого века.

жизнь, а на смерть, за власть, которая после смерти Ленина происходила на каждом партийном съезде.

Значит, в то время оказывалось невозможным приложить планирование к хозяйству, в основном дело ограничивалось составлением контрольных цифр. Каково было последствие этого экономического контроля? Троцкий был достаточно в курсе этой работы. Когда Зиновьев и Каменев внезапно в 1925 году открывают свою левую программу, они также начинают интересоваться этими цифрами. С ними считается и Бухарин, но совершенно в другом смысле, поскольку основная дискуссия теперь связывается с этим знаменитым первоначальным накоплением социалистического капитала. Ведь с тех пор, как России нечего продавать за границу (кроме золотого запаса, позволявшего приобретать самое необходимое оборудование за границей), она оказалась отрезанной от международного финансового рынка, и надо было искать эти средства внутри страны. И единственный источник этих средств — сельское хозяйство. Схематично основную мысль создателей планирования можно сформулировать следующим образом: если умело взяться за это дело, подобно с планом, можно прийти одновременно к осуществлению роста и промышленного производства, и товаров широкого потребления, и сельскохозяйственных продуктов. Этот экономический прогресс позволил бы осуществить решающий шаг на пути строительства социализма, то есть коллективизацию, которая бы осуществилась в результате развития сельских кооперативов.

Эта формулировка была удовлетворительной как в экономическом, так и в идеологическом плане, поскольку она обещала одновременно и изобилие, и коллективизацию. Таким образом, создатели планирования в двадцатых годах предложили то, что им представлялось как рациональное и эффективное решение.

Чтобы правильно осуществить коллективизацию, то есть создать те условия, в которых крестьянские кооперативы могли развиваться, необходимо было предоставить крестьянам «экономический стимул». В данном случае следовало обеспечить крестьян сельскохозяйственными машинами и товарами широкого потребления: бла-

годаря машинам крестьяне больше бы производили сельскохозяйственных продуктов, с увеличением потребления товаров жизненный уровень крестьян значительно возрос бы. Но для того, чтобы предоставить крестьянам этот «экономический стимул», нужно было усилить индустриализацию. Возникал сложный вопрос о гармонизации этих двух процессов и уточнения периодов их осуществления.

Но если схематизировать этот процесс, он становится относительно простым. Допустим, что мы осуществляем капиталовложение размером в x миллионов рублей в два тракторных завода, в строительство одного завода, изготовляющего валенки, другого — кафтаны и третьего — водку. Так, у нас будет достаточно сельскохозяйственных машин и товаров широкого потребления, чтобы осуществить коллективизацию, допустим, 10 процентов всего сельского хозяйства в два года. Эти крестьяне, представляющие 10 процентов, объединившись в колхозы, получают великолепные тракторы и будут работать на них в новеньких кафтанах, попивая водку; они будут представлять такой разительный пример для прочих крестьян, закосневших в нищете, что те немедленно объединятся в колхозы. В то же время Государство извлечет из этих коллективных ферм столько, что страна сможет экспортировать зерно на Запад и взамен получать всевозможные фунты, франки, доллары для покупки новой ультрасовременной техники, позволяющей резкое увеличение промышленного роста и т. д. Одним словом, все это должно было возрастать как снежный ком.

В общем, коллективизация, осуществленная благодаря «экономическому стимулу», приведет к достаточному увеличению сельскохозяйственной продукции, что и позволит получить необходимые капиталы для обновления промышленности, как легкой, так и тяжелой. Иначе говоря, сразу же можно убить трех зайцев: создать новое промышленное оборудование, выпускать товары широкого потребления и решить вопрос коллективизации сельского хозяйства. Нужно ли уточнять при этом, что весь процесс этой индустриализации будет глубоко социалистическим? В результате можно будет покончить с частным сектором нэпа. В целом, этот проект предусматривал экономику,

ведущую к изобилию как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, а в ближайшем будущем ведущую к социалистическому обществу, в котором всё коллективизировано.

Таким был первый план, который эти инициаторы из Госплана тщательно разработали: они создали два варианта, минимальный (Троцкий) и оптимальный (Бухарин); при этом нигде не было отмечено, что тотальное планирование вообще невозможно. Даже впоследствии Сталину не удалось его осуществить; тотальное планирование невозможно по причине слишком большого количества неустойчивых элементов в каждой данной экономической ситуации, а также по причине невозможности определить их потенциальное количество (например, плохой урожай, вызванный плохой погодой и плохим сбором зерна, и т. д.).

Троцкий и его окружение, то есть левая оппозиция, склонялись в пользу минимального варианта. Они считали, что страну, еще слишком хрупкую, нельзя особенно потрясать новыми социальными переменами. Но в 1927 году, когда план принят, разражается второй кризис «ножниц»: цены на сельскохозяйственные продукты падают, продукты питания исчезают. Положение было такое, что в 1928 — 1929 г.г. для того, чтобы как-то выжить, пришлось импортировать зерно с Запада. Совершенно ясно, что в таких условиях было невозможно извлечь капиталы из сельского хозяйства для индустриализации. В контексте создавшегося положения Бухарин и большинство членов Политбюро предлагают на XV съезде партии оптимальный вариант, который и становится первым пятилетним планом.

Но дело в том, что в 1928 году положение в стране оказывается более серьезным, чем это было предвидено; возникло это по множеству причин: с экономической точки зрения политическая борьба стоила слишком дорого. Чтобы стимулировать потребление и выпуск сельскохозяйственной продукции Бухарин, к примеру, между 1925 и 1926 годом, борясь против Зиновьева, настоял на снижении цен промышленных товаров. Сталин поддержал эту политику, направленную против Троцкого и Зиновье-

ва. В экономических вопросах Сталин мало что смыслил, мягко говоря, но так как Троцкий и левая оппозиция стояли за увеличение этих цен (чтобы в дальнейшем финансировать промышленность), Сталин противится этому увеличению. Вот почему в тот момент, когда предстояло выделить средства для оптимального пятилетнего плана, цены на промышленные изделия были снижены. Но это привело к уменьшению объема этих средств, а следовательно, нельзя было и выпускать в достаточном количестве эти тракторы, которые должны были ускорить процесс коллективизации. Тем более, что нельзя было снизить цены до такой степени, чтобы действительно удовлетворить крестьян, которые становились в этом отношении все требовательней. Значит, это принудительное снижение цен на промышленные товары, совершенно ошибочное с точки зрения общего финансирования пятилетнего плана, представляло недостаточный стимул для того, чтобы крестьяне производили больше продуктов. Это явление («ножницы») становится драматическим между 1927 и 1928 г.г. В 1928 году страна вынуждена обратиться к крошечному запасу твердой валюты для закупки зерна за границей. То же самое происходит и в 1929 году. Вот тогда-то Сталин на время оставляет политику и поворачивается в сторону экономики. (см. М. Левин «Крестьянство и советская власть», Париж, 1966 г., а также упоминающуюся книгу А. Улама).

Для того чтобы понять, что же на самом деле произошло, нужно иметь в виду, что до Хрущева и десталинизации мы решительно ничего не знали о том, что творилось на внутренних заседаниях ответственных советских органов. Мы располагали большим количеством данных, касающихся периода 1917 — 1927 г.г., но о том, что происходило после 1927 года мы не знали ничего, за исключением тех признаний, которые Бухарин адресовал Зиновьеву в 1929 году, пытаясь создать единую оппозицию и бороться против сталинского намерения осуществить коллективизацию. Когда Хрущев провёл десталинизацию, он дал возможность историкам просмотреть известное количество документов конца двадцатых и начала тридцатых годов, с целью разоблачить Сталина.

также как позволил военным обнародовать некоторые документы о том, как Сталин вел войну. Если бы этой десталинизации не было, мы бы до сих пор ничего не знали бы ни о коллективизации, ни о роли Сталина во время войны.

Планирование и коллективизация.

Чем объяснить, что Сталин вдруг отбросил всякую осторожность и бросился иступленно осуществлять коллективизацию? Ведь до 1927 г. Сталин в основном занимался административными и политическими вопросами, расставляя повсюду своих людей, чтобы нигде больше не оставалось независимых от него уделов. Он достиг того, что аппарат стал единым. Он занимался последовательным уничтожением ряда оппозиций (этих потенциальных «лондонских правительств»). После 1927 года и разгрома объединенной левой оппозиции, Троцкого, Каменева и Зиновьева, все эти политические проблемы были решены. И теперь Сталин оказывается перед основной экономической проблемой — вторым кризисом.

До сих пор все экономические заботы Сталин сваливал на Бухарина, который, как казалось, кое-что понимал в экономике. В 1927 году он стоял за оптимальный вариант пятилетнего плана; но что проповедовал он в 1928 году, в самой сердцевине кризиса? Иностранцы займы, сельские советы, то есть отказ от автаркии, от международной изолированности, и также отказ от партийной монополии внутри Государства. Именно так видит Сталин ту политику, которую предлагает Бухарин. Не забудем также, что в отличие от Троцкого, Зиновьева, Каменева, у Бухарина не было никакого собственного подспорья внутри Партии. Он был одним из членов Политбюро, специализировавшимся по экономическим вопросам. Короче, он был не опасен.

В период этого кризиса 1928 года Бухарин начинает проповедовать предоставление ряда уступок крестьянам: частичное возвращение к системе свободного рынка, что означало открытие доступа иностранного капитала и

страну, раздел политической власти в результате уступок крестьянству. В этом Сталин видит опасность для монополии власти, которая сосредоточена в руках Партии. В экономических вопросах он вполне невежественен, он никогда не обращал большого внимания на все эти диспуты и дебаты и, в частности, на знаменитый диспут Преображенского об индустриализации, диспут очень высокого экономического уровня, в котором также приняли участие Леонтьев и его соперники. Сталин никогда не читал предпоследнюю главу первого тома «Капитала». Он читал Ленина — о классовой борьбе, о смычке между бедняками и пролетариатом, о планировании. И он знал, что коллективная собственность является более «социалистической», чем частная. Он помнил слова Ленина, сказанные им о нэпе: что каждый день он, нэп, порождает тысячи мелких капиталистов, собственников, или о том, что русская деревня кишит капиталистами — как будто и впрямь кулаков можно было рассматривать «капиталистами» в марксистском смысле этого слова! Сталин крепко вбил себе в голову все эти «концепции». Он знал, что классовая борьба в деревне, в которой бедняки ассимилируются в пролетариат, — это решение, которое принесло свои плоды во времена гражданской войны. Вот таков уровень экономической мысли Сталина.

Что же предпринимает он зимой 1928 года против Бухарина и его сторонников? Сталин, в сопровождении нескольких своих приспешников, крайне преданных ему, отправляется в области Урала и Сибири, именно в те места, где количество урожая поддается слабому административному контролю. Одновременно он посылает в самые ответственные зерновые пункты страны надежных людей, — таких как Коссиор (на Украину) и Андреев (в нижнюю часть волжской долины). Не обладая разрешением ни Политбюро, ни Центрального комитета, не говоря уж о всеобщем партийном съезде, эти бригады останавливают функционирование экономики свободного рынка и возвращаются к политике изъятия хлеба вооруженным путем. В этих областях с урожаем обстояло не так плохо, как в остальной части России. Сталин, следуя своим простейшим представлениям о мелких капитали-

стах, обладателях зерновых запасов, считает, что эти запасы надо вырвать у них насильно, для того, чтобы прокормить страну и вывести её из кризиса. Сталин и его братия осуществляют эту кампанию, не имея никакого разрешения высших партийных органов и невзирая на отчаянные крики протеста Бухарина, который не может обнародовать это дело, ни даже сообщить о нем на страницах «Правды». Эти простейшие сталинские представления приводят к тому, что легко можно было предвидеть: крестьяне перестают производить сельскохозяйственные продукты; неожиданно, в конце весны 1928 года, Сталин прекращает эту кампанию и возвращается в Москву.

В Москве его ожидает негодование Бухарина и так называемой правой оппозиции. Бухарин докладывает Политбюро, Центральному комитету — кое-что в завуалированном виде попадает в прессу, в «Правду», — что возвращение к политике изъятия хлеба в духе времен гражданской войны сегодня означает катастрофу. И к ней нас подталкивает товарищ Сталин. Бедняга Бухарин попадает на ту же удочку, что и другие до него: он требует смены руководства. Он обращается теперь к Каменеву с предложением союза, чтобы сбросить Сталина и создать новое руководство. Простодушный Каменев объясняет, что это, увы, слишком поздно, что в руках Сталина теперь находится решительно всё и уже ничего не поделаешь. Сталин вскоре узнает об этой «попытке переворота» существующего руководства; на следующем заседании Центрального комитета Бухарин исключен из Политбюро, его политика сурово осуждается. Вскоре Бухарин принужден публично каяться в своих ошибках, и т. д. Таким образом заканчивается эта полуоппозиция.

Однако экономические трудности остаются. Летом и осенью 1928 года Сталин, вероятно, на основании опыта своей уральско-сибирской кампании, начинает сомневаться в правильности возвращения к политике изъятия хлеба вооруженным путем; он возвращается к нэпу. Но и эта попытка ни к чему не приводит, потому что нет товаров широкого потребления, которые можно было бы продать крестьянам. Поступление капитала не происхо-

дит. Но план уже объявлен. Как его финансировать? Как прокормить города? Значит, нужно ввозить хлеб, расходуя наше драгоценное золото, наше крошечное количество твердой валюты, для покупки оборудования. — и все это потому, что крестьяне не хотят производить! И не только выписывать из-за границы оборудование, но еще и экспортировать зерно, чтобы кормить этих саботажников! И к тому же мы еще должны отказаться и от индустриализации!

В конце 1929 года Сталин снова — и внезапно — осуществляет то, что он называет «уральско-сибирским методом», то есть вооруженное изъятие хлеба, по-прежнему не спрашивая мнения ни Политбюро, ни съезда, ни Центрального комитета. В «Правде» появляются различные декреты, статьи, посвященные одному и тому же: срочно осуществим общую коллективизацию, выполним пятилетку в четыре года и т. д. Всё это решается единолично Сталиным, при его полном экономическом невежестве.

С другой стороны надо признать, что сама дилемма была крайне сложной. В том виде, в каком обрисовывается положение в 1929 году, уже было, я думаю, слишком поздно для реализации бухаринской программы без полной ломки Партии и поворота России к мировому рынку. Но тогда был бы конец диктатуры пролетариата, то есть Партии-Государства. Метод изъятия хлеба военным образом тоже не годился, кроме как уж в качестве последнего средства: национальная конфискация, нечто вроде гражданской войны против крестьянства, чтобы выиграть время и создать нужную индустриальную базу. Вот так решал Сталин. Это решение не было планом. Все планы — и минимальный, и оптимальный — были выброшены за борт. Сталин срочно и лихорадочно замышляет эти меры при невероятном экономическом невежестве. — и при этом на колоссальнейшей территории! К тому же не было никакой возможности создать план, потому что данные менялись каждый день, никто их толком не знал, и было невозможно ничего планировать: повсюду царил хаос.

Эту программу Сталин совершил в два этапа. На первом этапе, который заканчивается в марте 1930 года, мы

видим то, что можно было бы назвать «военным штурмом деревни». Этот штурм с помощью членов Партии (около 1.200.000 человек) был вполне возможен. Нужно также сказать, что члены Партии и значительная часть городского беспартийного населения были враждебно настроены к крестьянам, которые, по их мнению, мешали России развиваться экономически, не хотели кормить страну, да еще представляли собой реакционный фактор. Так что для Сталина не составляло никакого труда набрать достаточное количество людей, готовых принять участие в вооруженных изъятиях хлеба. Он сумел набрать их отнюдь не благодаря ленинской идеологии: в этих операциях **бедняки** участия не принимали: Сталину удалось привлечь очень мало бедняков (зачастую они представляли местный уголовный элемент, эти самые бедняки, принимавшие участие в изъятиях). Но в основном эти отряды состояли из **партийных** и горожан. Результат этих операций был катастрофичен. При виде этой катастрофы Сталин произносит знаменитую речь «Головокружение от успехов», в которой заявляет, что нужно приостановить все эти операции и приступить к постепенному созданию колхозов. Применение военной силы заменяется налогом. Но по сути Сталин собирается осуществлять ту же политику, которая к 1935 году приведет к тому же результату.

Второй этап, который был более планированным, начнется в марте 1930 г. и кончается зимой 1934 г. Тем временем Сталин сталкивается с существованием структур, о которых он вначале не имел никакого представления. Речь идет о возникновении разделения деревни между Государством и крестьянами в связи с приусадебным участком и с возникновением МТС.

1. Одним из последствий статьи «Головокружение от успехов» было то, что крестьянам оставили приусадебный участок. Вначале же Сталин предполагал коллективизировать решительно всё.

2. Вторым вопросом касался МТС. Как известно, они обьязаны своим происхождением первому пятилетнему плану. Сначала власти предполагали сдавать внаём колхозам

все эти тракторы и веялки; но очень скоро они увидели, что подобно тому, как раньше крестьяне закалывали скот, не желая сдавать его государству, так ныне они портили эти сельскохозяйственные машины, или по крайней мере не заботились об их починке. А так как машин было мало и, как оказалось, никак нельзя было оставлять их крестьянам, пришлось специально для этого завести машинно-тракторные станции (МТС). К тому же скоро выяснилось, что за неимением лошадей крестьяне не могли ни сеять, ни убирать урожай без этих станций. Иначе говоря, они уже просто не могли существовать без этих государственных машин. Государство прочно утвердилось в деревне посредством МТС и теперь оно обладало возможностью контролировать частную сельскохозяйственную продукцию.

Окончательный результат колхозной реформы, осуществляемой Сталиным, можно свести к следующему: продуктивность сельского хозяйства не только не возросла, она постоянно понижалась. В 1939 году она едва достигла уровня 1929 (который еле-еле сравнялся с уровнем 1913 года). В 1952-53 г.г. эта продуктивность снова достигает уровня 1939 года. И при этом не надо забывать, что размер засеваемой площади значительно увеличился, что в сельское хозяйство были сделаны огромные капиталовложения! Я думаю, что и в наши дни в СССР уровень производства сельскохозяйственной продукции значительно ниже, чем до революции. Сельскохозяйственная политика большевиков — одно из наиболее значительных экономических поражений, которые знает XX век. Но, оставаясь лишь в рамках тридцатых годов, скажем, что за этот период производство сельскохозяйственных продуктов снизилось.

Но на самом деле окончательный результат сталинской реформы заключался совсем в ином: Государство, контролировавшее МТС, получило возможность вкорениться в колхоз, который уже не мог нормально функционировать без этих станций. Вдобавок Государство было гарантировано бесплатной и определенной транспортировкой зерна. Излишки крестьяне могли продавать на колхозном базаре, а если не было этих излишков, то это было дело

крестьян: Государство получало свою долю, не расплачиваясь при этом наличными.

Государство заплатило колоссальную цену за эту политику, которая выражалась в потере человеческих жизней, в потере производительности, в ненужных капиталовложениях: но в конце концов большевики преследовали политическую, а не экономическую цель. Вопрос снабжения страны сельскохозяйственными продуктами, который так серьезно потряс весной 1918 года советское государство, был окончательно решен. Крестьянин теперь был вынужден производить бесплатно; впервые в этой всеобщей этактической системе он был объединен в бригады. С крестьянством таким образом было покончено, оно попало в новый вид рабской зависимости, которая ничего общего не имела со старым режимом, но стала крайне характерна для советского общества, в котором положение Партии в стране было укреплено до предела.

В самом деле, то, что тормозило развитие военно-экономической мощи Государства, — то есть необходимость придерживаться рыночной экономики, положение, которое определялось бы крестьянскими потребностями — было радикальным образом уничтожено. Значит, по своему, крайне примитивно. Сталин осуществил это первоначальное социалистическое накопление капитала за счет крестьянства, решив таким образом ту проблему, о которой в самой утонченной форме проповедовал Преображенский и его соперники в двадцатых годах. Теперь Сталин мог делать необходимые капиталовложения, не давая населению ничего взамен.

В таком положении заключалось и другое преимущество: можно было не особенно заботиться о легкой индустрии. Все капиталовложения шли в тяжелую промышленность и в промышленное оборудование: начиная с 1930-31 г.г. это годы «решающего поворота». Планирование отныне не особенно заботиться о товарах широкого потребления, о легкой индустрии вообще: все усилие переносится в область промышленного оборудования. И на этот раз можно сказать, что все траты, связанные с укреплением промышленности, не идут ни в какое сравнение с результатом: это какое-то катастрофическое от-

сутствие рентабельности. Никакая капиталистическая страна не могла бы, финансируя предприятия таким образом, выжить. Но по той причине, что Сталин не был обязан платить крестьянам, а труд рабочих оплачивал ровно настолько, чтобы они могли выжить, используя при этом то террор, то умело руководимый энтузиазм масс, он мог осуществлять эти огромные капиталовложения, не давая трудящимся равным счетом ничего взамен.

Нужно отметить, что со всем этим положением план никак не был связан. Можно спросить — зачем же тогда он был нужен? Лишь для того, чтобы у населения были определенные иллюзии относительно экономики страны. Что об этом думали крестьяне, Сталину было наплевать (начиная с 1930 г.) — с ними надо было бороться, и только. С рабочими вопрос был сложнее. Сталин не мог с ними обращаться столь же грубо, как с остальной частью городского населения. Необходимо, чтобы у этой части населения были определенные иллюзии, которые можно разделить на иллюзии «рациональные» и «психологические».

Несмотря на совершенно очевидный хаос, который царил в экономике, государственное планирование придавало ей вид углубленно рациональный и приводило к мысли, что в итоге правительство знает, что оно делает и куда движется. Все, что происходит в экономике, имеет смысл, цель, логику. Если представить, что вся эта неразбериха в некотором смысле конструктивна, что она рациональна — пусть это и не сразу бросается в глаза, — то психологически её проще пережить. И маневрируя цифрами, можно сразу же увеличить промышленный рост на x процентов, через десять месяцев на $x,9$ процента; и у людей создается впечатление, что правительство рационально управляет экономикой, которая, на самом деле, либо на краю пропасти, либо в невероятно хаотическом состоянии.

Сверх того, планирование играет очевидную психологическую роль: план длится пять лет. Значит, бесчисленные трудности ограничиваются временем. Может быть, через пять лет уже наступит социализм, и тогда придет замеча-

тельное время. Все муки текущего момента более или менее выносимы: в конце туннеля появляется свет. Само собой разумеется, когда добираются до края туннеля, там оказывается другой туннель величиной в пять лет, в конце которого по-прежнему горит свет. Психологический аспект двух первых пятилетних планов, в особенности первого, был очень важным: он позволил мобилизовать все городское население, которое пошло на жертвы, в основном даже без принуждения. С другой стороны, существовала искренняя вера в социализм со стороны членов Партии. (В то же время Запад, охваченный глубоким промышленным кризисом, углубил эту веру, как раз в этот момент, когда было объявлено строительство социализма.) По отношению к строительству социализма в некоторых кругах существовал подлинный энтузиазм; но, конечно, далеко не у всех: этот энтузиазм полностью отсутствовал у мужиков, насильно загнанных в процесс строительства социализма. Возникла и другая проблема: среди многих рабочих чувствовался упадок духа, который частично отражал враждебность крестьян.

*Сталинские импровизации:
идеологическая экономика.*

В июне 1931 года, для того чтобы принять срочные меры по налаживанию трудовой дисциплины, Сталин наспех проводит ряд решений (см. известную речь «в шести пунктах» в книге «Вопросы ленинизма»). В самом начале, когда был принят оптимальный вариант пятилетнего плана, политика по отношению к рабочим сводилась к следующему. Правительство считало, что эффективность труда рабочих возрастет — совершенно классический вариант — с увеличением заработной платы, а поэтому увеличится и промышленное производство, которое обеспечит изобилие товаров. На практике Сталин столкнулся с ситуацией, весьма далекой от изобилия. Напротив, недостаток товаров был во всех областях. С другой стороны, были рабочие, в основном крестьянского происхождения, которые не только забивали песком карбюраторы на

тракторных заводах, но и расстраивали поточное производство на новых заводах им. Горького, Молотова и т. д. Тогда Сталин предпринял политику террора. Он учреждает новый принцип оплаты труда — она становится сдельной и определяется выработкой, что, по Марксу, является самой простейшей формой капиталистической эксплуатации. Чем больше работали, тем больше зарабатывали и наоборот. В этой известной речи «в шести пунктах» Сталин касается и других вопросов, но, в сущности, он был занят лишь одним: пора, давно пора отказаться от мелкобуржуазной уравниловки, глубоко ошибочной, которую предполагал осуществить первый пятилетний план, и подойти к настоящей социалистической политике, к оплате сдельного труда, к выработной оплате. . . Сталин предпринял борьбу против текучести рабочих кадров, иначе говоря, он прикрепил рабочих к заводам, создав трудовые книжки и приняв многочисленные меры, свойственные принудительной работе.

Как и в предыдущих случаях, все эти меры были совершеннейшими импровизациями. Мы знаем, что невежество Сталина в экономических вопросах было поразительным, он не возвышался над уровнем какого-нибудь десятиклассника. И вместе с тем мы видим, что он один, с небольшой группой надежных людей (безо всякой поддержки Политбюро) предпринимает штурм против крестьян, в 1930 году обрывает его, учреждает МТС, проводит своего рода раздел деревни между Государством и крестьянами (создание приусадебных участков), переводит все капиталовложения в тяжелую индустрию, импробизирует, наконец, рабочую политику и переход от т. н. мелкобуржуазной уравниловки к системе сдельного труда. Эта псевдосоциалистическая система труда послужила надежному закабалению рабочей силы, занятой в области индустрии. Наконец именно Сталин осуществляет окончательную этатизацию всей экономики. Но вместе с этим осуществлением он подтолкнул страну к новому кризису.

Чем объясняется вся эта цепь спешных, непродуманных мер? Дело в том, что до 1928 года Сталин, примитивный идеолог, распространяющий общедоступный ле-

низм среди новых партийных кадров, остается крупным стратегом в области политических маневров в борьбе с различными представителями оппозиции. После 1927-28 г.г. Сталин у власти; ему приходится столкнуться с очень сложным экономическим кризисом (который мы уже проанализировали), для разрешения которого никто не мог найти нужного решения — ни создатели системы планирования, троцкисты из Госплана с их характерным представителем Преображенским, ни правая оппозиция, то есть представители социал-демократической тенденции внутри Партии вместе с Бухариным; короче говоря, никто. Сталин был значительно меньше других подготовлен к этому экономическому кризису, он обладал меньшими познаниями в экономической области, несравненно меньше других размышлял об этих проблемах, различных экономических возможностях и последствиях той или иной политики. Он был привязан к примитивной ленинской идеологии, то есть к классовой борьбе в деревне, к колхозу как социалистической форме сельского хозяйства, ликвидации кулачества и т. д., что было политико-идеологическим решением, а не экономическим. Как верный ленинец, Сталин наивно полагал, что социально-политическое решение является в то же время и экономическим, поскольку марксизм в своем простейшем виде установил между ними равенство. Таким образом, он возвращается к ленинской политике, которую он принимает дважды: весной 1929 году во время уральско-сибирской операции, и затем осенью 1929, когда он говорит о необходимости выполнения пятилетнего плана в четыре года.

Тот штурм против крестьянства, который был вызван идеологическими соображениями ленинского направления, крайне простыми в сущности, но в реализации которых Сталин опирался на Партию, чья структура стала гораздо прочнее, чем во времена гражданской войны, — этот штурм лишь окончательно расшатал сельскохозяйственную экономику. Вместо того, чтобы создавать продуктивные коллективные фермы, Сталин разрушил все структуры сельского хозяйства. Когда крестьяне забили скотину, а сельскохозяйственных машин еще не было.

русская деревня была полностью лишена какой-либо силы для сельских работ.

Это крестьянское сопротивление вызывает катастрофическое падение производства сельскохозяйственных продуктов и их доставки в города. В результате того, что сельскохозяйственный план срывается, становится ясно, что индустриальный план также может оказаться липовым. Кроме того, Сталин очень скоро осознает, что недостаточно создать сельскохозяйственные машины или купить их на Западе; нужен прежде всего квалифицированный технический персонал для его обслуживания. Первым промышленным лозунгом был лозунг «Техника решает всё!» Сталин понимает, что одной техники недостаточно, что нужны квалифицированные люди, которые были бы заинтересованы в работе. Отсюда возникает известная «Речь в шести пунктах» («Вопросы ленинизма») в июне 1931 года, где Сталин говорит о трудовой дисциплине, сдельной оплате, трудовой выработке и т. д.

Сталин коренным образом меняет всё в промышленной области: от промышленной политики, построенной на экономическом стимуле и равенстве в системе заработной платы — классическая политика социалистов-утопистов, — он переходит к системе принуждения, к сдельной оплате и выработке труда, и т. д., иначе говоря, к политике максимального выжимания соков из рабочего класса. В те годы Сталин крайне редко прибегает к вознаграждениям рабочих в экономическом смысле, в то же время эксплуатируя их до предела. Никогда в современной истории никакое государство не знавало подобной эксплуатации, никакое государство не снижало заработную плату в четыре года на пятьдесят процентов! (Даже в самом начале индустриализации на Западе такое положение не было бы возможным.) В то же время Сталин возвращается к карточной системе; деньги практически исчезают из обихода как обменный фонд. Мы видим, как под угрозой новой экономической катастрофы происходит чрезвычайное опрощение экономики.

И в то же время, под давлением обстоятельств, Сталин замышляет и новую промышленную политику — все

средства вложить в тяжелую индустрию и полностью наплевать на легкую промышленность, то есть на производство товаров широкого потребления для рабочих и крестьян.

Это предпочтение тяжелой промышленности, по сути, не было «ленинским». Пятилетний план 1928 года предусматривал «одинаковое развитие на всех фронтах»: коллективизация должна была породить изобилие сельскохозяйственных продуктов, а использование техники должно было убедить крестьян вступить в колхозы. Продажа излишков сельскохозяйственных продуктов позволила бы финансировать промышленное развитие, одновременно и тяжелую, и легкую индустрию. Значит, производство товаров легкой промышленности привело бы к изобилию товаров широкого потребления и удовлетворило бы всех, и рабочих, и крестьян. Вот так должна была функционировать система экономического стимулирования, в которой всякий труд немедленно бы вознаграждался.

Сталин, предприняв штурм против крестьянства, разрушил первый столп всей системы. Значит, изобилия сельскохозяйственных продуктов ждать не приходилось, как и накопления первоначального социалистического капитала для финансирования развития тяжелой и легкой промышленности. Теперь надо было между ними выбирать. И, разумеется, для Сталина гораздо важнее была тяжелая промышленность, чем легкая, выпускающая обувь или одежду. Вот тогда Сталин и решает вложить все капиталы в промышленное оборудование, в тяжелую промышленность, ибо она становится залогом «экономического роста» и «развития».

До тридцатых годов мировая экономическая мысль в основном занималась изучением рынка, законом спроса и предложения. Необходимо было знать, каким образом можно было сохранить равновесие рынка и избежать кризиса. Вопросами экономического роста и развития особенно не интересовались: в то время большинство ученых-экономистов еще не давали себе отчета в том, что существует некий вид экономического взлета и различные модели его. Об этом стали размышлять лишь в наше

время, и над этими вопросами задумываются как раз на основе советского опыта. Маркс остается среди классических экономистов, которых интересовали прежде всего такие проблемы: Откуда появляется капитал? Каким образом происходит накопление поземельной ренты? Каким образом осуществляется капиталовложение? Как осуществляется этот закон рыночного спроса и предложения? Что именно порождает эти чудовищные кризисы, которые время от времени ломают всю экономическую машину, — избыток капиталовложений, перепроизводство, сокращение рынка или нарушение равновесия между спросом и предложением? В то время еще не имели никакого представления о том, чем является «норма промышленного возрастания». И в России до Кузнецова, который, кстати, получил за эту теорию Нобелевскую премию, никто не занимался этой нормой, лишь после него историки всех стран начали её рассчитывать. Но открытие этой «нормы промышленного возрастания» и существования некоторой логики в развитии индустрии было почерпнуто из советского опыта. Сталин, на основе грубого эмпирического опыта, произвел это открытие.

Отправной точкой всех этих открытий было сельское хозяйство. Первый пятилетний план предусматривал обеспечение страны сеялками, веялками и т. д. Но неожиданно крестьяне закалывают три четверти всего имевшегося поголовья; стране угрожает недостаток продуктов, голод. Надо во что бы то ни стало срочно приступить к выпуску сельскохозяйственных машин. Но для их выпуска необходимо оборудование. Период первоначальной индустриализации XIX века уже далек: теперь большевики понимают, что для этого нужна длинная цепь современного оборудования, начиная с угольных копий и производства стали, сплавов, сооружения электростанций, чтобы создать необходимое оборудование, без которого невозможно наладить выпуск тракторов. Они также отдают себе отчет в том, что существует некоторая логика индустриального развития (когда индустриализация прошла уже свой первоначальный период), и промышленное оборудование является ключом всей системы.

Поскольку в хаосе 1930–33 г.г. Сталин не может инве-

стировать и в сельское хозяйство, и в тяжелую и легкую промышленность, он переводит все усилия в сторону ключевого сектора, от которого зависит все: промышленное оборудование. Две возникающие в связи с этим проблемы — недовольство рабочих и крестьян, вызванное постоянной нехваткой товаров, — Сталин разрешает простыми полицейскими мерами. Всё это было довольно гениально, нечего сказать. Как говорил один поляк: «Ленинизм-сталинизм подобен ошибке Колумба: искали социализм и отыскивали советизм».

Основной же полицейской мерой по отношению к крестьянам было создание МТС. В самом начале задача этих машинно-тракторных станций заключалась в повышении производительности крестьянского труда. Но вскоре стало ясно, что крестьянин уже не мог ни засеять, ни убрать урожай без этих государственных станций. Эти МТС, таким образом, гарантировали государству его часть урожая, которую оно присваивало себе, и только потому распределяло между крестьянами оставшуюся часть. Благодаря этому МТС стали и средством полицейского контроля крестьян; напомним, что стахановское движение было осуществлением полицейского и экономического контроля над рабочими. С такой системой можно было делать какие угодно капиталовложения в промышленное оборудование. Я думаю, что основные элементы этой системы были заложены вместе с МТС и первой пробой того, что станет впоследствии стахановским движением. В осуществлении этих мер нет никакого влияния социалистической марксистской экономики (марксизм — это анализ так называемых противоречий капитализма). Таким образом, все это было импровизировано Сталиным.

Между 1929 и 1932 г.г. Сталин замышляет создание основных элементов новой системы, от МТС до массового капиталовложения в промышленное оборудование. Но в 1932-33 г.г. кризис продолжался и Сталин сомневался в немедленных успехах, которых должна была достичь новая система. Пришлось ждать урожая 1933 года и только тогда убедиться, что надежный полицейский контроль над деревней обеспечит доставку хлеба городам; также лишь в конце 1933 года стало ясно, что новая индус-

стриальная система, в которую было заложено столько капиталовложений, заработала. После чудовищного кризиса конца 1933 — начала 1934 г. Сталин убедился, что эта «барка», повсюду протекавшая, кое-как держится на поверхности. Эту барку и называли «социализмом»; ведь надо было как-нибудь назвать её. Перефразируя Тацита, говорившего: «Они превратили все в пустыню и назвали это миром», я мог бы сказать: «Они превратили страну в некую машину, которая всё национальное богатство страны обращает в капиталовложение для развития промышленного оборудования; и это они называли социализмом».

В январе 1934 года был созван XVII съезд Партии. «Съезд победителей». Было объявлено, что в стране построен социализм, и вскоре, чтобы показать это на деле, в 1936 году была создана самая демократическая конституция в мире. Её цель была в том, чтобы убедить внешний мир, находившийся уже давно в состоянии кризиса, а также советское население, которое по-прежнему терпело все ужасы этой системы, что это огромное усилие было принято не напрасно. В 1935 году Сталин объявил народу, что в стране построен социализм.

Результаты: промышленная мощь и международное военное признание СССР.

Но на самом деле — что же было построено? Была создана индустриальная машина, которая была направлена на создание промышленной мощи — при этой социальной системе, которую можно было бы назвать «государством, объемлющим всё», схожей с государственной моделью Петра Великого. Я хорошо знаю, что мои учителя — русские либералы — терпеть не могут никаких аналогий этих сталинских мер с действиями Ивана Грозного или Петра Великого. Тем не менее следует признать если не преемственность их, то по крайней мере схожесть. Когда Петру Первому захотелось превратить свою армию, состоявшую из нескольких пушек и аркебуз, в столь же мощную, как армия Вобана, он перестраивает все для со-

здания такой армии. Он создает Государство, объемлющее все, в котором дворянство, буржуазный слой, чиновники, крестьяне закрепощаются Государством. Все становится частью военной машины государства.

В условиях более или менее развитой промышленной цивилизации Сталин создает нечто аналогичное, то есть всеобщую форму рабства всех социальных слоев населения — к подобному обществу даже нельзя прикладывать понятие класса — всеобщую форму рабства в промышленную эпоху.

В экономическом отношении все это означало примат тяжелой индустрии над всем остальным, как об этом часто говорят; но не нужно забывать, что этот примат мог быть достигнут лишь благодаря уничтожению экономики свободного рынка и обращению к экономике авторитарного планирования, которая означала примат политики, примат Государства над обществом и Партии над Государством. Происходит создание Партии-Государства, или всеобщей идеократической бюрократии. В развитии советской истории мы всегда возвращаемся к тому решению, которое было принято Лениным во время гражданской войны. Без этого политико-идеократического и бюрократического инструмента осуществление сталинской революции было бы невысказано. К тому же она была начата в 1929 году, когда недовольство крестьян начинало угрожать самому существованию этого инструмента, созданного Лениным. Проект Бухарина в каком-то отношении представлял ликвидацию монополии. По этой-то причине Сталин и пустился в эту историю с первым пятилетним планом. Значит, Государство, объемлющее всё, создает новую форму рабства индустриальной эпохи, поглощая в одинаковой мере все социальные классы. Примат тяжелой индустрии означал примат политического фактора, то есть — примат всеобщей идеократической бюрократии.

Разумеется, никакого процветания не наступило. Обещание этого процветания можно продлевать до бесконечности, поскольку полицейские методы, которыми пользуется эта бюрократия, до такой степени эффективны что легко усмирят любое недовольство. Можно до бесконеч-

ности и медлить с удовлетворением потребностей населения, которые не удовлетворены и в наши дни. Лишь за последний десяток лет еле-еле кое-что намечается в этом отношении, но Государство по-прежнему располагает всеми средствами для того, чтобы в любой миг отказаться от всевозможных мер по улучшению жизни населения. Можно безболезненно продолжать делать капиталовложения только или почти только в тяжелую промышленность или оборудование. Превосходство всеобщей идеократической бюрократии осуществляется во всем и над всеми. Наконец, в тридцатых годах Государство прибирает к рукам и культуру. Всё подчинено государству.

В Советском Союзе почти чудом была создана машина по производству средств оборудования. Это создание было названо «социализмом». Но говоря конкретно, чему может служить эта экономическая сила, доведенная до предела? Советский режим находит свое призвание почти случайно, благодаря Гитлеру и японцам. До 1931 г. Советский Союз, несмотря на все многочисленные лозунги против франко-английского империализма, не был угрожаем извне. В 1931 — 1938 г.г. угроза, правда, еще очень отдаленная, возникла на Дальнем Востоке. Но начиная с 1934 года вполне реальная угроза появляется в Европе — Гитлер. Как известно, Сталин вначале сравнивал Гитлера с Корниловым: Гитлер, говорил он, борется за власть, продержит её три месяца, а потом разразится революция и с Гитлером будет покончено. Так, как предсказывал Сталин, не произошло, вышеозначенный Корнилов остался у власти. В течение двух лет Сталин явно колеблется, не принимая угрозы всерьез. В 1936 году, когда Гитлер занимает и милитаризирует Рейнскую область, это событие производит сильное впечатление на Сталина. Ни французы, ни англичане никак не реагируют. Сталина охватывает страх.

Между 1934 и 1936 г.г. Советский Союз еще не определил своей иностранной политики. Намечалась попытка классического союза с Францией, но французы не ратифицируют этот договор или, точнее сказать, так медлят с ратификацией, что Сталин, которого оккупация Рейнской области столь ошеломила, уже не знает, может ли он

рассчитывать на англо-французскую помощь, если возникнет конфликт с Гитлером. Между 1936 и 1939 г.г., когда был заключен известный пакт с Берлином о ненападении, Сталин намечает две возможные политики: одна — союз с Францией и Англией, другая — с Гитлером. Он с одинаковой готовностью мог осуществить ту или другую, но, тем временем, он убеждается, что вся индустриальная машина должна теперь в основном обратиться к развитию военной мощи. Таким образом, новое советское государство, только вчера объявленное социалистическим, наконец обретает свое подлинное назначение: оно заключается в усилении защитной мощи (защитная вначале, после 1945 она становится мощью агрессивной).

Мы видим, что это Государство обретает свое назначение, вполне аналогичное тому, какое в начале XVIII века было у государства Петра Великого — стать мировой военной державой. Начиная с 1935 г. и, в особенности, с 1936 г. эта колоссальная индустриальная машина работает в направлении развития военной промышленности. По этой же причине мы отмечаем некоторое изменение ряда сторон его политики; по этой же причине Сталин решает окончательно улучшить положение кадровых военных в 1935 (см. его выступление перед выпускниками Военной академии: «человек, самый драгоценный капитал»). Советский режим наконец нашел свое призвание как мировая военная мощь.

С тех пор экономическая советская машина работает для этой цели. И начался период войн — сначала подлинная, затем создание советской империи после второй мировой войны, затем период холодной войны, и т.д.

Сталинские чистки.

Если основной процесс был таковым, то остается одна загадка, связанная с этим периодом, — чем объяснить эти невероятные сталинские чистки 1936 — 1939 г.г.?

Мы вынуждены оставаться в области гипотез. По этому

поводу было издано некоторое количество исследований: устаревшая и слабая книга И. Дойчера, который в основном цитирует Анатоля Франса, что революция всегда пожирает собственных детей. Но никакая аналогия с французской революцией в данном случае не годится. Троцкий и его сторонники утверждают, что все эти чистки не что иное, как Термидор! Укажу также на книгу Роберта Конквеста «Большой террор» (Париж, 1970), автор которой не развивает никаких теорий и ограничивается изложением фактов. Существует также труд проф. Улама, уже упоминавшийся, в котором нет теории, но приводится целая серия вполне правдоподобных суждений. Наконец, не так давно появилась биография Сталина, написанная Такером (*Tucker*), где развивается теория, согласно которой Сталин был помешанным. Такой же точки зрения придерживался и Хрущев.

Я бы предложил следующее объяснение происхождения сталинских чисток. В январе 1934 года состоялся XVII съезд Партии, съезд «победителей»; к этому моменту Партия насчитывает 1,300,000 человек, может быть, это число поднимается и до 1,600,000 человек. Таким образом, численность Партии значительно увеличилась с 1929 года, когда Партия боролась с крестьянством. Но к настоящему времени в этой Партии наблюдаются элементы раскола, обязанные своим происхождением 1932 году. Люди более или менее простого происхождения, составлявшие основной состав Партии в 1929 году, почти с радостью бросившиеся на борьбу с крестьянством, были потрясены тем, что они увидели в 1931-33 г.г., — то есть то, что они сами вызвали своими действиями или заставляя совершать их других: массовая высылка кулаков, голод, беспорядок в стране, разбазаривание средств (самоубийство Аллилуевой, по всей вероятности, связано с этим разочарованием, довольно распространенным в то время среди членов Партии). К тому же 8 процентов всего населения погибло. Всё это произвело довольно сильное впечатление на обычных членов Партии, типа Хрущева, которые при этом никакой чувствительностью не отличались. В Партии росло недовольство и Сталин знал об этом. В то же самое время Сталина охватывают сомнения

в том, стоит ли ему продолжать свою деятельность; смерть жены также наносит ему серьезный удар. В 1932 году на заседании Политбюро Сталин предлагает выйти в отставку. Все смущены, никто не осмеливается эту отставку принять, и наконец Молотов прерывает молчание, заявляя: ты совершенно необходим. Инцидент исчерпывается, но в кулуарах XVII съезда Партии делегаты продолжают шушукаться о предстоящей смене руководства, поскольку они наивно полагают, что в условиях демократического централизма такая смена возможна. Будущее показало обратное.

Кто ведет эти интриги? Не только уцелевшие обломки представителей прежних оппозиций, но и сравнительно недавние члены Партии; всё чаще и чаще начинают говорить о их кандидате — Кирове. Во время выборов в Политбюро путем тайного голосования Сталин переизбран, но Киров получил значительно больше голосов. От Сталина пытаются это скрыть, но он узнает об этом. На съезде ему устраивают овацию, приветствуют как строителя социализма, но он знает, что все эти победители, собравшиеся на съезд, отлично понимают, что его руководство, мягко говоря, неправильно, что он чуть не привел всю страну к катастрофе; страна кое-как выкарабкалась, но недовольство осталось большим, и Сталин знает об этом.

Вот тогда-то тиски начинают сжиматься. В июле создано НКВД и Ягода назначается во главе его. Ясно, что готовится что-то. И 1 декабря совершается убийство Кирова, со всеми вытекавшими последствиями. Хрущев намекает, что Сталин приказал убить Кирова с тем, чтобы иметь необходимый предлог для дальнейших чисток. Некоторые факты подтверждают эту точку зрения Хрущева: убийца, Николаев, арестован незадолго до убийства органами НКВД, затем выпущен на свободу, затем снова арестован и снова выпущен. Что делал Николаев в Смольном институте, который обычно надежно охранялся? Впоследствии было объявлено, что он полупомешанный, что он носил с собой оружие. . . Сталин срочно приехал на место происшествия, затем выносятся тайное решение: почти все связанные так или иначе с

этой историей были расстреляны. Никаких следов не остается. Все эти крайне подозрительные обстоятельства могли бы служить подтверждением точки зрения Хрущева.

В своей книге о Сталине проф. А. Улам занимает совершенно противоположную позицию и путем приведения детализированной аргументации опровергает указатели виновности Сталина, о которых мы только что говорили. Он опирается на чрезвычайно важное обстоятельство: Сталин, будучи столь подозрительным и постоянно опасавшийся покушения, никогда бы не решился организовать убийство такого крупнейшего партийного деятеля, из страха, что это убийство может послужить примером и для остальных. Известны также многочисленные привычки Сталина, позднее, когда он бывал на своей даче: у него было несколько спален и никто не знал, в какой именно он спит. Довольно красноречивая деталь: он приказал подрезать шторы таким образом, чтобы можно было сразу же видеть, не прячется ли кто-нибудь за ними. Страх стать жертвой политического покушения становится у Сталина болезненным.

А.Улам анализирует также и прочие доказательства убийства Кирова, и его выводы довольно убедительны. Не следует забывать, что Хрущев был заинтересован в том, чтобы максимальной очернить Сталина и свалить на него самые страшные преступления. Можно прийти к заключению, что в неразберихе, царившей в 1934 году, когда государственная диктатура не была еще окончательно организована, было еще множество людей, способных на деле выразить ненависть по отношению к Партии, за те невероятные страдания, которые были вызваны первым пятилетним планом. Среди них мог появиться такой смельчак, как Николаев.

Во всяком случае, кем бы ни было осуществлено убийство — Сталиным или Николаевым (я лично склоняюсь к точке зрения Улама), Сталин либо использует его как повод к чисткам, либо он попросту охвачен паникой. Ясно то, что после убийства Кирова он решает осуществить следующее:

1. Свести счеты со всеми, кто открыто выражал сомнения в течение всего этого трудного периода, в частности, от 1932 года до «съезда победителей»;

2. Дать надлежащий урок всем этим потенциальным Николаевым, а их могли быть тысячи, — чтобы действия такого рода никогда бы не повторились.

Затем он приступает к осуществлению задуманного, постепенно, — я не буду подробно перечислять все события, связанные с этим осуществлением, — начиная с вождей бывших оппозиций, кандидатуры которых, в случае замены руководства, были бы очевидны: Зиновьев, Каменев и т. д. Вдобавок он сваливает на них ответственность за убийство Кирова. Но ни первый, ни второй процессы Зиновьева — Каменева не дали ожидаемых результатов. Они не прекратили критику внутри Партии, и вот тому доказательство: бюллетени троцкистской оппозиции содержали сведения, которые могли прийти только из Москвы. Значит, надо было идти еще дальше.

В 1937 году Сталин практически разрушил всю прежнюю Партию с тем, чтобы создать новую: три четверти членов съезда «победителей» и девять десятых Центрального комитета были уничтожены. Численный состав Партии падает до 700,000 членов, из которых половина — новые члены. Сталин заменяет руководство как в армии, так и в колхозах. Прежние руководители высланы в Сибирь, будь то по своему происхождению, бывшие дворяне или интеллигенция. Происходит настоящая социальная революция.

С какой целью Сталин предпринял подобные перемены? Ведь, в сущности, он осуществил своего рода государственный переворот на уровне всей страны. Вряд ли можно говорить о сумасшествии. Вокруг Сталина, вместе с ним действует небольшая группа людей, у которых отчетливая цель: избавиться от всех тех, кто сохранял еще память о том, что предшествовало этому социализму, уничтожить всех тех, которые еще сохраняли образ социализма, отличный от советской действительности. Социализм должен был означать прежде всего Партию, могущество СССР, — и это должно было отождествляться

со Сталиным. Но такое положение можно также назвать национал-коммунизмом или национальным коммунизмом. Впрочем, Партия в дальнейшем будет состоять из людей достаточно простых, не обремененных многочисленными историософскими вопросами.

Каким образом Сталин смог всё это осуществить?

Остается проанализировать последний пункт: чем объясняется, что вся эта система могла функционировать? Чем объясняется, что Сталин смог все это осуществить?

1. Как заметил один советский гражданин, у Сталина было в запасе полмиллиона партийных мест, которые он распределял каждый год. Конечно, это объяснение недостаточно, но оно указывает на существовавший реальный фактор стабильности.

2. Идеология играла околдовывающую роль. Большинство членов Партии искренно верило, что нельзя быть правым идя против Партии. Когда какой-нибудь член Партии подвергался преследованиям, он рассматривал это как ошибку и верил, что справедливость в конце концов восторжествует. Случай Евгении Гинзбург довольно характерен.

При такой психологии у людей была абсолютная уверенность в том, что вождь всегда прав, а остальные виноваты, что нужно верить Партии. Нужно также помнить о том, что члены Партии и руководители считали, что социализм в стране уже построен, и рассматривали и коллективизацию, и государственное планирование как успех деятельности Сталина.

Необходимо также отделять эту «заколдованную» **партийную массу** и руководителей от беспартийной массы, которая фаталистически сносила все трудности.

3. Существует, наконец, другая особенность чисток 1936-37-38 г.г. Эти чистки в основном касались верхних слоев партии, руководящего состава, интеллигенции. С крестьянином и рабочим к тому времени — в основном, между 1929 и 1934 г.г. — уже расправились. Крестьяне

и рабочие пострадали (и страдают до сих пор) первыми. А теперь дошла очередь до верхушки, до всех этих предателей, интеллигентов, поклонников Запада, среди которых было много евреев, бывших буржуев и дворян — и в 1937 г. простые люди смотрели на чистку не без некоторого удовлетворения.

Действительно, нужно сказать, что существовало своего рода согласие, нечто вроде союза между Сталиным и народом. По этой причине народ до сих пор относится к нему с некоторым преклонением. Этот безмолвный союз был направлен против **партийных**, интеллигенции, начальства, он доходил почти до коллективного психоза; по этой же причине вера в сталинские мифы оказалась у простого народа куда сильнее, чем у интеллигенции. Интеллигенция могла различить в этих мифах ложь. Но для простых людей эти мифы казались правдой, и если жить было так трудно, то только потому, что везде было «предательство». Если не хватало еды, если все влачилось кое-как, то объяснение было одно — всё дело в «предателях».

Для подтверждения такого отношения народа достаточно указать на успех, которым сопровождалась послевоенная кампания по преследованию «космополитов»: Сталин использовал в ней антисемитизм, бытовавший в народе, для борьбы с инженерно-техническим составом и интеллигенцией для усиления националистической политики, в которой большое место занимала ксенофобия (надо было всячески постараться отдалить Россию от Запада как раз в тот трудный момент послевоенного восстановления, когда страна была готова последовать западному примеру). Успех кампании как раз демонстрирует этот молчаливый сговор Сталина с простонародием.

При завершении длинного процесса Сталин располагает Партией, состоящей из коммунистов, у которых сильны национальные тенденции, которые принимают какую угодно политику, даже союз с Гитлером (Партия, которая состояла бы из настоящих социалистов, как в 1929-30 г.г., с большим трудом пошла бы на такой союз). Но теперь у Сталина Партия, которая во имя государственных интересов способна на всё что угодно.

Резюмируя этот анализ, мы можем сказать, что советская система в 1937-38 г.г. привела к созданию своеобразного национального коммунистического государства, или, следуя другой формулировке, к всеобщей идеократической бюрократии. Эта система развивалась в направлении создания экономической мощи, которая должна была служить для создания мировой военной державы. Система была осуществлена в 1938-39 г. Теперь оставалось лишь её использовать.

Итог

Теперь нам предстоит довести до наших дней и углубить анализ советского опыта, каким мы его описали на предыдущих страницах. Мы остановились в конце тридцатых годов, точнее говоря, в 1939: то есть на окончании великих сталинских чисток. Советский Союз еще не вступил в войну. Теперь мы рассмотрим окончание сталинского периода и то, что произошло с Советским Союзом после смерти Сталина, когда страна пыталась осуществить ряд реформ, то продвигаясь вперед в их осуществлении, то отступая назад. Мы рассмотрим все эти явления прежде всего с той точки зрения, благодаря которой в итоге мы сможем задать себе вопрос более обширный: в какой степени режим, общество или коммунистическая партия, находящаяся у власти, способны десталинизироваться, либерализоваться, социализироваться в социал-демократическом смысле этого слова?

Этот вопрос, интересующий всех, важен еще и в связи с последними событиями французской политики и рядрядкой международной напряженности. В самом деле, для того, чтобы возникла подлинная возможность такой разрядки, необходим хотя бы минимум некоторой эволюции режима и советской системы, как в СССР, так и в странах советского блока. Какую возможную эволюционную кривую может описать коммунистическая партия и система советского типа не только в Советском Союзе, но и во всех странах, повторивших в своей истории советскую модель?

Чтобы более точно определить возможную эволюцию режима или отсутствие такой возможности, необходимо вновь просмотреть основные линии нашего анализа до 1939 года. Действительно, предел советского развития, упрочение сталинизма и великий поворот советского режима падает как раз на годы, предшествующие 1939. — то есть 1936 или 1937 г.г. Но чтобы понять этот предел развития, этот апогей Советского Союза, нужно еще раз просмотреть, каким образом советская система пришла к нему.

Общий охват анализа.

Советский режим возник благодаря ошибке, подобной Колумбовой. В общих чертах можно сказать, что большевистская Партия захватывает власть в 1917 году по той причине, что не было ни одного соперника, способного ей противостоять. Только по причине этой политической пустоты большевики могут кое-как захватить власть, а совсем не потому, что они действительно контролируют страну. Различные перипетии 1917 года позволяют этой группе, преимущественно состоящей из конспираторов бланкистского характера или типа карбонариев, захватить местные органы власти в Петербурге, из-за отсутствия политической власти, а также — что еще важнее — из-за отсутствия социальных структур, благодаря которым можно было оказать сопротивление этой группке бланкистского типа. Первая мировая война, первая «демократическая война» в истории (в том смысле, что в ней участвуют все) вынуждает всех так или иначе принять в ней участие, потому что и общество и экономическая машина всех стран, находящихся в состоянии войны, мобилизуются. И воздействие этой войны (всеобщей и демократической) на старый режим и довольно слабо развитое общество могло быть только катастрофическим. Сразу же в течение 1917 года русское гражданское общество начинает разлагаться, но это явление развивается независимо от большевиков.

Когда мы говорим — «гражданское общество», то обычно мы имеем в виду социальные клетки, ячейки, способные организовываться независимо от государства, способные к определению своих нужд и потребностей, поскольку они обычно обладают известным богатством, которое они распределяют между собой, а также и потому, что они обладают той или иной интеллектуальной, профессиональной или другой какой способностью; они могут быть полезными всему обществу как раз благодаря своей способности, которой не все обладают. Стало быть, та часть общества, которая способна к самоуправлению, не прибегая при этом к помощи государственного управления, и является тем, что мы называем «гражданское общество». Практически к нему относятся все, за исключением чернорабочих, крестьян или неквалифицированных рабочих. К нему относятся различные слои буржуазии (ибо их существует несколько), дворянство, представители свободных профессий, духовенство, кадровые военные, — словом, все те, кто составляет руководство тем обществом, каким мы его знаем.

В России же, из-за громадного преобладания довольно бедного крестьянства, из-за незрелости рабочего класса, в 1917 году это гражданское общество было немногочисленным, слабо вкорененным в жизнь страны, не имевшим большого влияния. И это слабое гражданское общество, столкнувшись с невероятным грузом — мобилизация народных масс и экономических ресурсов страны — в течение 1918 г. начинает разлагаться; при этом образуется политическая пустота, о которой говорилось выше. Эти два явления связаны между собой. Совпадение этих двух обстоятельств обеспечивает успех в октябре 1917 г. небольшой группке, которая насчитывала всего 125,000 членов, что было совершенной чепухой для страны с населением 170.000.000 жителей. Эти чрезвычайные обстоятельства позволили этой группке захватить власть.

Лишь в течение 1918 года эта группка ухитрилась заместить гражданское общество — точнее, с осени 1918 года. Ибо 1918 год — год подлинной русской революции. Именно с этого времени партия бланкистов-карбонариев-ленинцев оформляется в подлинную ленинскую партию, от-

носителем многочисленную (в конце гражданской войны было уже 600,000 членов, и вероятно, больше). И эта новая ленинская партия замещает собой старое русское гражданское общество, которое было полностью уничтожено в период различных потрясений 1918 года.

В 1919-20 г.г. явление замещения гражданского общества, явление единственное в своем роде в истории Европы и даже мировой истории: место предыдущего гражданского общества замещается Партией-Государством, всеобщей идеократической бюрократией. Очень важно подчеркнуть эту особенность, поскольку именно идеология придает этой бюрократии её общественную связность, её государственное основание, мессианский смысл и невероятную социальную силу. Эта сила Партии заключается не в количестве членов Партии, но в том образе, которым они представлены в мире, образе, по которому — в их глазах — они не только являются субститутом общества, которое больше не существует, но субститутом пролетариата и всех несправедливо униженных в социальном отношении; а следовательно, они являются и самыми добродетельными. Короче говоря, все бывшие униженные и оскорбленные воплощают будущее, ход истории, прогресс, гуманизм и т. д. В общем, они-то и воплощают социализм. Таким образом, из этой идеологии большевики извлекают большую силу нового мессианизма или социализма.

Но вот все эти бывшие униженные становятся хозяевами страны в 1918 — 1919 г.г. Они начинают строить социализм. В самом начале у них не было намерений строить его немедленно, потому что, как учит марксизм, для осуществления подлинного социализма нужно прежде всего осуществление «революции» в экономически развитых странах, где уже существует товарное изобилие, для того, чтобы социализм стал реальностью, а не только лозунгом. Но в силу обстоятельств, — поскольку нет революции на Западе, в особенности в Германии, поскольку идет гражданская война, — приходится выдумать «социализм в одной стране». Этот лозунг пока еще не пользуется большим употреблением, но он представляет как раз то, что большевикам пришлось срочно осуществить.

Социализм и его подлинное рождение.

Что означает слово «социализм»? По той причине, что оно значит слишком многое, оно не значит ничего. Социализм — это понятие, несколько химерическое, которое было образовано для обличения тяжких, аморальных, эксплуататорских сторон того мира, в котором мы живем. Социализм — это идеальное существо, идеальная альтернатива реальному обществу. В истории никогда не существовало такого социалистического общества, которое все бы признали обществом социалистическим. Социализм — это утопия, сфабрикованная на основе обличения эксплуатации, в которую было включено несколько аспектов реально существующего мира, того, который социалисты именуют капиталистическим миром. Вот поэтому, когда в России начинают строительство социализма, в 1918 — 1919 — 1920 г.г., под социализмом подразумевают антикапитализм. Такая форма социализма осуществляет всё наоборот, чем это существует при капитализме, в мире реальных отношений:

1. Социализм означает прежде всего **отмену частной собственности**. Есть прямая связь между частной собственностью и существованием гражданского общества — когда людей лишают частной собственности, которая является как бы их частью (в этом и смысл слова **частная**, **собственная**), их одновременно лишают независимости по отношению к Государству, потому что вышеозначенная собственность больше не служит людям, народу, она служит Государству, то есть Партии, которая претендует быть представителем народа. Значит, этот социализм является прежде всего уничтожением частной собственности, а поэтому уничтожением гражданского общества. Это общество уже разлетается как карточный домик, но в течение 1918 — 1919 г.г. оно было окончательно сломлено восходившей Партией-Государством.

2. Социализм означает также **уничтожение свободного рынка**, уничтожение выгоды, обмена, денег, всего того, что связывается с эксплуатацией; всё это должно исчезнуть в социалистическом обществе. Но уничтожение свободного рынка означает концентрацию всей продукции и

средств обмена в руках Государства; снова мы видим усиление Государства. Нужно ли напоминать, что перед нами не обычное Государство, которое венчает общество, но Государство-Партия, замещающая собой гражданское общество. Следовательно, с упразднением свободного рынка Партия-Государство как субститут независимого общества вторично усиливается.

В течение всего периода **военного коммунизма**, с 1918 по 1921 г. новый советский организм, Партия-Государство, успешно уничтожает (в чём ему помогает мировая и гражданская войны) целиком всё гражданское общество и во всей стране происходит замещение гражданского общества Партией-Государством, за исключением одного единственного, но огромного сектора — крестьянства. Военный коммунизм не смог ни справиться с крестьянством, ни ликвидировать его как независимую силу и социальный класс. Но все остальные социальные слои этого общества либо уничтожены, как дворянство, либо, как это было с различными слоями буржуазии, — этатизированы, впрочем, как и рабочий класс. Крестьянство пока ускользает от этой ликвидации, потому что новая Партия, даже со своими 650,000 членами, не была еще достаточно многочисленной и сплоченной, чтобы поглотить и переварить эту колоссальную крестьянскую массу России.

Сопrotивление крестьян, иногда скрытое, иногда неистовое, каким оно было в 1921 г., приводит к возникновению нэпа. Иначе говоря, распространявшееся повсюду сопротивление заставляет Государство отступить и вернуться к рыночной экономике, во всяком случае, частичной, к некоторой децентрализации, к относительному сокращению государственного контроля. Нэп является отступлением, поражением Партии, она вынуждена отказаться от этого тотального замещения общества — в чем и заключается смысл ленинской формулы.

Затем, в 1929 году, Партия-Государство второй раз предпринимает попытку полного поглощения крестьянства, окончательного уничтожения независимой части общества, — и предпринимает это путем коллективизации и ускоренной индустриализации, в частности, этим

первым пятилетним планом, который должен быть выполнен в четыре года.

Во всей этой ситуации суть заключается совсем не в личности Сталина; главное — в сути и логике самой системы, которую Сталин лишь выразил. Разумеется, Сталин действовал гораздо более жестоко, чем кто-либо; но через все эти возможности того или иного личного начала нужно понять логику самой системы: все решалось во имя той идеологии, которая сделала из Партии субститут пролетариата, великого защитника прогресса, жизненно-го процветания, экономического развития и т. д., словом, социализма. Во имя этой идеологии Партия не может согласиться с существованием независимых от неё крестьян, которые составляли 70 — 75 процентов всего населения, — и они жили по законам свободного рынка и не собирались ничего даром отдавать Партии, но лишь в той мере, в какой эта Партия (посредством рынка) могла и им что-то предложить в обмен. Эта экономическая и социальная — а поэтому идеологическая и нравственная — независимость крестьянства была недопустима в глазах Партии. И во время первого пятилетнего плана крестьянство как социальная группа, независимая от Государства, уничтожается.

Победа социализма.

К концу этого сталинского наступления в 1932-34 г.г. больше никакого «общества» в России нет; все уничтожено и введено в сеть контроля всеобщей идеократической бюрократии Партии-Государства. В каком-то смысле можно сказать, что это заключение всего русского общества в сеть Партии-Государства оказалось деятельным или инициативным фактором некоторого экономического развития: была осуществлена крупная промышленная индустриализация и усиление интенсивности сельского хозяйства, для финансирования дальнейшего развития.

Однако, говоря строго экономически, коллективизация была абсолютной катастрофой — не с точки зрения государственных нужд, а в смысле развития некоторых эко-

номических секторов, — от которой Советский Союз не может оправиться и в наши дни. Промышленный рост и развитие индустрии, какое бы впечатление ни производили они в некотором отношении, были достигнуты такой ценой (не говорю уже о цене человеческих потерь), что всю эту индустриализацию следует рассматривать как наименее рентабельную и наиболее скверно организованную, какие вообще когда-либо существовали за всю историю индустриализации (я опираюсь в данном случае на данные А. Гешенкрона)¹. Можно сказать, что экономическое улучшение положения страны, предложенное Витте в 1890 году, было значительно лучше продумано и осуществлено. Значит, и в отношении экономического возрастания, в сугубо экономическом отношении вся политика большевиков была далека от успешного осуществления.

После этих перемен предполагалось, что государство вступило в стадию социализма. Здесь-то и наступает великий поворот советской системы. Ведь социализм всегда был лишь антикапитализмом, он совершал все в противоположность капиталистическому обществу. Был уничтожен свободный рынок; все, что отдаленно могло напоминать капитализм, было уничтожено — частные предприятия, выгода, прибыль и т. д. Официально всё это больше не существовало; из самой основной области капитализм был изгнан; значит, социализм наступил. Так называемое капиталистическое сельское хозяйство было заменено коллективистским, иначе говоря, этатизированной сельскохозяйственной системой. — а так как коллективизм является видом братской социалистической помощи, значит и в сельском хозяйстве наступил социализм. Кроме того, была создана цепь сельскохозяйственных заводов; современная промышленность приводит к изобилию, что, как известно, составляет самую сущность социализма. Все это также обобществлено и этатизировано. Наступил окончательный социализм.

В 1933-34 г.г. Сталин закончил вторую кампанию «военного коммунизма»: на этот раз она удалась. Он смог

1. A. Gessenkron "The rate of industrial growth in Russia since 1885", in *Journal of Economic History*, supplement 7, 1947

осуществить то, что Ленин не сумел и от чего он был вынужден отказаться в 1921 году. Вот с этой успешно законченной кампанией «военного коммунизма» Сталин наконец построил социализм (в том смысле, какой я вижу в этом понятии, то есть антикапитализм). Вместе с ним он учредил систему всеобщей идеократической бюрократии, далеко еще несовершенную, но максимально всеобщую. Вот и становится ясно, исходя из логики самой системы всего советского развития, что больше никаких задач не было. Цель была достигнута. Само собой разумеется, что кое-что следовало исправить, кое с какими злоупотреблениями бороться, усилить эффективность ряда секторов экономики; одним словом, исправить существующие недостатки. Но общей цели больше не было. Социализм был построен.

Но ведь на самом деле была построена система всеобщего государственного рабства! Коллективизация — это форма крепостного права куда более суровая, чем та, что существовала в царское время. И к тому же было осуществлено не только крепостное право, распространявшееся на крестьян, но и на рабочих, — совершенно новое изобретение в истории. Значит, цель была достигнута, социализм был построен в форме **капитализма наоборот** и создана своего рода изнанка промышленного современного мира; но весь этот социализм стал универсальным рабством, крепостным правом.

Мы подходим к самому решающему моменту: после того, как объявлено, что намеченная цель достигнута, нельзя уже ни вернуться назад, ни переделать коренным образом то, что было воздвигнуто. Невозможно было сознаться, что был построен не настоящий социализм; нельзя было говорить правдиво о действительности, которая, несмотря на объявленный социализм, была системой всеобщего крепостного права. Поэтому пришлось погрузиться в систематическую ложь, которую много позже будет обличать Солженицын. Нельзя открыто заявить, что король голый, нужно твердить о его величественных социалистических одеждах. Нужно твердить и о том, что имеющиеся неполадки системы объясняются исключительно существованием изменников, троцкистов, капита-

листов, агентов империализма. — одним словом, теми, кто находится в заговоре против страны и угрожает ее социальному и экономическому росту.

Так в 1936-37 г.г. совершается поворот, когда сталинизм действительно становится сталинизмом. Это произошло не случайно; и дело не в том, что Сталин был сумасшедшим или кровожадным (хотя он и был им); не причем здесь и сталинская мания величия (хотя он и страдал ею). Всё это было и до 1936-37 г.г. Но именно в эти годы возникает новое положение, которое можно проанализировать следующим образом: цель была достигнута, но оказалось при этом, что она фальшива, но никто не может с этим согласиться, и нельзя вернуться вспять; ничего не остается, как заявить, что социализм построен. Вследствие этого вся страна заволакивается ложью, совершенно небывалой в истории.

Есть своя логика в том, что сталинизм созрел именно в этот момент. Как раз к этому периоду, между 1934 и 1937 годами, идеологически режим оформляется и отвердевает; возникает явление «провала памяти», становящееся систематическим: больше ни слова не говорится ни об уничтожении Троцкого, ни о прошлом, ни о том, что не укладывается в официальные рамки. Не случайно, что как раз с 1936-37 г.г. черное зовут белым и наоборот, и вся система этой лжи закрепляется соответствующими институтами.

И более того. Для осуществления этой политики «провалов памяти» пришлось прибегнуть к некоей хирургии, которая совершалась не только над живыми людьми, но и над трупами. Нужно было также заменить тех, кто еще помнил двадцатые годы, когда черное все же называлось черным, когда можно было публично спорить, когда существовала относительная свобода, когда еще не жили в кошмаре 36-37 г.г. Но не только их; надо было избавиться и от тех, в чьей памяти были еще живы те невероятные лишения, когда воздвигался социализм между 1929 и 1933 г.г., когда в 1934 г. многие резко критиковали Сталина и несколько раз собирались его заменить, потому что в их глазах он, в конце концов, символизировал ту систему, которая действовала из рук вон плохо. Необходи-

димо было разделаться со всеми, кто предшествовал строительству социализма, и заменить их людьми, которые были целиком и полностью воспитаны в так называемом сталинском социализме.

Вот почему между 1936 и 1938 г.г. мы наблюдаем явление, не имеющее подобных в истории: руководство Партии осуществляет гигантский переворот внутри партийного состава — 80 процентов партийного руководства смещено, и на их место поставлены новые руководители; создается в сущности новая партия, во главе которой стоит Сталин. В экономике, армии, сельском хозяйстве полностью заменяется руководство. Весь руководящий партийный состав, который вместе со Сталиным созидал социализм, замещен новыми людьми, пришедшими извне, для которых социализм был действительно делом Сталина. Вследствие этих замещений Партия действительно стала полностью сталинской.

Итак, цель достигнута, псевдосоциализм выдан за подлинный. Этот псевдосоциализм покоится на кадрах, которые были порождены им самим и которые верят — насколько они могут верить — в него. В 1939 году внутренняя структура системы завершена, и отныне ничего в ней нельзя изменить — это означало бы подвергнуть опасности самое её существование. Предпринятая социальная революция окаменела в системе всеобщей идеократической бюрократии и крепостной зависимости от Государства. Для того чтобы эта система функционировала, пришлось её облечь в разнообразную идеологическую ложь. Сталинская система завершена.

Отныне становится крайне сложно менять что-то во всем этом ансамбле, тем более, что после тридцать девятого года эта система получает новое направление. Дело в том, что для системы такого индустриального рабства совершенно естественно увеличивать до максимума промышленное производство — в конечном счете для усиления государственной мощи. Но для чего нужна эта мощь? В основном, для нужд внешней политики. В конце тридцатых годов, вплоть до 1942 г., советская внешняя политика была скорее оборонительной. У Советского Союза тогда не было никаких намерений объявлять войну кому-

бы то ни было, ни гитлеровской Германии, ни франко-английскому империализму. Действительно, в то время и Сталин, и его окружение прекрасно знали, что Советский Союз еще слишком слаб. Они отлично знали ту цену, в которую им обошлось строительство социализма, и видели, что страна была не в состоянии воевать с державами, гораздо более развитыми в промышленном отношении, лучше организованными и более сплоченными. Советская система стала формой государственного милитаризма, в которой все производство нацелено на увеличение военной мощи, в оборонных целях.

Война.

Национальный сталинизм.

К великому неудовольствию Сталина, Советский Союз должен был вступить в войну в 1941 году. В течение первых шести месяцев вся советская система чуть было не рухнула. Советский Союз теряет за этот срок полмиллиона человек.

Немцы подходят к Москве и год спустя оказываются на Волге. Советская система сумела выстоять, главным образом, из-за целого ряда ошибок Гитлера. Население, в конце концов, стало на защиту режима: сколь ни отвратителен он был для большинства людей, Гитлер и его система казались еще более отвратительными; за неимением лучшего население стало защищать существовавший режим.

Начиная с 1942 г. система принудительного труда приводит к тому, что промышленное производство для военных нужд значительно возрастает. Вот тогда-то государство открывает свое национальное призвание. Во время войны в первый раз происходит слияние сталинской системы и русского национализма.

Это слияние выражается прежде всего в изменениях состава Партии. Она насчитывает в 1929 году чуть больше миллиона человек, незадолго до начала сталинского наступления на крестьянство. Затем её численность в

1936-37 г.г. сведена к 600,000. Мы знаем, что среди них насчитывалось около 200,000 старых членов партии и 400,000 новых. В 1941 году состав Партии взлетает до 1,600,000 — 1,800,000 человек, теперь её состав значительно превосходит то, что было в 1929 году. Это Партия, практически созданная вновь, и на этот раз является полным творением Сталина. Затем, за военные годы, численность Партии снова умножается и достигает 6 или 7 миллионов человек. Значит, третья сталинская Партия, созданная в период войны, и является национальным сталинизмом, во главе со Сталиным. Эта партия создается сначала во времена торжествующего сталинизма (1936-39) и затем слиянием сталинизма и национализма во время войны. Таким образом, оказывается, что эта система не только построила социализм, но и выиграла Вторую мировую войну, — напомним, что после 1812 года ни один царь не одержал крупной военной победы. Тут сталинская система оказалась более эффективной, чем царская.

Построить социализм, выиграть войну против самой могущественной страны Европы, в условиях, когда поддержка союзников — во всяком случае, в глазах советского руководства — была второстепенной, — всё это невероятно подняло престиж советского социализма. К тому же после 1945 года новый национальный сталинизм функционирует, опираясь на 7 миллионов кадровых коммунистов, которые не знали ничего о том, что происходило на деле до 1936 года; они выросли уже в эпоху всеобщей лжи и национального торжества. И эта военная держава завоевывает пол-Европы. У неё возрастает и военное влияние на те страны, которые в дальнейшем получают название стран Третьего мира. Это военное влияние вначале было очень сильным и в Китае — до 1960 года советские руководители считали, что китайцы на их стороне и что они контролируют их военную мощь. Следует припомнить и недавние превратности советского руководства со странами Третьего мира.

Можно сказать, что после смерти Сталина осталась система, которая является достижением. Действительно, несмотря на то, что она удушающе-тоталитарная во вну-

треннем плане, — поскольку независимое русское общество было уничтожено, — что со всех сторон система окутана непроницаемой ложью, тем не менее она представляет, безусловно, своего рода успех. Она распространяет по всему свету свой идеал построения социализма, утверждая, что вся социальная и государственная жизнь за границей, в Париже, в Риме. . . — это ложь. . . тогда как она, эта система, — сущая правда. Сверх того, у этой системы совершенно явная имперская мощь. Таким образом, эта система — достижение, совершенно кошмарное достижение, но её успех бесспорен.

Может ли советский режим эволюционировать?

Можно задать себе вопрос — каким будет будущее подобной системы? В некотором смысле никаких задач у неё больше нет: тот социальный порядок, который она сама себе определила, создан. С построением социализма иных задач у системы внутри страны нет. Коренное улучшение или перемены внутри такой системы невозможны. По ту сторону социализма нет решительно ничего.

Для того чтобы снабдить советское общество целью, остаются лишь две области — националистическая и имперская. Постоянное увеличение военной силы, сначала в Восточной Европе, затем на Дальнем Востоке, в Африке и, наконец, в странах Третьего мира объясняется тем, что советский режим, не имея никакой внутренней цели, существует исключительно военной экспансией.

Еще при Сталине начинается процесс, длившийся несколько лет, — процесс управления всей империей, включавшей Восточную Европу. Не входя в подробности, отметим, что этот процесс состоял из двух периодов — сначала советское руководство наталкивалось на решительное народное сопротивление, а затем (с политическими процессами Будапешта, Праги и т. д.) наступало торжество настоящего сталинизма. Советский контроль над Китаем не удался и сорвалось — в 1953 году — руковод-

ство Северной Кореей. Но здесь важно другое: последняя стадия сталинизма — это стадия внешней военной экспансии.

Что же еще можно было делать во внутривластном отношении? После войны советское руководство вновь укрепляет эту систему, расшатанную войной, причем это укрепление происходит в атмосфере ксенофобии, национализма и антисемитизма, с известной кампанией против космополитов, против всего иностранного. Подобной кампании в тридцатых годах не было. Безусловно, такая атмосфера была новым элементом. Но вообще же с 1945 года до смерти Сталина власть занята лишь укреплением того, что уже существовало. Напротив, в отношении внешней политики имперская роль страны продолжает усиливаться, не без недоразумений, конечно, — пример с Китаем это ясно показывает. Но при жизни Сталина созданная им система отлично функционирует.

В отношении внешней политики смерть Сталина мало что меняет. У Советского государства никаких внутриполитических задач нет; оно обращается в сторону внешней военной экспансии. В этой политике у СССР будут и взлеты и падения, успехи и поражения, — в частности серьезным поражением будет Китай. Но и кубинская авантюра в 1962 году также окончится поражением, Хрущев в этой истории зашел слишком далеко. Также поражение в Конго в 1960 году. Серьезнейшее поражение в Индонезии, когда вся компартия этой страны была ликвидирована в 1964-65 г.г. Но зато большой успех во Вьетнаме, значительный успех в течение некоторого времени на Ближнем Востоке, успех в настоящее время в Эфиопии (в 1974 году. *Прим. переводчика.*)

Словом, при всех этих успехах и поражениях существует постоянная тенденция: концентрация всех сил на внешней политике имперского типа, которая существует в самой сердцевине советской системы, которая сама по себе не способна разрешить свои внутренние проблемы и для этого должна концентрировать все силы во внешнеполитической области, для осуществления авантюры имперского характера. По моему мнению, такая ситуация вытекает из самого генетического кода системы, вне всякой связи с той или иной личностью или руководством.

Хрущев и десталинизация.

Опыт Хрущева в 1956 году, от XX съезда до хрущевского падения, — это опыт полного поражения, который совсем не связан с особенностями личности человека, его осуществлявшего. Это поражение было вызвано также логикой самой системы и, если так можно выразиться, его генетическим кодом.

Мы знаем, что именно Хрущев собирался осуществить, поскольку он написал свои воспоминания, которые безусловно подлинны, хоть и тенденциозны, и представляют значительный интерес. Что же хотел Хрущев осуществить? По той причине, что он находился на самой верхушке власти, он вблизи мог наблюдать за безумием сталинской системы, безумием, которое в его глазах было самоубийственным, поскольку оно угрожало существованию самой Партии. Он превосходно знал, что Сталин фактически заменил одну Партию другой, начиная с 1936-37 годов, и видел, что, вполне возможно, Сталин снова собирался осуществить такую же точно замену, после дела врачей зимой 1953 года. Главная цель Хрущева заключалась в следующем: раз и навсегда сделать невозможным подобный переворот, то есть уничтожить добропорядочных коммунистов и заменять их другими, которые должны обогатить, оклеветать их, чтобы занять их ответственные должности.

Таким образом, Хрущев хотел сделать все, чтобы помешать новому вождю типа Сталина еще раз сменить всю Партию. Поэтому Хрущеву необходимо было разоблачить Сталина прежде всего в этом направлении. Но Хрущев не учел того обстоятельства, что явление чистого сталинизма могло возникнуть только один раз, в тот момент, когда происходит строительство социализма, когда есть еще независимое общество или часть его, независимая от Государства, или когда существует еще оставшийся отрок рыночной экономики, когда осуществляется переход ко всеобщему крепостному закабалению Государством, или когда сам уже существующий сталинизм упрочняется; глубокие перемены системы возможны лишь в этот кровавый период. Но заменить Партию в 10 миллионов

человек, какой она была в то время, когда Хрущев читал на съезде свой секретный доклад, было уже невозможно. Тем более, что никакого социализма не требовалось строить — он был уже построен, и вся страна была полностью под контролем властей. Меры принуждения в том виде, в каком они были при Сталине, уже были невозможны.

Однако Хрущев во что бы то ни стало хотел сделать невозможной подобную замену Партии.

1. Десталинизация должна быть тайной — Хрущев настолько наивен, что считает, что подобное предприятие может остаться тайным, неизвестным и в стране, и в мире;

2. Эта ограниченная десталинизация должна была прежде всего реабилитировать коммунистов, погибших в чистках; и, следовательно, доверие к Партии будет восстановлено. На деле для Хрущева, как и для Сталина, Партия и является социализмом, партийная власть и есть социалистическая власть.

Но Хрущев при этом не понял, что потоп не может быть контролируемым. Такое событие не могло остаться тайным ни в стране, ни за границей; и как только на перифериях Советского Союза и на всей территории её империи поняли бы, что меры принуждения и контроля ослабли, неминуемо разразился бы неуправляемый потоп. Он кстати и разразился — в Польше, в Венгрии; но и в Советском Союзе был мини-потоп. Даже в 1956-57 годах все уста, которые до сих пор были герметически закрыты, заговорили (не в народе, но среди руководящего состава, интеллигенции и т. д.), и хрущевский режим быстро осознал, что такая реакция была крайне опасной; при режиме, столь централизованном, как советский, когда происходят неполадки наверху, все грозит развалиться. (Именно это и произошло в Венгрии, где режим распался за один день и Партия исчезла за одну неделю; подобное чуть не произошло в Польше.)

Надо было снова крепко завладеть положением; известно, каким образом это сделал Хрущев в Венгрии и Польше. Но Хрущев так и не понял, что существует несовме-

стимость генетического характера между либерализацией и — не сталинизмом, но ленинизмом, т. е. Партией, созданной по формулировке демократического централизма, с той идеологией, которая превращала эту Партию в глубокий символ пролетариата, движения истории и т. д. Не было никакой совместимости между этой Партией и реакцией на десталинизацию, которая захотела бы либерализовать демократический централизм.

Сталин был высшей стадией ленинизма, он неотделим от всей советской системы. Сталин воплощает принудительный образ жизни, овеванный крайней ложью, потому что именно он осуществил этот переход от реального мира к миру социалистическому. Сталинизм — это кульминационная точка того, что началось еще при Ленине в эпоху военного коммунизма. Когда Хрущев попробовал снова, в 1961-62 г.г., атаковать Сталина, он думал, что он может это осуществить, не касаясь советской системы в целом. Когда он это сделал, в советской стране и на её окраинных территориях волнений не было, кроме как в Чехословакии значительно позже (в 1968 г.), но были волнения в СССР осенью 1962 года, когда Хрущев разрешил публикацию повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Оставим в стороне весь облик повести и её литературные достоинства. В глазах советского населения её публикация означала, что снова ведется атака на Сталина, его личность, нападение на всю сталинскую систему, потому что повесть Солженицына представила сталинизм как глобальное явление, всё, что происходило в ней, было своего рода микрокосмом этого макрокосма, всего Советского Союза. Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» заключала в себе нечто вроде сигнала, что можно в принципе переделать всю систему. Но советская система — это не только сталинизм: распад сталинизма был бы распад всей системы, ибо тотальная коллективизация, осуществленная Сталиным, в самом начале была идеей Ленина и она подразумевалась вообще в идее социализма, понимаемого как антикапитализм, как уничтожение всего того, чем является старый т.н. продажный мир эксплуатации человека человеком.

Во второй раз Хрущев подверг смертельной опасности всю советскую систему. Брежнев и его окружение очень скоро поняли, что дело не в «десталинизации», а в «деленинизации», «десоветизации», и что этот бедняга Хрущев не понимает, что творит.

К тому же Хрущев становился опасным и из-за своей иностранной политики на Кубе. Хрущев был смещен, и советское руководство вернулось к тому, что на Западе вульгарно называют сталинизмом. Но это не тот сталинизм — в том смысле, в каком я употребляю этот термин, — то есть грандиозное внедрение этой кошмарной всеобщей зависимости и принудительного труда, этот невероятный психоз, объявивший тогда всю страну, с 1929 по 1929 г.г.

Брежнев и управление режимом.

Такой период строительства социализма и усиленный террор не могли больше повториться. Теперь главия забота Брежнева в основном заключалась в том, чтобы покончить со всеми реформаторскими попытками Хрущева. Эти попытки дважды чуть не привели СССР к катастрофе, — в первый раз существование советской империи в Восточной Европе чуть не было поколеблено, а во второй раз, из-за чешских событий, чуть не подорвалась твердость самого Советского Союза, в результате отраженного действия этих событий.

Поэтому Брежнев и его окружение поняли, что хрущевская попытка отказаться от сталинизма, не отказываясь при этом от ленинизма, немыслима: вся структура системы стала таковой, что в ней ничего нельзя было переделать. В своем руководстве они осуществили не привычную форму сталинизма (одновременно чудовищную и довольно грандиозную форму правления), но консервативный ленинизм, отказавшись при этом от всякой критики Сталина: о нем попросту больше не говорят. Партия обходится без наиболее дорогостоящих и наиболее мрачных репрессивных методов советской системы.

Руководство пытается кое-как улучшить жизненный

уровень страны, в основном благодаря торговым кредитам, предоставленным западными странами. Оно старается представить себя в человеческом свете, совершая оккупацию страны, подобно той, что была совершена в Чехословакии, только в том случае, если это совершенно необходимо². Оно не прибегает к организации политических процессов, какие были в Будапеште или Праге в последние годы жизни Сталина. Оно совершает минимум репрессий и старается скрыть то, что возможно скрыть. Оно облакает политические репрессии в форму принудительных лечений в психушках. Оно выпускает за границу наиболее опасных, как и наиболее талантливых оппозиционеров, — как Солженицын.

Но на все эти уступки руководство идет лишь для того, чтобы сохранить самое основное — партийную власть, вездесущую партийную власть внутри страны, и, соответственно, в широком смысле слова, мировую мощь государства. Ибо основная формулировка, которую можно приложить к системе, — в том виде, в каком эта система существует со времен Второй мировой войны, — остается той же: перед нами общество, заблокированное изнутри, заблокированное при помощи террора и некоторого величия во времена Сталина, наполовину деблокированное, «беспорядочное» во времена Хрущева, снова заблокированное при Брежневе, с гораздо меньшим террором и гораздо большей посредственностью. Это общество не способно ни к какой эволюции, потому что единственная возможная эволюция заключается в возвращении рыночной экономики — что сразу опрокинуло бы всю систему, — а затем возвращение к некоторой независимости общества, что во второй раз нанесло бы ей окончательный удар.

Таким образом, перед нами общество, полностью заблокированное изнутри. В самом деле, куда оно может направить свои силы? Социализм уже построен. Единственной подлинной целью такого общества могло бы быть возвращение назад, то есть глубокий отказ от всего, что было сделано. Но об этом даже нечего и думать. Все менее и менее конкурентоспособное как производящая си-

2. Курс был прочитан до вторжения в Афганистан (Прим. переводчика)

стема, — как раз по причине внутренней блокировки общества, — советское государство с увеличивающейся тревогой следит за внешними событиями, рассуждая примерно так: «Надо выиграть, надо нейтрализовать наших конкурентов за границей, иначе мы всё потеряем, и этим воспользуется либо Китай, либо западные страны». Советские власти вынуждены уже ввозить зерно. Вот поэтому, как в 1945 году, советскому руководству остается лишь одно: пуститься сломя голову в различные военные авантюры, ибо это единственная цель, приемлемая для такого общества, или, точнее говоря, «антиобщества», с единственной Партией-Государством, полностью заблокированного изнутри.

В конце концов мы приходим к заключению крайне пессимистическому. Внутри самой себя эта система неспособна ни к какой реформе, либерализации, «социал-демократизации», поскольку самые безотлагательные реформы привели бы к ликвидации всю систему. Значит, выход один: режим обречен на усиление военной экспансии, которая, на деле, является лишь осуществлением лихорадочных и кратковременных военных авантур.

— КОНЕЦ —

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
От редакции.....	5
Введение: Опыт анализа революционного процесса в России (1904-1934 г.г.)	7
Часть I. Революции и русская революция	31
1. Революции или европейская эволю- ция XIX века	33
2. Приложение к России немецкой модели	42
Часть II. Кризис 1905 года: происхождение и действующие силы.....	52
1. Действующие силы.....	58
2. Прелюд к революции.....	77
Часть III. Предреволюционный кризис 1905-1914 г.г.....	82
Часть IV. От войны к революции 1914-1917 г.г.....	108
1. Кризис 1914 года и его значение	108
2. Революционный процесс 1917 года	115
Часть V. 1917 год, или сомнительная революция	126
1. Четыре этапа 1917 года.....	126
2. Общая характеристика 1917 года ...	130

	стр.
3. К политической анархии	134
4. Была ли неизбежна социальная революция	137
5. Положение страны к моменту захвата большевиками власти.....	139
Часть VI. Решающий год — 1918	145
Часть VII. Военный коммунизм	174
<i>Приложение:</i> положение крестьянства у Маркса и Ленина.....	189
Часть VIII. НЭП 1921-1929	194
1. Обзор периода военного коммунизма	195
2. Кризис 1921 года	206
3. Возможные разрешения.....	214
Часть IX. Происхождение сталинизма, или победа идеократической бюрократии	221
Часть X. Итог	265